

**Е. СОРКИН
ВОЗДУШНЫЙ
ВИТЯЗЬ**

great_story
nonf_biography

Игорь
Ефремович
Соркин

Воздушный витязь

Повесть об одном из первых русских военных летчиков Е. Н. Крутене. В годы первой мировой войны он сбил около двадцати вражеских самолетов, стал одним из организаторов истребительной авиации в России, разработчиком основ тактики воздушного боя.
Для массового читателя.

аэроплан,самолет,небо,Ньюпор,Нестеров,Фарман,летчик,первая_мировая_война

ru

ANSI

ABBYY FineReader 11, FictionBook Editor Release 2.6.6
130600171103840000
ANSI
{05D73850-659C-483E-AF9E-4A8A9B60B2A6}
1.01

1.0 — скан, ОЦР, вёрстка, первичная вычитка

Игорь Соркин "Воздушный витязь"
Патриот
Москва
1990
5-7039-0328-8

84.3(2)7 С65

Рецензент КХ Ф. Соколов Редактор З. П. Корягина Художник И. П. Леонов Соркин Е. Б.
Воздушный витязь: Повесть.— М.: Патриот, 1990. 191 с., ил. 60 к. Литературно-художественное издание Борис Ефремович Соркин ВОЗДУШНЫЙ ВИТЯЗЬ Художественный редактор А. А. Митрофанов Технический редактор В. А. Авдеева Корректор Н. В. Матвеева ИБ № 5016 Сдано в набор б 10.89 г. Подписано в печать 13.02.90. Г-43327. Формат 84X108 1/32. Бумага книжн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 10,36. Тираж 50 000 экз. Заказ 7029. Цена 60 к. Изд. № 1/е-339. Ордена «Знак Почета» издательство ЦК

ДОСААФ СССР «Патриот». 129ПО, Москва, Олимпийский просп., 22. Типография издательства «Омская правда» 644056, Омск, просп. Маркса, 39.
возможны опечатки

Посвящается 100-летию со дня рождения Евграфа Николаевича Крутеня.

Далекое становится близким

Мы стали пристальнее всматриваться в прошлое своей Родины, далекое и не столь далекое, и освобождать от мрака забвения людей, события, факты, сыгравшие свою роль в истории нашего государства. Но сколько еще достойного остается за пределами нашего внимания и исследования. Это всецело относится и к истории отечественной авиации.

Что мы знаем о русских первопроходцах пятого океана, само — отверженно штурмовавших небо на хрупких деревянных аппаратах? Наиболее известны нам имена П. Н. Нестерова, М. Н. Ефимова, А. А. Васильева, С. И. Уточкина, Н. Е. Попова, о которых изданы книги. Но почти нераскрытой страницей остаются боевые дела первых военных летчиков России, отважно защищавших славу и честь Отечества. Среди них наиболее яркая фигура — Евграф Николаевич Крутень, который в годы первой мировой войны сбил в воздушных боях около двадцати немецких самолетов.

Евграф Николаевич Крутень был незаурядной личностью в военной авиации первых лет. Его блестящие победы над сильным, хорошо вооруженным противником — результат глубокого знания техники, качеств пилотируемого самолета и высокого летного мастерства, выработанного благодаря вдумчивому анализу зарождавшейся войны в воздухе.

Е. Н. Крутень был подлинным новатором в своем трудном деле. Он впервые сформулировал качества самолета-истребителя, стал наиболее выдающимся творцом тактики истребительной авиации, разработал различные приемы ведения воздушного боя, что и изложил в своих печатных трудах: «Тип аппарата истребителя», «Воздушный бой», изданных в 1917 году. По его инициативе в России были созданы специальные истребительные отряды и группы, ему принадлежит идея парного построения истребителей в полете. Он показал себя талантливым воспитателем летчиков, являя пример личного мужества и отваги, боевого искусства. И, что очень важно, уделял при этом внимание и психологической подготовке воздушных бойцов. Выработанная Е. Н. Крутением тактика истребительной авиации нашла отражение в действиях советских летчиков не только в годы гражданской, но и Великой Отечественной войны, когда в мастерстве ведения воздушного боя соединились воедино высочайшая морально-психологическая и тактическая подготовка.

Документальная повесть Е. Соркина «Воздушный витязь», написанная на основе обширных архивных данных, дает яркое представление о Е. Н. Крутене — истинном летчике и истинном патриоте.

Г. Т. Береговой.

дважды Герой Советского Союза, заслуженный летчик испытатель СССР, летчик-космонавт СССР

Прощание с Санкт-Петербургом

Над Санкт-Петербургом — теплая, августовская ночь. В темно синем небе, как яркая кокарда на офицерской фуражке, овальная луна. Она высвечивает фасады зданий, бронзу памятников, золотые купола и кресты соборов, Неву, над которой разводят мосты, редкие фэтоны. Подпоручик Крутень слушает, как затихает огромный город. Всего лишь вчера он, выпускник Константинов-ского артиллерийского училища, впервые надел новенький мундир темно-зеленого цвета с красным кантом, получил кортик, пистолет. Получил и назначение. Впереди самостоятельная жизнь, долгая армейская служба. А сейчас — ожидание чего-то необыкновенного впереди, радостное предчувствие встречи с близкими.

Ярко светятся окна училища. Там заканчивается бал. Кажется, что гром духового оркестра распирает стены. Его товарищи самозабвенно кружатся в последнем вальсе. Сегодня для них счастливый день.

Последние звуки музыки обрываются, и из дверей училища выпархивают разгоряченные пары. Мимо Нвграфа проходит с девушкой товарищ по отделению Борис Азбуки", бросает на ходу: — Подпоручик Крутень, как всегда одинок и задумчив? Философствуете? Бросьте свои химеры, пойдете с нами — ведь прощаемся с Северной Пальмирой.

— Спасибо, друзья, — кланяется Крутень, — я лучше побуду здесь.

Прощальным взглядом окидывает здание, старые пушки у ворот. Воспоминания обволакивают, как туман в осеннюю погоду.

Он явился сюда почти три года назад из Павловского военного училища, где оказался по выбору отца-офицера, но артиллерия была для него интереснее летного дела, и он настоял на переводе в Константиновское.

Невысокого роста, худошавый, даже щуплый на вид, он оказался на левом фланге, замыкающим. Кто-то из товарищей подсмеялся:

— У вас в Павловском все такие богатыри?

— Их там для петербургской гвардии готовят — гвардейцы должны быть рослыми и бравыми, — подхватил другой.

Евграф болезненно переживал насмешки, но никогда не подавал вида. Так поступил и в этот раз. Зато на первых же уроках заставил товарищей взглянуть на себя совсем другими глазами.

...— Неужели никто из будущих господ офицеров не найдет правильного решения? — насмешливо вопрошает преподаватель Иван Платонович Граве.

— Разрешите мне, господин штабс-капитан.

— Пожалуйста, юнкер Крутень.

Евграф выходит к доске, быстро пишет на ней формулы, цифры, выводит уравнение.

— Так можно?

— Не только можно, а должно. Молодец, Крутень! Вам высший балл.

Он любил точные науки — математику, механику, аналитическую геометрию, артиллерийское черчение. Не из прилежания, а из глубокого интереса подолгу сидел над книгами, конспектами, готовясь к занятиям, особенно к экзаменам. И всегда получал самые высокие оценки.

Особенно увлекла его артиллерия. Преподаватель излагал ее историю, и ему виделась Пушечная изба в Москве, где отливали первые русские орудия Степан Петров, Андрей Чохов, Игнатий, так и дошедший до нас без фамилии, другие мастера пушечных дел. Увидев впервые старинные пушки, страшно удивился: "Неужели из таких стреляли?" Как же время изменило и артиллерийские системы, и способы их применения а бою!

А потом наступил май, и курсанты вместе с командирами выехали в лагеря под Красное Село. Здесь было весело, интересно, хотя и трудно. Под руководством офицеров обучались пешему и конному строю, гимнастике, фехтованию. Ему особенно нравилась верховая езда и гимнастика. Он хорошо сидел в седле, старался как можно быстрее научиться брать препятствия. Когда юнкера ради забавы устроили "вольные" скачки, Крутень опередил многих. За четыре лагерных месяца окреп, подрос, раздался в плечах. Мускулы от усиленных гимнастических упражнений налились. Теперь он мог потягаться со многими товарищами, гордящимися своей силой и ловкостью.

...Кони мчатся по плацу. Надо проскакать четыре круга. Кто придет к финишу раньше? Евграф, нагнувшись к шее своей лошади, изо всех сил старается обойти соперников. Кажется, конь понимает его, вытягивается в струну, послушный воле седока. На последнем круге вырываются вперед двое: Крутень и Жорж Кругликов, привыкший первенствовать везде и всюду. А вот ему-то меньше всего хочется уступить победу! И Евграф в азарте, в упоении соперничества еще подгоняет Аркадию. Обе лошади пересекают финиш одновременно в одно и то же мгновение. Однако Жорж не желает делить лавры победителя с кем-то.

— Мой Атлас на голову опередил твою кобылу.

— Я этого не заметил, — возражает Крутень. — Мы прискакали одновременно.

Корж подзывает друзей-юнкеров, и те подтверждают его первенство. Спорить бесполезно...

В следующем заезде Жорж, державший повод одной рукой, упал с коня. Сконфуженный, встал на ноги, потирая ладонью заднее место, потом резко ударил кулаком по морде Атласа: "Подвел меня, подлец".

Окончив гонку, подъехал Крутень, спросил:

— Что случилось, лихой джигит? — И добавил: — В следующий раз привязывайте себя веревкой к седлу.

— Погодите, Граф, мы еще с вами схлестнемся на шпагах, — ответил побледневший Кругликов.

...На корте по фехтованию — два соперника. Перед поединком Жорж с врожденной элегантностью разминается, делает эффектные выпады. Евграф стоит неподвижно. По знаку преподавателя противники сходятся. Звенит металл, слышатся отрывистые вдохи и выдохи, восклицания. Высокий, длиннорукий Жорж имеет явное преимущество, ему удается нанести больше уколов противнику, и он произносит с сарказмом:

— Граф, вы не доросли, чтобы соперничать со мной.

— Длинные руки — еще не все, — парирует Крутень. — Хорошо бы к ним голову иметь...

— Господа, господа, — старается охладить разгоряченных соперников преподаватель. — Надо уметь достойно проигрывать и достойно выигрывать.

Евграф огорчен поражением. Ему хочется всегда побеждать, быть первым. И он уверен, что сможет добиться своего, нужны только труд, упорство.

Но главное для него — практические занятия по специальности. Вот он выполняет задачу по военно-глазомерной съемке, первую и вторую стрельбы как показательные. Третья стрельба на атаку особенно удается ему, а затем и стрельба на оборону. Он не пренебрегает ни одним элементом учения, каким бы формальным тот ни казался. Все вместе взятое складывается в опыт, который будет необходим в несении службы. Из степ училища он должен выйти хорошо подготовленным.

В сентябре — переезд в Санкт-Петербург, где снова начинаются теоретические занятия.

Просторные классы оглашаются звонкими молодыми голосами загорелых, повзрослевших воспитанников. Евграф рад вновь видеть полюбившихся преподавателей, внимательно слушает их на занятиях.

По-прежнему артиллерия увлекает его более других дисциплин. По ней у юнкера Крутенья самый высокий балл. Изучается баллистика. Оказывается, непросто стрелять из орудий, рассчитывая на точное поражение цели. Нужно учесть характер движения снаряда в канале ствола под воздействием пороховых газов, знать особенности его полета, силу сопротивления воздуха и тяжести снаряда. Вычислению этих факторов служит изобретенная теория поправок и таблица стрельбы. Ее твердо усваивает Евграф.

Снова в летние месяцы курсанты в лагерях под Красным Селом. Будущие артиллеристы проходят курс практической стрельбы. Решаются тактические задачи боевого применения артиллерии.

— Портупей-юнкер Крутень, будете командовать батареей, — приказывает подполковник Бутыркин.

— Слушаюсь.

Евграф не ожидал, что первым назовут его. Он волнуется, кажется, забыты все слагаемые меткой стрельбы — и материальная часть орудий, и баллистика, и таблица поправок. Пушки выстроены на огневых позициях, замерли, в ожидании расчетов. Солдаты, скрывая усмешку, глядят на растерявшегося юнкера. Они ждут команды.

— Спокойно, портупей-юнкер, — дружески, неожиданно тепло произносит командир батареи Бутыркин, — ведь все знаете назубок, я надеюсь на вас.

Эти слова, этот голос приводят Евграфа в чувство, успокаивают. Собравшись, он четко отдает команду расчетам приготовиться к стрельбе, указывает цель, темп стрельбы.

— Огонь!

Пушки, изрыгая пламя, посылают снаряды по мишеням. Солдаты снова заряжают орудия. Артиллеристы старательно выполняют команды юного командира. Еще залп — и цель поражена. Он не может сдержать улыбки и делает для себя вывод: в трудные минуты надо уметь взять себя в руки, сосредоточиться, отбросить страх и сомнение, проявить твердость и волю. Тогда все получится.

И снова Петербург. В дни увольнения он бродит по улицам города, который притягивает его к себе какой-то магической силой. Любуется дворцами, храмами, мостами через Мойку и Фонтанку с их удивительными скульптурами. Подолгу стоит на Дворцовой площади у величественного памятника в честь военных побед России. Он тоже может стать причастным к славе предков, если продолжит их ратные деяния, будет честно служить Отечеству.

Однажды, неожиданно для себя, оказался в Усачевом переулке с его скромными, серыми домами. В одном из них живет его мать — Каролина Карловна. Видно, сами ноги принесли его сюда. Ах, мама, мама! Давно для Евграфа это слово потеряло свою теплоту и нежность. Несколько лет назад, когда он учился в кадетском корпусе, мать бросила их с отцом, вышла замуж за другого, уехала в Петербург. Не стало в родительском доме семейных радостей. Евграф тяжело переживал роковой шаг матери, возненавидел ее. Постепенно ненависть как бы растворилась, ее заменило полное равнодушие к этой, ставшей чужой, женщине, а всю свою сыновнюю любовь и привязанность он перенес на отца — Николая Евграфовича.

Мать, конечно, узнала о поступлении сына в военное училище и однажды явилась к нему сама. Он вышел к ней безразличный, с замкнутым выражением лица, с нахмуренными короткими бровями. Каролина Карловна бросилась к нему, обняла, порывисто поцеловала. Он стоял безучастный, опустив руки.

— Дорогой мой Графчик, — говорила она взволнованно. — Я не могу забыть тебя, ведь ты мой первенец. Ты уже взрослый и должен понять: не сложилась у нее жизнь с Николаем Евграфовичем. Такое бывает. Не казни меня, ради Бога, за это, не обвиняй. Все же я твоя мать.

— Я не обвиняю вас, не имею права обвинять, — тихо произнес он в ответ.

— Ну вот, уже называешь меня на "вы", — заплакала Каролина Карловна, вытирая платочком слезы. — Боже мой! Ты будешь заходить ко мне? Будешь?

— Не знаю, у меня почти нет свободного времени.

— Ах, Графчик, ведь вас, юнкеров, отпускают а увольнение на праздники. Что же ты делаешь в эти дни?

— Читаю, учу предметы, — говорил он, глядя в сторону. — Хочу кончить училище по первому разряду.

— Это хорошо, милый, ты ведь такой способный мальчик...

Свидание с матерью оставило тягостное впечатление. Она казалась чужой, а ее торопливая речь фальшивой. Но все же она — мать, и в нем слабым огоньком а-светилась жалость к ней...

Стоя в Усачевом переулке, он смотрел на окна ее квартиры, не зная, что делать: зайти или нет? Потом резко повернулся и ушел от дома прочь...

Наступила пора последних экзаменов. Юнкера старшего класса волновались. Право выбора места службы зависело от величины среднего годового балла по всем предметам. Крутению нечего было беспокоиться — у него всегда высокий балл. Его результаты годовых испытаний: артиллерия — 12, дифференциальное исчисление — 11, интегральное исчисление — 11, аналитическая геометрия — 11, механика — 10, фортификация — 11, тактика — 10, артиллерийское черчение — 12, физика — 11, химия — 11. Сумма баллов 194. Средний балл из научных предметов и за строевые занятия — 10,78.

И когда в училище пришел список вакансий для юнкеров старшего класса, он, по праву выпускника 1-го разряда, выбрал местом службы 4-ю конно-артиллерийскую батарею, которая стояла под Киевом.

Потом наступил торжественный день выпуска. Раздается команда: "Смирно, под знамя! Слушай на караул!" Начальник училища, генерал-лейтенант Похвиснев в парадном мундире обращается

к молодым офицерам с прочувственной речью, желает им доброго пути, хорошей службы, успехов...

И вот он — последний, прощальный бал. Немного грустно на душе. Сколько пережито в стенах этого здания старинной кладки. Были и ссоры, и споры. Была и дружба, и высокое единение чувств и стремлений юных юнкеров. Все это осталось позади. Что ожидает его впереди? Найдется ли он счастье и удовлетворение в службе? Выпадет ли на его долю война с ее смертями и разрушениями? Начинается новый этап жизни, новые испытания...

7 августа 1911 года подпоручик Крутень пишет рапорт начальнику училища:

"Доношу, что сего числа я отправился в разрешенный мне двадцативосьмидневный отпуск, по окончании которого отправлюсь к месту моего нового служения в поверстный срок".

Прощай, Константиновское артиллерийское, прощай, Санкт-Петербург!

Летающий артиллерист

После года службы в 4-й конно-артиллерийской батарее подпоручика Крутень перевели во 2-й конно-горный артиллерийский дивизион. Часть находилась также недалеко от Киева.

Евграф принял командир дивизиона полковник Белькович, седоватый, но моложавый, с голубыми, зоркими, чуть насмешливыми глазами и широкими борцовскими плечами.

— Садитесь, подпоручик, — добродушно предложил он и, дождавшись, когда Крутень удобно расположится напротив, продолжил: — Мне прислали вас как отменно знающего артиллерийскую технику, я просил такого. Аттестация у вас превосходная. Это хорошо. Белькович сделал паузу, рассматривая молодого офицера.

— Так вот, определяю вас во вторую батарею командиром взвода. Кроме того, хочу назначить заведующим артиллерийским хозяйством и лабораторией. Как вы на это смотрите?

— Господин полковник, — горячо возразил Крутень, — хозяйство, лаборатория... Я не гожусь для этой должности, канцелярия не для меня. Я готовился и был огневи́ком. Я хочу стрелять.

— Вы и будете стрелять, но дополнительно станете отвечать за хозяйство и лабораторию, — стоял на своем Белькович. — Уверен, вы справитесь. — Командир дивизиона с добродушной улыбкой смотрит на новичка. — Итак, отдаю вас приказом. Вживайтесь в нашу дружную семью батарейцев. Служите не за страх, а за совесть! Офицеры у меня молодцы, нижние чины — заряжающие, фейерверкеры — орлы. Каждому дорога честь дивизиона. Скоро получите звание поручика.

Пришлось подчиниться, приказ есть приказ.

Миновал еще год службы, но теперь уже во 2-м конно-горном артиллерийском дивизионе.

В августе 1913 года поручика Крутень неожиданно вызвал к себе полковник Белькович.

— У нас с вами будет необычный разговор, поручик, — начал командир дивизиона и задумался, прохаживаясь по кабинету.

Молодой офицер насторожился. Уж не случилась ли какая беда на батарее, с хозяйством, в лаборатории? Как будто все в порядке. О чем же хочет говорить начальник? Новая дислокация?

Предстоящие учения? Или новые орудия поступают в часть? Но в чем тогда необычность беседы? Самые что ни на есть привычные служебные дела. Нет, здесь что-то другое.

— Что вы знаете об авиации, поручик? — спросил наконец командир.

Крутень удивился вопросу, но ответил сразу:

— Немного, господин полковник. Читал о полетах первого русского летчика Ефимова, авиаторов Васильева, Уточкина. Перелег из Петербурга в Москву, авиационные недели... Да, еще удалось побывать на Всероссийском празднике воздухоплавания в девятьсот десятом году...

— Эге, да вы не так уж мало знаете о современных икарах! Это хорошо. Артиллеристы должны постигать науку, обо всем ведать.

— Знаю, конечно, мало.

— Теперь перейдем к главному пункту нашего разговора.

Опять наступила пауза. Полковник Белькович щурит голубые глаза, внимательно глядит в лицо Крутени, затем вдруг спрашивает:

— Хотели бы вы, поручик, полетать на аппарате?

Евграф Николаевич смотрит на командира дивизиона с недоверием. Не шутит ли он?

— Впрочем, — добавляет полковник, — вашего согласия не нужно. Это приказ. Вышестоящий штаб потребовал от нас отменного офицера для подготовки в качестве корректировщика на предстоящих артиллерийских учениях, а потом и маневрах. Я решил послать вас. Мыслю, не подведете.

— Постараюсь не подвести, господин полковник.

— Готовьтесь. Командируетесь в третью авиационную роту, что дислоцируется в Броварах.

Было над чем поразмыслить молодому поручику. Не струсит ли он? Сумеет ли верно оценивать обстановку с высоты птичьего полета? Наконец, качка аэроплана. Она, наверное, похлеще морской. Вспоминался авиационный праздник на Комендантском аэродроме. Какое это было упоительное зрелище! Аэропланы казались почти чудом. На различных аппаратах состязались первые русские летчики — Ефимов, Уточкин, Лебедев, Ульянов, Руднев, Пиотровский, Мациевич. Всех превосходил мастерством самый опытный пилот Михаил Ефимов. Он летал при сильном ветре, поднял в воздух груз более двенадцати пудов, завоевал приз за точность посадки и стал кумиром публики. Крутень и его товарищи горячо аплодировали военным летчикам Евгению Рудневу и Льву Мациевичу, которые летали уверенно, изящно. И вдруг — беда. Когда капитан Мациевич завершал круг над летным полем, его аэроплан стал падать, разламываясь на части. Из него вывалилась черная фигурка пилота, стремительно понеслась к земле. Это была первая жертва русской авиации. Глубоко потрясенные трагедией уходили с аэродрома юнкера.

Горячо обсуждалось в училище виденное. Пилоту представлялись юнкерам людьми необычными, начисто лишенными страха. Кто-то из однокашников задал вопрос: "Кто из вас решился бы подняться в воздух?" Артиллеристы молчали. Только один Евграф ответил: "Я бы полетел".

Юнкера рассмеялись. Не поверили.

Следующим утром Крутень прибыл в Бровары, большое село с пирамидальными тополями и густыми фруктовыми садами, в которых терялись белые хаты. Быстро нашел штаб авиароты, представился командиру полковнику Борескову. Тот внимательно, несколько скептически оглядел поручика.

— Приходилось ли вам летать на аэроплане?

— Нет, господин полковник.

— Надеюсь, высоты не боитесь?

— Как-то не испытывал себя в этом отношении. Но, думаю, все будет в порядке. Служба требует — сомнений быть не должно.

... На летном поле аэродрома стояло несколько аэропланов. Возле них хлопотали пилоты и мотористы. Рокотали двигатели, стремительно вращались пропеллеры. Пахло отработанным бензином. Один самолет поднимался в высоту.

Вот она, авиатика вблизи! Как здесь все необычно.

— Знакомьтесь с нашей техникой? — раздался за спиной чей-то голос.

Крутень обернулся и увидел перед собой худощавого, среднего роста летчика в кожаной куртке.

— Да, очень любопытно.

— Давайте знакомиться, — приветливо улыбнулся авиатор. — Соколов.

— Поручик Крутень из второго конно-горного артиллерийского дивизиона. Прибыл на учение.

— Хорошее дело. Я уже слышал о вас. Будем летать вместе.

Соколов уверенно поднимается в кабину "нюпоры", опускается на сиденье, приглашает:

— Занимайте свое место, поручик. К сожалению, наблюдателю предоставляется только это "прокрустово ложе" за спиной летчика. Лучшего не могу предложить.

— Лучшего не требую.

— Крепче держитесь за расчалки.

Крутень забрался в аэроплан. Да, "ложе" тесноватое, неудобное.

Соколов дал знак механику, и тот старательно раскрутил винт. В лицо стала бить сильная струя воздуха вместе с бензиновым газом.

Самолет взял разбег и быстро отделился от земли. С непривычки от высоты и скорости движения перехватило дыхание. Хотелось ухватиться руками за что-то прочное, надежное. Как же неустойчив в воздухе аппарат — его покачивает, кренит ветром то влево, то вправо.

Кажется, он сейчас сорвется вниз.

Но вскоре неприятные ощущения прошли. Внушала уверенность широкая спина летчика Соколова, ровно потрескивающий мотор аппарата.

Евграф озирается по сторонам. Голова не кружится, напрасно он опасался. И вдруг чувство почти мальчишеского восторга охватило поручика. Видно далеко-далеко. Края желтеющих пшеничных полей окутаны сизой дымкой, зеленеют напоминающие шубы леса и дубравы. Осколками зеркала блестят многочисленные озера. Прекрасна земля с высоты птичьего полета. Совершенно другой, удивительный мир.

Несколько ознакомительных полетов позволяют поручику Крутеню понять свои обязанности как наблюдателя. Он готов к выполнению заданий, знает, что летчики совместно с артиллеристами упорно ищут наиболее эффективные методы наведения на цель. На полигоне испытано много способов. Раньше практиковалось сбрасывание грузиков-парашютов. Но оказалось, что их с большого расстояния невозможно увидеть, определить место падения. К тому же грузики-парашюты относил ветром. Пришлось от них отказаться.

Что же еще изобрели артиллеристы и авиаторы? Самолет летел от батареи на цель, делал над ней круг с большим креном. Командиры батарей производили отметки угломером по крайним точкам положения аэроплана. Потом брали среднее положение, считая его на-правление на цель. Но и этот метод не дал нужных результатов.

Поиски не прекращались.

... "Ньюпор" заходит с тыла батареи и берет направление на цель. Крутень внимательно смотрит на землю. Он знает, что сейчас орудия направлены строго в сторону движения самолета.

Следуют залпы, и огненные языки вырываются из пушечных жерл. Корректировщик следит за разрывами снарядов. Уклонение их в сторону не превышает ширины ветра. Все-таки летчики и артиллеристы нашли общий язык!

Артиллерийские учения продолжаются. Каждый день поручик Крутень поднимается в воздух. Он уже привык к полетам, освоился с кабиной, считая ее своим рабочим местом. Сегодня летит позади стреляющей батареи под некоторым углом к директрисе на высоте 400–500 метров. В это время батарея производит два залпа из четырех орудий. Четные орудия имеют один прицел, нечетные — другой. Корректировщик наносит на карточку цель и места разрывов. Эту карточку, упакованную в соответствующий футляр, он сбрасывает над батареей. Командир батареи, пользуясь данными, вносит соответствующие поправки в угломере и прицеле. Крутень ясно видит, что теперь снаряды ложатся точнее, накрывают цель...

Поручик Крутень внимательно присматривается к летчикам, окружающим его. Если когда-то они казались ему людьми особого склада, то теперь он убеждается, что перед ним обыкновенные люди. Конечно, они влюблены в авиацию, мужественны, упорны, подчас рискуют, но такова уж особенность авиации, пока что молодой. Машины еще не совершенны — то загорится в карбюраторе бензин, то откажет мотор, то заклинит руль. Сколько выдержки, умения надо, чтобы выйти невредимым из трудной ситуации, сохранить свою жизнь и аэроплан. Случаются — и часто — катастрофы. Однако это не останавливает притока в авиацию молодых.

Евграф Николаевич чувствует, как новое, манящее, еще не совсем осознанное надвигается на него. Означает ли оно решительный поворот в его судьбе? Кто знает.

Вместе с Нестеровым

В конце августа поручик Крутень прибыл на Святошинский (Сырецкий) аэродром с направлением в 11-й авиаотряд, которым командовал штабс-капитан Петр Николаевич Нестеров. Евграф Николаевич уже слышал о нем, запомнил лестные отзывы летчиков о командире, и ему хочется скорее увидеть его, рассмотреть, каков он есть. Но его не так-то легко оказалось найти — занят делами.

Крутень перехватил Нестерова, когда тот быстро шел по летному полю. Простое русское лицо, сухоощавая фигура выше среднего роста, слегка опущенные плечи. Закрученные усики не очень-то ему идут. Но глаза! В них весь этот человек — они выражают ум, волю, целеустремленность. Крутень, отдавая честь, представился Нестерову.

— Хорошо, — ответил тот рассеянно, думая о чем-то своем. — Полетаем вместе. Пока устраивайтесь.

Петр Николаевич был явно чем-то озабочен. Какая-то мысль, очень важная, владела им. Поручик заметил, что и люди, окружающие командира, тоже обеспокоены, взволнованы. Ожидание чего-то необычного было заметно во всем. И решил остаться на летном поле. "Но что же должно произойти?" — задавал он себе вопрос.

В шесть часов вечера из ангара выкатили на аэродром командирский "Ньюпор IV". От собравшихся вместе летчиков донеслись фразы:

— Сейчас наш Петр Николаевич взойдется турманом в поднебесье.

— Только бы удалась ему долгожданная "петелька".

— Да, давно готовился к ней командир, рассчитывал, прикидывал.

— А вдруг неудача, господа?

— Типун тебе на язык.

Нестеров сел в кабину самолета уверенно. Его лицо было спокойно, сосредоточенно. Не спеша привязал себя к сиденью.

Двигатель работал ровно, уверенно. Минута-две выдержки — и "ньюпор" устремился вперед, быстро отозвался от земли.

Аэроплан набрал высоту, примерно 800–900 метров, определил на глаз Крутень. Что же дальше? И вдруг оборвался рокот мотора. Крутень взволнованно посмотрел на стоящих неподалеку летчиков. Не катастрофа ли? Нет, судя по ним, ничего особенного не случилось.

Летчики сосредоточенно наблюдают за перемещением аппарата в воздухе. А "ньюпор" тем временем перешел в пикирование. Поручик взволновался — к чему эта опасная, ненужная игра?

Но вот мотор вновь ожил, его уверенный рокот раздался в голубом, чистом небе. Слава Богу! Самолет устремился вертикально вверх, лёг на спину, выровнялся и опять спикировал. В лучах закатного солнца вспыхнули плоскости, металлические части. Аппарат легко, красиво планировал к земле. Это была "мертвая петля", выполненная в вертикальной плоскости. Крутень, подошедший к летчикам, уже знал, что такую рискованную, головоломную фигуру еще никто и никогда в мире не выполнял.

Петр Николаевич посадил самолет, остановил мотор, вылез из кабины, снял с головы круглый шлем. К нему подбежали друзья — жмут руку, поздравляют с успехом, обнимают. Кто-то декламирует нестеровское:

Одного хочу лишь я,
Свою "петлю" осуществляя:
Чтобы эта "мертвая петля"
Была в воздухе живая.

Петр Николаевич улыбается, лицо его сияет.

— Да, теперь она живая. Каждый летчик должен уметь выполнять "петлю". Отбросить страх. В воздухе действительно везде опора.

Из Журнала военных действий, который вел П. Н. Нестеров на маневрах Киевского военного округа в сентябре 1913 года:

"Прибыл наблюдатель поручик Крутень, только что отбивший маневры в качестве наблюдателя в 9-м корпусном отряде".

"В 6 часов 20 минут вылетел штабс-капитан Нестеров с наблюдателем поручиком Крутением по маршруту г. Зеньков — Сенча — Камышня — Рашовка и г. Гадяч. В 7 часов 15 минут утра заметили собирающуюся дивизию пехоты с артиллерией. Голова колонны направлена на хутор Броварский (застава по дороге к хутору Бублик), хвост колонны на двух дорогах к Снягину из хутора Дитмер и деревни Лнтвяки. На южной окраине с. Сенча — лагерь авиационного отряда". Один из шести полетов Нестерова совместно с поручиком Крутением. Эти полеты — прекрасная школа для молодого артиллерийского офицера, который уже ус цел увлечется авиацией, полюбит ее, поэтому не только старается как можно точнее наносить на карту данные разведки, но внимательно следит за маневрами летчика.

После полета летчик и наблюдатель вместе подводили итоги. И Нестеров всякий раз убеждался, что Крутень ничего не упустил, все засек и запомнил.

— У вас зоркий глаз, отменная наблюдательность, — сказал однажды Петр Николаевич. — Главное, вы в воздухе чувствуете себя свободно. Вы могли бы стать летчиком, если захотели бы.

Поручик Крутень не переставал удивляться энергии и инициативе своего командира. Нестеров самостоятельно решил перебазировать отряд на посадочную площадку, поближе к наступающему стрелковому корпусу — отсюда можно было точнее и скорее разведать расположение "противника". На этих же площадках велся и ремонт самолетов [1]

Штабс-капитан Нестеров организовывал авиационную разведку и на дальние расстояния. Он увлекал летчиков дерзостью своих замыслов. И не только летчиков. Евграф Крутень также считал, что ему чертовски повезло — он встретился с таким командиром — мыслящим, передовым, дерзновенным в выполнении своих планов.

В один из дней маневров произошло событие, которое просто поразило поручика.

Утром те, кто находились на летном поле, заметили приближающийся самолет "противника". Нестеров, не раздумывая, сел в кабину своего "нюпор" и взлетел навстречу "фарману". Последний развернулся, чтобы убраться восвояси. Но Петр Николаевич прибавил газу, увеличил скорость своего самолета. Через несколько минут он нагнал "противника" и с ходу атаковал его.

Атаки следовали сверху, слева, справа. Если б это был настоящий бой, вражеский аппарат был бы неизбежно сбит. А так летчик Гартман с "фармана", покидая пределы "чужой территории", на которую он так бесславно вторгся, еще и погрозил Нестерову кулаком. Он не догадывался, что сегодня утром вошел в историю, так как участвовал в "бою", в котором Петр Николаевич Нестеров, вынашивавший идею ведения боя в воздухе, впервые воплотил ее на практике.

...В час отдыха Крутень подсел к Нестерову, снова думающему о чем-то своем.

— Петр Николаевич, я увидел в вашем отряде много такого, чего невозможно забыть. Я понял, что есть авиация и какую роль она играет и еще может сыграть в будущем, в войне. Завидую вам и вашим товарищам. С превеликой радостью остался бы здесь.

— У вас есть возможность примкнуть к нам, — ответил Нестеров. — Для этого надо научиться летать, окончить, например, Гатчинскую авиационную школу и стать военным летчиком. Тогда милости просим. Кстати, я тоже учился в Гатчине, окончил и воздухоплавательный, и авиационный курс. Потом стажировался в Варшаве.

— Загвоздка в том, отпустят ли меня из артиллерии.

— Я тоже артиллерист, и меня не отпускали, но все-таки добился своего. Если вы действительно решили летать — идите напролом, рвите путы, что связывают вас. Только так.

— Спасибо. Я пойду на все, чтобы стать летчиком, — воодушевился Крутень. — В вашем отряде невозможно не обратиться в новую веру — авиационную.

— Но вы, поручик, летали и с пилотами другого отряда.

— Но именно у вас я увидел, как "мертвая петля" стала живой.

— Да, это верно.

— Петр Николаевич, скажите: были ли в ваших полетах критические, опасные моменты? Когда аппарат отказывал и приходилось бороться за свою жизнь?

Нестеров ответил не сразу.

— Конечно, были. Да и у кого из летчиков их не было при современном несовершенстве аэропланов?! Вот, например, в январе, когда переучивался на "ньюпоре" в Варшаве, случился такой казус. В воздухе на моем аппарате загорелся бензин в карбюраторе, остановился мотор. Летел я по направлению к городу, внизу ангары, высота всего семьдесят пять метров. Что делать? Прежде всего взял себя в руки. Это самое главное. Поддашься панике — до беды недалеко. Я круто повернул на планирующем спуске" чтобы не сесть, как ворона, на ангары. Спустился на землю. А бензин разливается вокруг, горит. Надо спасти "ньюпор", пока огонь не спалил его. Расстегнул пояс и вылез из аппарата. Подбежали солдаты. Тут же оттащили самолет прочь из горящей лужи, затушили пламя на аппарате. Словом, все кончилось благополучно: и я остался жив, и "ньюпор" в целости. Считайте, мне повезло.

— Но другой на вашем месте мог бы растеряться, даже струсить и тогда...

— Ну, это лишь предположение. А вообще-то, многое зависит от самого летчика. Машины ненадежны, подчас подводят нас, это верно. Но если летчик грамотный, хорошо знает технику, уверенно пилотирует свой аэроплан, то обязательно выкрутится и в самых сложных ситуациях. Многие твердят: "Надо иметь летную интуицию, обладать летным инстинктом". Это вредная теория. Я убежден: в воздухе везде опора. Хорошо подготовленный авиатор должен уметь придавать своему аппарату любое положение и из любого положения выводить его. К трагедии приводит как раз следование "летному инстинкту"

[2]

. Скажу о себе: я люблю планировать на самолете с выключенным мотором, в тишине, кругами, восьмерками.

— Наедине с небом. Как птица, — оживился Крутень. — Какие прекрасные, наверное, при этом ощущения.

— Вы правы. Но сознайтесь, напугал я вас своими рассказами о пожаре и прочем? А?

— Нет, Петр Николаевич, наоборот. Самому захотелось в небо — попробовать свои силы. Может быть, получится.

— Верю, у вас получится.

Быстро для Крутенья проходил день за днем в авиационном отряде. Он все больше постигал жизнь летчиков, их заботы и трудности. Его постоянно влекло на аэродром и тянуло в воздух. Здесь во всем чувствовалось, что летчики, механики, мотористы с большим уважением и любовью относятся к своему командиру. Совсем недавно начальником отряда был штабс-капитан Самойло, солдафон, грубиян, "раздававший" зуботычины рядовым. К счастью, он отправился в погоню за призрачным призом князя Абамелек-Лазарева за перелет Петербург — Москва — Петербург. А то, вероятнее всего, воспрепятствовал бы выполнению "мертвой петли" Нестеровым. После отъезда Самойло все в отряде вздохнули с облегчением. Однако новаторство летчика не всем пришлось по вкусу. В высших авиационных кругах его отругали за "мертвую петлю". Как писалось в газете, некое лицо, занимающее высокий и ответственный пост в военном ведомстве, выразилось весьма категорично: "В этом поступке больше акробатизма, чем здравого смысла. "Мертвая петля" Нестерова бессмысленна и нелогична".

Этот инкогнито, посуливший летчику тридцать суток ареста, был не кто иной как великий князь Александр Михайлович, возглавивший к тому времени военную авиацию. Ему подпевали и другие недоброжелатели Нестерова.

Поручик Крутень возмущался тем, что вместо благодарности Петр Николаевич получил выговор и с интересом ждал, ответит ли на этот выпад командир. И он ответил.

В "Петербургской газете" за 4 и 5 сентября 1913 года появилась статья Нестерова "Как я совершил "мертвую петлю". Поражал спокойный, сдержанный тон статьи. Нестеров как бы доверительно рассказывал о том, как он готовился к своему невиданному эксперименту, какие цели преследовал, в чем разница между сложным пилотажем отчаянного французского

авиатора Пегу, которому приписывали первенство в выполнении "мертвой петли", и его, Нестерова, полетом.

Беседы с Петром Николаевичем становились для поручика Крутеня все привлекательнее.

— Как можно не понимать, что для военного летчика сложный пилотаж необходим, как воздух? — сокрушался он. — Ведь в будущем воевать придется, выкручиваться в поединках с пилотами противника. Так, Петр Николаевич?

— Именно так, Евграф Николаевич. Вы правильно рассуждаете. Будет война в воздухе, в ней много неизвестного, а опыта пока что нет, придется многое придумывать, изобретать.

Помолчав, Петр Николаевич спросил:

— Так вы как решили, Евграф Николаевич? Летать? Или будете по-прежнему палить из пушек?

— Летать, только летать. Никогда еще не влекло меня столь сильно ни одно дело, как авиация.

— Это хорошо, — одобрил Нестеров. — Я дам вам рекомендательное письмо в Гатчинскую авиашколу. Может быть, оно в какой-то степени поможет.

— Ну-с, рассказывайте, поручик, как прошли учения с вашим участием? — спросил Владимир Леонтьевич Белькович, как только Евграф Николаевич доложил о возвращении с артиллерийских учений. — Чем порадовали русские икары? Мне уже ведомо, что вы не посрамили чести нашего дивизиона.

— Учения меня многому научили, это было просто сказочно. — В голосе Крутеня восторг. — Ведь я первый раз поднялся в воздух и летал. Летал на разведку, наблюдателем, с самим Нестеровым. Знаете, какой это человек?!

— Слышал о нем, слышал. По всей России гудит его имя, да и за дело. А что дали учения нашей матушке-артиллерии? Доложите.

— О, тут целый переворот. С самолета можно корректировать огонь артиллерии, чтобы наносить точные удары по противнику. Способы еще будут уточняться. А разведка? Тут икары по всем статьям превосходят пеших и конных разведчиков. Авиация набирает силу, она еще заявит о себе, аппараты станут надежнее, мощнее...

Полковник иронически улыбнулся.

— Угадываю, поручик, по вашим восторженным излияниям, что вы сами увлеклись воздухоплаванием.

— Сознаюсь, увлекся. — И, помолчав, добавил: — Я решил тоже стать летчиком, поступить в авиационную школу.

— Вы это серьезно, Евграф Николаевич? — нахмурил брови полковник. — Ну, мы еще посмотрим. Своей волей вас не отпущу. Не для того я посылал вас в авиароту, чтобы потерять. Белькович нервно начал ходить по своему кабинету, вновь заговорил:

— Да вы понимаете, на что идете? Сколько разбивается этих господ авиаторов, страшно сказать! Несть числа жертвам, мир их праху. И вы хотите такой участи?

Крутеня поднял глаза на полковника, выдержал его ставший тяжелым взгляд.

— Я хочу, я должен выучиться на летчика. Разрешите подать рапорт по команде?

— Подавайте, этого я вам запретить не могу. Но знайте — так просто я вас не отпущу. Вы прекрасный артиллерист, учились нашему делу и должны служить только в артиллерии... И Крутеню пришлось писать в инстанции, просить, требовать, выслушивать отказы и снова писать. Это длилось недели, месяцы.

Товарищи по дивизиону по-разному отнеслись к его плану. Одни осуждали, называли отступником, другие одобряли. Поручик Кононов однажды с чувством сказал:

— Жаль мне с тобой расставаться, друг, но и по-дружески пожелаю: если решил — бейся до последнего.

Наконец пришло долгожданное распоряжение свыше: отпустить поручика 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона Евграфа Крутеня на учение в Гатчинскую авиационную школу.

Первый бой был выигран.

В своем приказе по части от 21 января 1914 года полковник Белькович вынужден распорядиться: "Ввиду отъезда поручика Крутеня в авиационную школу, подпоручика Мельницкого назначаю заведующим артельным хозяйством и лабораторией".

Подобрев, Владимир Леонтьевич тепло попрощался с Евграфом:

— Я понимаю вас, поручик: молодых всегда тянет к неизведанному, героическому. Лихости вам не занимать. Но если что не сложится, возвращайтесь в дивизион, снова примем вас в нашу дружную семью. Езжайте с Богом!

Гатчинское начало

Гатчина — небольшой городок, в шестидесяти верстах от Санкт-Петербурга. Ранее был знаменит лишь великолепным дворцом и парком времен Екатерины II. Но в 1890 году здесь обосновался учебный воздухоплавательный парк. Часто над Гатчиной, к изумлению местных жителей, высоко поднимался аэростат, в корзине которого находились люди. В 1910 году парк преобразовался в офицерскую воздухоплавательную школу. Однако зарождающаяся авиация внесла новые изменения — при школе открылся авиационный отдел, на базе которого в 1914 году сформировалась Гатчинская военная авиационная школа. Надо было срочно готовить летчиков для создававшихся армейских авиачастей.

Сюда-то, в эту школу, в январе 1914 года приехал поручик Евграф Крутень, одержимый мечтой стать авиатором. Прошлое осталось позади, к нему возврата не будет. Ни упреки отца, ни преграды, возводимые артиллерийским начальством, не повлияли на его решение. Крутень добился своего. Он помнит слова учителя я друга — Петра Николаевича Нестерова: "Если вы действительно решили летать — идите напролом, рвите пути, что связывают вас". Пути порваны, впереди ясная манящая цель...

С некоторой робостью Евграф Николаевич вошел в кабинет начальника школы полковника С. А. Ульянина, четко, по-строевому доложил:

— Господин полковник, поручик Крутень прибыл в ваше распоряжение для обучения полетам. — Вольно, поручик!

Начальник через стол протягивает прибывшему руку. Лицо его, с длинными кавалерийскими усами и внимательными светлыми глазами, приветливо.

— Садитесь. Итак, приехали учиться летать?! Похвально. Нестеров, наш питомец, ставший теперь знаменитостью, лестно отзывается о вас. Пишет: Крутень обещает быть славным авиатором...

Ульянин какое-то время смотрит на прибывшего, как бы желая проникнуть в его душу, и вдруг спрашивает:

— Скажите, поручик, чем вас привлекла авиация?

"Что он, сомневается во мне? — подумал Евграф. — Или у полковника такая манера знакомиться с подчиненными?" Помедлив несколько секунд, ответил:

— Хочу летать. Для меня теперь нет более важного, кровного дела, в нем — моя жизнь. А уж каким буду летчиком — покажет время.

— Что ж, ответ убедительный, по крайней мере искренний — констатировал начальник школы. — Верю вам. Главное — не бояться трудных испытаний. А они будут. Все мы в сущности еще новички, как и сама авиация. Она ведь только-только расправляет крылья...

Программа обучения обширна. Предметы: развитие техники авиации и материальная часть аэропланов, теория авиации, двигатели внутреннего сгорания, электротехника, физика, радиотелеграфия, метеорология, прикладная механика. Преподаватели — в основном опытные летчики. Среди них Крутень выделяет штабс-капитана Евгения Владимировича Руднева, худощавого, подтянутого, аккуратного.

Руднев считается первым военным летчиком России. Он начал учиться у Попова на "райте", но это были только первые уроки — учитель тяжело пострадал при падении самолета. Летное образование было продолжено на "фармане" у иностранца Эдмонда, отчасти у Лебедева.

Имя Евгения Владимировича Руднева поручик Крутень узнал еще в 1910 году, когда неистово аплодировал ему на Комендантском аэродроме за его летное искусство. Руднев стал победителем состязаний, пробыв в воздухе дольше всех — 11 часов 27 минут. А 9 октября на

аэроплане "Фарман III" перелетал с пассажиром С Комендантского аэродрома в Гатчину, проделав путь Длиной 60 верст за 56 минут.

Кроме того, Руднев участвовал в качестве воздушного разведчика в маневрах Петербургского военного Округа в 1911 и 1912 годах. Ездил обучать летчиков в Севастополь, Варшаву.

Испытывал новые аэропланы, поступающие на вооружение в авиаотряды. Словом, штабс-капитан Руднев — один из самых деятельных, но и самых скромных людей в молодой русской авиации.

Поручик Крутень слушает лекции о развитии техники авиации и материальной части самолетов с особым вниманием. Руднев четко, ясно раскрывает конструкцию аэропланов как летательных аппаратов, дает характеристики самолетам "вуазен", "нюпор", "фарман", "дпоэрдюссен", "моргай". Большое внимание уделяет технике взлета и посадки.

— На старте аппарат должен быть обязательно осмотрен летчиком, — подчеркивает в одной из своих лекций Руднев. И Евграф Николаевич вспоминает, как старательно осматривал и проверял перед полетом свой "нюпор" Петр Николаевич Нестеров, хотя и всецело доверял добросовестному и знающему механику Нелидову. Однако Нестеров хорошо знал, что причиной многих аварий и катастроф было и есть плохое знание пилотами особенностей того или иного самолета, мотора. К тому же знание аппарата, уверенность в нем Важны как источник поддержания хладнокровия летчика, позволяют ему экономно расходовать силы.

— Обычно говорят: взлет легок, полет труден, а спуск опасен, — твердо произносит лектор. — Взлет следует стараться произвести против ветра, а не по ветру — тогда аппарат более послушен рулям. К тому же в авиации моторы еще весьма ненадежны. Поэтому надо быть каждую минуту готовым ко всяким случайностям, учитывать возможность остановки мотора, уметь посадить аппарат на землю, спланировать.

Далее Евгений Владимирович говорит о крутизне и быстроте подъема, особенно важных в военных действиях. Быстрый набор высоты поможет занять доминирующее положение над противником, позволит очутиться над ним и поразить его, обстреливая из пулемета Или автоматического ружья.

Советы Руднева совпадают с теми выводами, к которым пришел сам Крутень, наблюдая на прошлогодних маневрах действия пилотов в воздухе.

— Конечно же, от летчика требуется твердая рука, хладнокровие, уверенность в своем аппарате. Управление аэропланом должно быть эластичным, резкая работа с рулями недопустима, — продолжает Руднев.

Поручик ждет, как оценит преподаватель стремление летчиков к овладению высшим пилотажем.

— Здесь нельзя обойти молчанием интересные опыты производства "мертвых петель", начало которым положил военный летчик, наш гатчинец Нестеров, — говорит Евгений Владимирович. — Практикуются также полеты вниз головой, глубокие крены, скольжение на бок и на хвост. Иные не одобряют их, больше того, считают, что это головоломные трюки, бесполезные в серьезном деле. По-моему, они глубоко ошибаются. Каждый летчик должен овладеть сложным пилотажем, ибо он нужен для победы над противником.

Крутень накрепко запоминает практические советы Руднева, касающиеся управления аппаратом, его регулировки, комбинированного движения рулями...

Лекции также читают преподаватели Готовский, Кованько, Борейко, Бродович.

С удивлением Евграф Николаевич замечает, что некоторые офицеры из переменного состава пренебрегают глубоким изучением техники. Один из них даже сказал: "Заниматься черновой работой на аэроплане — не наше дело, для этого есть механики и мотористы. А мы должны летать — и только". Ну что возразить таким верхоглядам? Как их убедить? А если в воздухе случится какая-либо неисправность? Что тогда делать? Посылать за мотористом или механиком? Вот почему он настойчиво разбирается в чертежах и макетах, усваивает разборку двухцилиндрового мотора "нюпора", трехцилиндрового "анзани", четырехцилиндрового "аргуса", учится определять неисправности двигателей, собирать и регулировать аэроплан. Каждая разгаданная тайна вызывает большое удовлетворение и радость. Дела идут успешно.

В ремонтных мастерских механиками и мотористами работают истинные народные умельцы. Особенно нравится Крутеню Тимофей Кравцов. Поручика восхищает, как этот совсем еще молодой, но высококвалифицированный специалист умеет определять малейшие дефекты самолета и мотора, устранять их. Евграф Николаевич не чурается черновой работы, помогает механику готовить технику. Впоследствии в трудных ситуациях в воздухе он не раз вспомнит выучку, которую прошел у Тимофея Кравцова.

Размеренный ритм работы авиашколы нарушают приезды из Петербурга высоких чинов и инспекторов из Управления военно-воздушного флота. Они контролируют, наставляют, в их речах недвусмысленно звучат намеки на близкую войну.

В апреле 1914 года начинаются экзамены по теоретическим дисциплинам — развитию техники авиации, двигателям внутреннего сгорания, электротехнике, теории авиации, радиотелеграфии, прикладной механике... Обучающиеся волнуются, сидят над конспектами и книгами, зубрят, обращаются друг к другу за помощью. Те, кто серьезно и усидчиво занимались в зимние месяцы, постепенно накапливали знания, чувствуют себя уверенно. Среди них поручик Крутень. На всех экзаменах он получает высокий балл.

Первый шаг к осуществлению мечты позади. Скорее начались бы полеты. Будущим летчикам кажется, что медленно после снега и первых весенних дождей просыхает земля на аэродроме. Тут и там слышится один и тот же вопрос: "Когда же начнем летать?" Всем не терпится. В ангарах призывно рокочут двигатели аэропланов. Все чаще появляются на летном поле инструкторы Горшков, Кованько, Агапов, Когутов. Они тоже ждут часа, когда можно будет начать полеты новичков. Молодые авиаторы не должны долго задерживаться в стенах школы — их ждут авиачасти.

Апрельским утром обучающиеся толпятся перед доской объявлений. Подходит и Крутень. Все с живым интересом читают вывешенный "План летних практических занятий офицеров переменного состава авиационного отдела офицерской воздухоплавательной школы на 1914 год в Гатчине на военном поле. Раздаются веселые возгласы.

— Господа, наконец, Бог, то бишь полковник Ульянов, услышал наши молитвы. Начнем летать.

— Крутить "мертвые петли", перевороты через крыло. А что?

— Сколько новых асов появится — батюшки!

— Вы-то, поручик, непременно станете королем воздуха.

— А вы — воздушным Алешей Поповичем.

План, так обрадовавший молодых людей, определяет сроки обучения и порядок работы на аэродроме. Занятия — с семи утра и до темноты, а в период белых ночей — всю ночь. Нагрузка солидная. А если учесть, что с двух до шести часов дня обучающиеся должны заниматься в мастерских и классах по фотографированию и метеорологии, то нагрузка становится еще более тяжелой. Но трудности не пугают офицеров, главное — начнется обучение полетам.

Есть "мертвая петля"

Оживился Гатчинский аэродром. Выводят из ангаров самолеты. Инструкторы первыми поднимаются в воздух, опробывают моторы, летное поле. Рокот моторов будоражит, зовет в высоту. Евграф Крутень с нетерпением ждет, когда начнется обучение полетам. Он весь день на летном поле, дрогнет на ветру, наблюдает. Скорей бы, скорей! Ему порой кажется, что он настолько обстоятельно изучил конструкцию и двигатель "Фармана IV", что мог бы уже сейчас самостоятельно летать на нем. Но до этого еще далеко.

— Полетите со мной, Крутень, — говорит ему поручик Александр Кованько. — Занимайте свое место. Как самочувствие?

— Хорошее, господин инструктор, — бодро отвечает Крутень. — Жду не дожусь воздушного крещения.

— Так вы же уже летали.

— Летать-то летал, но наблюдателем. А крещением назову тот день, когда самостоятельно подниму машину в воздух.

— Всему свой черед, — замечает Кованько. — Поспешность нужна...

— Верно. Но всех блох я уже переловил...

Дежурный на старте поднимает флажок, и "Фарман IV" устремляется вперед по аэродрому. Евграф внимательно наблюдает за действиями опытного инструктора. Вот Кованько плавно тянет руль высоты на себя, и аэроплан отделяется от земли. Все выше и выше поднимается самолет. Ветер резко ударяет в лицо. Ощущение высоты и стремительного движения в пространстве, как и прежде, под Киевом, опьяняет Евграфа Николаевича. Нет, он не робеет над бездной, бросает лишь быстрый взгляд на перемещающееся пространство. Земля поворачивается, как бы показывая свои владения — поля, рощи, городские дома, дворец с его парком, здание авиашколы.

Крутень не обращает внимания на неудобства, которые испытывает обучаемый. На "Фармане IV" нет второй кабины. Находясь за спиной инструктора, нужно цепко держаться за распорки, чтобы не свалиться во время полета вниз. Из приборов — только показатель высоты. Тяжел, малоповоротлив "Фарман IV", во многом уступает "Ньюпору IV", на котором Евграф Николаевич летал с Нестеровым. Но ничего не поделаешь. Главное — полеты начались, и надо извлечь из них максимум пользы. А там постепенно можно будет перейти на лучшие самолеты, которые, безусловно, будут и в России.

— Выполняем левый разворот, — громко сообщает инструктор. И Евграф Николаевич опять наблюдает, как действует рулями и педалями опытный летчик в этот момент.

"Фарман" летит то по прямой, то делает развороты. Совершив несколько кругов над аэродромом, инструктор ведет аэроплан на посадку. Прочная тележка шасси с широко расставленными колесами мягко касается земли. Вот оно, летное искусство!

Поздним вечером 11 мая 1914 года над уже опустевшим Гатчинским аэродромом появляется самолет. Делает круг над летным полем и уверенно заходит на посадку. Дежурный по аэродрому офицер бежит к "ньюпору", зарулившему на стоянку. Пропеллер еще крутится на малых оборотах, а из задней кабины уже выпрыгивает какой-то человек в плотной рабочей куртке и картузе и тотчас принимается за осмотр аппарата. Пилот пока находится в кабине.

— Кто вы такие? — строго спрашивает дежурный того, кто занимается осмотром самолета.

— Я механик Нелидов, — бодро отвечает он, — а летчик "ньюпора" — штабс-капитан Нестеров Петр Николаевич. Слыхали про такого?

— Нестеров?! Не может быть! — изумляется офицер.

— Именно так, — говорит пилот, вылезая из кабины и снимая очки. И улыбается усталой улыбкой.

Дежурный берет под козырек:

— С приездом, господин штабс-капитан. Узнал вас по фотографиям в газетах. Откуда прилетели?

— Из Киева.

— Из Киева? А когда вылетели?

— Сегодня вылетел, сегодня и прилетел сюда. Не верится?

— Просто сногшибательно! — Дежурный офицер от изумления сдвигает фуражку набок. — Это сколько же верст будет?

— Тысячу с гаком.

Весть о прилете Нестерова быстро облетает школу. К самолету сбегаются инструкторы, обучающиеся. Подходит начальник школы полковник Ульянин. Он крепко жмет руку Нестерова, приветствуя его, заботливо спрашивает:

— Наверное, сильно устали? Путь-то был нелегким.

— Признаться, трудновато приходилось.

— Пожалуйста, господин штабс-капитан, к нам в гости. Накормим вас, отдохнете. А завтра в вашу честь устроим прием в офицерском собрании.

— Никаких приемов не надо, — отрицательно машет рукой Петр Николаевич. — А закусить не мешало бы. Чертовски проголодались мы с Нелидовым.

...На следующий день в офицерском собрании — почти весь состав военной авиационной школы. Нестеров замечает среди офицеров поручика Крутеня, подходит к нему, приветливо улыбается:

— Евграф Николаевич! Здравствуйте. Как у вас дела? Летаете?

— Понемногу подлетаваю, — отвечает смущенный поручик. — Главным образом за спиной инструктора.

— Не жалеете, что расстались с артиллерией и шли в авиацию?

— Нисколько!

В офицерском собрании Нестеров рассказал о своем перелете Киев — Гатчина, тщательно им продуманном и организованном. На "ньюпор" был поставлен дополнительный бак для горючего, в пунктах маршрута Старо-Быхов, Городок и Дно заранее приготовили расчетное количество бензина и касторового масла. В 3 часа 30 минут 11 мая Нестеров и Нелидов покинули Киевский аэродром. Попутный ветер увеличивал скорость полета. Правда, сильная болтанка заставила приземлиться в Чернигове. Переждав немного, продолжили путь... В 21 час 30 минут Нестеров посадил аппарат на Гатчинском военном аэродроме, завершив еще один рекордный полет.

Внимательно слушая его, Крутень подумал: вот человек, который прокладывает новые пути, без таких людей немислим прогресс!

Приезд Нестерова взбудоражил. Нет, не случайна эта новая встреча, словно посланная ему, Крутеню, самой судьбой, чтобы еще больше укрепить в своих стремлениях стать не просто летчиком, а тоже творцом нового. Он понимает, что все зависит от него самого, от его сил, упорства, настойчивости. Всего этого у него в избытке. Он верит в себя, в свои возможности и с нетерпением ждет заветного часа.

...Пришел день первого самостоятельного полета. Инструктор Кованько испытующе смотрит на Крутеня, удивляется спокойному, сосредоточенному лицу Евграфа Николаевича, не находя присущих новичкам примет волнения перед серьезным испытанием.

— Два круга над аэродромом — и на посадку, высота пятьсот метров, — дает указание Кованько. — И ничего сверх этого, никаких вольностей. Понятно?

— Понятно. — В голосе Крутеня, надевающего шлем и — пилотские очки, торжество.

— Ни пуха ни пера, — улыбается инструктор, жестом разрешая взлет.

— К черту, — произносит ученик, но его слова заглушает треск мотора.

"Фарман" бежит по полю аэродрома. Евграф Николаевич плавно тянет ручку управления на себя, и самолет отрывается от земли, уходит в высоту. В голове поручика четко запечатлены необходимые действия в воздухе, и теперь он методически выполняет их. Первый разворот. Снова полет по прямой. И тут ошеломляет мысль: ведь он впервые самостоятельно ведет "фарман", сидит на пилотском сиденье. Свершилось намеченное, долгожданное, свершилось! Но Евграф не дает прорваться чувству восторга. Сосредоточенность и еще раз сосредоточенность! Надо внимательно следить за работой мотора, пилотировать аппарат. Разворот, еще разворот с глубоким креном, как учили Руднев и Кованько. Спасибо им. Как будто все идет нормально, машина слушается его.

Второй круг над аэродромом. Уже увереннее. До чего же хороша жизнь!..

Крутень ведет самолет на посадку. Посадка, конечно, не ахти какая — аэроплан подпрыгивает, как резвый козел, но тут же волею летчика умеряет свой "пыл" и катится по аэродрому, гася скорость.

С каждым днем поручик Крутень летает все лучше. Но в душе опять появляется неудовлетворенность. Он не научился высшему пилотажу! Здесь этому не учат, потому что на таких старых аппаратах, как "Фарман IV", высший пилотаж невозможен.

Совсем недавно Евграф Николаевич познакомился с прибывшим в авиационную школу для переучивания вольноопределяющимся Алексеем Шиуковым. Молодой симпатичный брюнет, с какими-то зачарованными черными глазами, приятной улыбкой, грузинским акцентом и неукротимой жаждой полетов. Они быстро нашли общий язык. Выяснилось, что Алексей, еще будучи зеленым гимназистом, построил балансирный планер — видоизмененный тип планера Шанюта. Первая попытка летать на нем окончилась неудачей. Но это не смутило юношу, он отремонтировал свой летательный аппарат и совершил ряд полетов с горы в Тифлисе. В 1909 году Шиуков построил новый планер-биплан.

— Как же мне было не стать летчиком? — пошутил Алексей Владимирович, рассказав обо всем этом.

— Да, вы славно летаете, — искренно говорил Евграф Николаевич. — Но мне, по совести, мало отлично научиться летать по кругу. Что за летчик, если он не освоил фигур высшего пилотажа. Но разве на нашем "Фармане IV" можно сделать "мертвую петлю", глубокие крены, скольжение на бок и хвост. Этот чудо-аппарат просто рассыплется.

Смутное лицо Шиукова вдруг озарилось заговорщицкой улыбкой.

— Есть, Евграф Николаевич, другой аэроплан на нашем аэродроме. Только надо...

— Что надо?

— Сейчас поясню. Вон в том ангаре стоит "Фарман XVI". Хозяин его, француз, отбыл к себе на родину. Так вот, на том аэроплане вполне можно крутить "мертвые петли" и всякие другие фигуры — выдержит.

— Выдержать-то выдержит, — прикидывает Евграф Николаевич. — Восемьдесят лошадиных сил, скорость девяносто километров в час, оборудование лучше, чем у "Фармана IV". Но как взять этот аэроплан без разрешения хозяина? Нехорошо.

— А вы обратитесь к полковнику Ульянину, — советует Шиуков.

— Да, перспектива заманчива. Эту возможность упускать нельзя. Спасибо за совет.

Ульянин выслушал просьбу без всякого удивления, пошутил:

— Лавры Петра Николаевича Нестерова не дают покоя? — И добавил: — Ладно, берите, авось, как-нибудь оправдаемся перед французом. Другому не разрешил бы, а вам, поручик, разрешу. Хватка у вас отличная, смелости не занимать. И вы, и аэроплан, думаю, выдержите испытание. О дне полета я вам сообщу.

1 августа пришла весть о начале мировой войны. Это обстоятельство ускорило осуществление мечты Евграфа Николаевича попробовать себя в фигурах высшего пилотажа.

10 августа 1914 года "Фарман XVI" выкатили из ангара на белый свет. Крутень забрался в кабину. Он одет в черную кожаную куртку, на голове круглый шлем с очками. В его движениях уверенность, лицо спокойное, хотя и несколько напряженное.

На старте собралось немало авиационного люда — все знают о намерении поручика.

— Отчаянный этот Крутень. Летает всего ничего, и на тебе — "мертвую петлю".

— А может, духу не хватит решиться на такое. "Фарман XVI" все-таки тяжеловат.

— А я верю в Евграфа Николаевича, — решительно заявил Алексей Владимирович Шиуков. — Зачетные упражнения он выполнил просто виртуозно!

Крутень в воздухе. Он не торопится совершить главное, расчетливо подбирается к цели. Сперва летит по прямой, наращивая скорость аппарата, делает глубокие крены, наклоняет самолет внутрь кривой градусов на сорок пять. Затем снижает скорость, выполняет скольжение на бок, на хвост. Машина повинуется ему.

Теперь надо набрать высоту примерно две тысячи метров, чтобы застраховаться от случайностей, если аппарат заартачится.

С каждым кругом все выше забирается "Фарман XVI". Впереди — самое трудное, рискованное. Евграф Николаевич знает, что не отступит от своего решения, чего бы это ему ни стоило. И не потому, что внизу следят за его полетом люди, которые в случае неудачи могут злословить, насмеяться. Нет, не потому. Он хочет стать полноценным летчиком.

Две тысячи метров набрано. Крутень перекрывает бензин и вводит аэроплан в пикирование.

Становится тихо, лишь ветер свистит в расчалках. "Фарман" почти вертикально падает вниз.

Запас высоты еще есть, тревога излишня. Но вот пора выровнять аэроплан. Евграф Николаевич тянет руль высоты на себя — аппарат начинает переходить в горизонтальный полет. Теперь надо открыть кран с бензином. Горючее оживляет мотор, и он победно взывает. Летчик удерживает руль высоты. "Фарман" послушно устремляется вверх, а потом ложится на спину. Все идет хорошо, как следует.

Самолет проходит невидимую точку в зените и, замыкая петлю в вертикальной плоскости, опять пикирует. Теперь надо выровнять его, перевести в горизонтальный полет. Сделано. Есть "мертвая петля"!

Крутень откидывается на спинку сиденья, дает себе расслабиться. Но энергия, запал дерзости еще не растрачены. А что если сразу же сделать вторую петлю? Для пущей уверенности, для доказательства, что она получилась не случайно? Пусть там, внизу, смотрят и диву даются. Только так, только так!

И Евграф Николаевич, уже свободнее и увереннее, выполняет вторую петлю. Затем летчик ведет аэроплан на посадку. Все ближе земля. Теперь нужно точно приземлиться. Колеса шасси мягко касаются летного поля и останавливаются посередине его. К самолету бегут люди, размахивая руками, что-то восторженно крича, но Евграф Николаевич не слышит возгласы. Он еще весь во власти трудного испытания...

Печальная весть с фронта: погиб в бою с врагом Петр Николаевич Нестеров. Крутень отказывается верить в это. Быть может, сообщения газет не верны, допущена ошибка? Репортеры падки на сенсации, порой искажают действительность. Евграф Николаевич бросается в редакцию одной из газет. "Увы, это случилось, — развели там руками, — сведения достоверны". И все-таки Крутень надеется на что-то. Но в Гатчинскую военную авиационную школу приходит телеграмма о гибели Нестерова. Все так, ошибки нет. 26 августа 1914 года командир 11-го авиационного отряда штабс-капитан Петр Николаевич Нестеров, совершив первый в мире таран и уничтожив самолет и экипаж противника, погиб смертью героя. Евграф Николаевич с болью в сердце старается представить себе, как все это произошло. Подробности приходят потом, картина становится ясной.

...Юго-Западный фронт. Полевой аэродром вблизи города Жолква. Летчики 11-го авиаотряда по заданию штаба 3-й армии вылетают на разведку. Больше других летает сам командир. Он привозит ценные сведения о расположении войск противника, подробно излагает данные воздушной разведки. Авиацию в разведывательных целях используют и австрийцы. Их "альбатрос" часто появляется над территорией, занятой войсками 3-й армии. Один раз австрийский летчик даже сбросил бомбу на аэродром. К счастью, бомба, упав в песок, не взорвалась. Это обстоятельство вызвало страшное раздражение у генерала А. М. Драгомирова. Он стал упрекать Нестерова в бездействии, в неумении сбить австрийского разведчика. Его голосу вторили и другие высокие чины.

Квартирмейстер штаба 3-й армии полковник М. Д. Бонч-Бруевич, отвечающий за разведку, волновался больше других чинов штаба, зло выговаривал летчикам:

— Как вы, русские авиаторы, можете терпеть это безобразие? Разведчик-австрияк висит у вас над головой, безнаказанно прошупывает наши силы, а вы сидите, сложив руки, не даете ему отпора. Где ваша офицерская гордость, где боевой дух, присущий русским воинам? Необходимо сковырнуть к чертовой матери наглого австрийца с его "альбатросом".

Нестеров и его подчиненные понимали необходимость уничтожения опасного австрийского разведчика, который нагло бросал им вызов, но знали и то, как трудно это сделать. На их самолетах отсутствовали пулеметные установки, а у австрийцев они имелись. Русские же летчики вооружены были лишь маузерами или револьверами. В лучшем случае наблюдателям выдавались карабины, винчестеры...

...Квартирмейстер Бонч-Бруевич выжидательно смотрит на Нестерова. Что скажет командир авиаотряда, человек смелый, решительный, прокладывающий новые пути в использовании самолетов на войне? Ведь это он предложил несколько способов борьбы с противником в воздушном бою. Например, подвешивать бомбу на длинной проволоке для уничтожения самолетов и дирижаблей противника, приспособивать к хвосту своего самолета пилообразный нож для той же цели.

— Так как же насчет "альбатроса"? — с некоторой иронией спрашивает Бонч-Бруевич.

Петр Николаевич выпрямляется и твердо отчеканивает:

— Я даю вам честное слово русского офицера, ваше превосходительство, что этот австриец перестанет летать.

Работа 11-го авиаотряда продолжается. Нестеров поднимается в небо утром и вечером.

Нагрузка колоссальная. 12 августа, возвратившись из разведки, он упал в обморок. Отдохнул всего лишь два дня и — снова в полет: воздушная разведка, бомбометание по скоплению войск противника.

Вечером 26 августа Петр Николаевич возвращался из штаба армии на автомобиле. Он еще издали заметил в небе тот же "альбатрос". Опять прилетел! И сразу сложилось решение сбить австрийского разведчика во что бы то ни стало, любой ценой.

Нестеров подъехал на машине прямо к стоявшему наготове своему самолету "моран", полученному им в награду за "мертвую петлю" и дальние перелеты. Этот новый моноплан позволял развивать скорость до километров в час, на 36 километров больше "ньюпора". Правда, и на нем не было нужного для воздушного боя вооружения.

..."Моран" идет на взлет, все выше и выше поднимается в небо. В этот момент австрийский биплан завершает первый круг над городом и начинает заходить на второй. Противник не чувствует опасности, зная, что на аппаратах русских нет пулеметов. Нестеров идет наперерез противнику, заметно догоняя его. Летчики отряда, затаив дыхание, наблюдают за действиями командира. Между тем "моран", догнав "альбатроса", поднимается выше него, делает над ним круги. Только теперь австриец, испугавшись, начинает снижение, стремится оторваться от противника, уйти. Но поздно. Нестеров заходит сзади и буквально висит над австрийским аппаратом. Но каким же маленьким кажется моноплан "моран" рядом с громоздким бипланом "альбатрос".

А дальше... Дальше следует соколиный удар сверху колесами по крылу противника. Таран! На мгновение "моран" как бы зависает в воздухе, а потом начинает падать, медленно кружась вокруг продольной оси. От фюзеляжа отделяется мотор. Через секунду и "альбатрос" становится неуправляемым, валится на левый бок, поворачивается носом вниз и стремительно падает на землю, опередив "моран".

Так на глазах потрясенных летчиков 11-го авиаотряда погиб смертью героя Петр Николаевич Нестеров. Он сдержал офицерское слово дорогой ценой — отдал свою жизнь...

Евграф Николаевич долгое время носит в себе гнетущую боль от непоправимой потери. Ему хочется вылить ее, эту боль, на бумаге, поделиться своими чувствами с другими. И он садится за статью. Она дается ему без труда, потому что пишется от чистого сердца.

"Дорогому-Нестерову!

С чувством глубокого уважения к инициаторам замысла по увековечению памяти дорогого русского героя Петра Николаевича присоединяюсь всея душой к их предложению и прошу принять мою долю.

Я в числе немногих счастливых-офицеров присутствовал на Сырецком аэродроме в Киеве и видел его первую в мире "мертвую петлю". Больше мне не приходилось видеть таких чистых и красивых петель ни у кого. Я от начала до конца следил за тем его полетом, так как перед взлетом на чье-то замечание, что Пегу сделал петлю, он ответил: "Нет, петли Пегу не сделал — он сделал только полет по форме французского "эс". Это не то, а вот настоящую петлю, может быть, сейчас увидите".

Он поднялся, "пропетлял" и, спустившись на землю, когда умолкло захлебывающееся "ура" офицеров и нижних чинов и его спустили, наконец, с рук на землю, сказал: "Ну вот, сейчас дам телеграмму... Пускай все видят, что русские сами могут создавать..."

Тогда я увидел... что аппарат может принять в воздухе любое положение и это еще не значит — смерть! Теперь, пройдя по проторенной дорожке и сделав 10 августа 1914 года над Гатчинским аэродромом две "мертвые петли" (первые русские на биплане), я оценил вполне определенно, какую великую роль сыграла первая в мире "мертвая петля" нашего отважного Нестерова, сколько сразу прибавилось уверенности в полете. Слава памяти Нестерова!

...Нестеров на товарищеском обеде в Гатчине после замечательного перелета Киев — Петроград в восемнадцать часов всего сказал:

"Я не фокусник. Моя первая петля — доказательство моей теории: в воздухе везде опора. Необходимо лишь самообладание. Такой перелет, как мой, без всякой предварительной подготовки, сами знаете, какое значение имеет у нас в военной авиации.

Теперь меня занимает мысль об уничтожении неприятельских аппаратов таранным способом, пользуясь быстротходностью и быстроподъемностью аэроплана! например, ударив на лету своим шасси неприятельский аппарат сверху".

Мы, участники обеда, были захвачены его идеей. Так просто!

...Вспыхнувшая война не дала времени окончательно развить последнюю форму — бой. И он смело пошел применять все, до чего дошел до сих пор, отдал все, что мог.

...Итак, начало боя в воздухе положено. И первым бойцом был он же, русский герой, уже носитель венца славы за первую петлю — Петр Николаевич Нестеров...
Слава тебе, русский герой! Слава Богу, что русские таковы!
Поручик Крутень".

Статью напечатали в петербургской газете "Новое время" 8 сентября 1914 года.
Через месяц Крутень с горечью узнал о новой трагедии в семье Нестеровых — смерти брата Петра Николаевича.

Пехотный офицер Михаил Николаевич Нестеров тоже решил стать авиатором. Он окончил авиационное училище, получил звание военного летчика и направление в Брест-Литовский крепостной авиационный отряд, где и застала его война.

Михаил Николаевич совершал боевые вылеты на устаревшем "фармане". Но ему хотелось овладеть более совершенным аппаратом "моран", на котором летал Петр Николаевич. По распоряжению Главного военно-технического управления поручик М. Н. Нестеров прикомандировывается к Гатчинской авиашколе. Причем высокое начальство просит ускорить переучивание пилота, очевидно, рассчитывая, что второй Нестеров продолжит традиции своего прославленного брата. Но во время одного из тренировочных полетов при подъеме на вираже его самолет теряет скорость, скользит на крыло и затем срывается вниз. Уже нет запаса высоты, чтобы выровнять аппарат и спланировать на аэродром.

Так 8 октября 1914 года погиб второй Нестеров — Михаил Николаевич.

Крутень с грустью задумывается о печальной судьбе двух крылатых сынов России. Он представляет себе безутешное горе их матери, страдания и слезы жен. Сколько молодых жизней уже положено на алтарь отечества, сколько еще будет положено...

В сентябре 1914 года, после окончания Гатчинской военной авиашколы, Евграфу Крутеню поручается наблюдение за постройкой аппаратов "вуазен" на заводе Лебедева. Назначение радует молодого авиатора. Значит, командование высоко оценило его знания, его технику пилотирования. Ныне же ему придется давать "добро" новым аэропланам, предназначенным для фронта. Ответственность немалая.

С заданием он справляется успешно, но его гложет чувство неудовлетворенности — он еще не испытал свои силы в бою.

На фронт, только на фронт!

Тем временем на западе все больше разгорается великая битва — первая мировая война 1914–1918 годов, которая принадлежит к числу наиболее крупных событий в истории человечества. На полях сражений противостоят армии двух групп враждующих капиталистических государств. Это прежде всего Германия и Австрия — с одной стороны; Россия, Франция и Англия — с другой стороны. Но за четыре года в военные действия было втянуто 38 стран, под ружье поставлено свыше 70 миллионов человек. И как результат — 9,5 миллиона убитыми и 20 миллионов ранеными.

В. И. Ленин точно определил суть и цели этой войны, как схватку между двумя группами разбойничьих великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке. Особенно активную борьбу за передел уже поделенного мира вел германский империализм, первым начавший войну, против России, хотя и царскую Россию Ленин охарактеризовал тоже как разбойника с большой дороги.

Однако правящие круги Российской империи убеждали свой народ, что империалистическая по своей сути война является Отечественной войной, отравляя души солдат и офицеров шовинизмом, ложным ура-патриотизмом. Но с годами на фронтах и в тылу нарастало мощное революционное движение народных масс, которое и привело в феврале 1917 года к свержению самодержавия, а несколькими месяцами позднее — к Великой Октябрьской социалистической революции.

Боевое крещение

С нетерпением ждет Крутень направление в действующую армию. Наконец, оно было получено. О молодом летчике позаботился не кто иной, как заведующий авиацией и воздухоплаванием в действующей армии великий князь Александр Михайлович. Августейший заведующий уже давно проникся любовью к авиации. Правда, он мало смыслил в ней, тем не менее с началом войны в его руках оказались судьбы русских военных пилотов.

В Главном военно-техническом управлении в Петрограде Евграфу Николаевичу показывают телеграмму за подписью Александра Михайловича:

"Прошу спешного командирования штаб 10-й армии поручика Крутень с аппаратом "вуазен". На следующий день аэроплан, полученный на заводе Лебедева, погружают на железнодорожную платформу. Вместе с самолетом следует на фронт и поручик.

На Западе идут ожесточенные бои, о которых пространно пишут газеты, воспевая доблесть и отвагу русских воинов. Попадают и заметки о действиях летчиков. Немецкая авиация превосходит нашу и по численности, и по техническому оснащению. "Альбатросы", "фоккеры", "гаубе" ведут активную разведку с воздуха. В надежной воздушной разведке остро нуждаются и русские армии. Но пока что наших самолетов значительно меньше.

Крутень со своим "вуазеном" в сопровождении нескольких солдат спешит на фронт. Трясется вагон, стучат колеса, выбивая какой-то несложный ритм.

Фронт не пугает Евграфа Николаевича, наоборот, как и многих, влечет к себе возможностью испытать свою волю и мужество. Поручик трезво прикидывает характер своих действий как воздушного разведчика, пытается создать в воображении сложные ситуации.

На аппарат "вуазен" особенно уповать не приходится — маломаневрен, двигатель "сальмсон" водяного охлаждения хоть и силен, но может преподнести сюрприз. В полевых условиях будет очень сложно устранять неисправности. Однако осуществлять на "вуазене" разведку, фотографировать, бомбить неприятеля можно успешно.

Ранним утром поезд останавливается на тихом полустанке. Густой туман окутывает уже подмороженные поля. Крутень прыгивает на землю, чтобы осмотреть на платформе самолет, укутанный брезентом, проверить караул. И вдруг до его слуха долетает отдаленный гул.

"Артиллерия громыхает, — догадывается Евграф Николаевич. — Значит, до фронта рукой подать".

Рядом с летчиком вырастает фигура солдата, охраняющего "вуазен".

— Дозвольте, ваше благородие, покурить, — говорит солдат простуженным голосом. — Всю ночь не курили, аж на душе муторно, у самолета-то не покуришь.

— Кури, — отвечает офицер. — Слышишь канонаду?

— А как же. Фронт в гости зовет. Все повернет по своему: кого в рукушибанет, кого в голову, кому ноги оторвет, а кого и сразу в сыру-землю уложит.

— Трусишь?

— Да ведь как сказать? Боюсь за своих детишек малых, что дома остались, их у меня трое.

— Ничего не поделаешь, брат, — Крутень внимательно смотрит на бородатого человека, сосредоточенно сворачивающего "козью ножку". — Лезет враг на нашу землю, надо защищать ее.

— Это мы понимаем, ваше благородие. За веру, царя и отечество готовы живот свой положить. Сколько солдат поляжет — не приведи Господь. А для чего? Неужто миром нельзя?

— Война, брат, есть война. Без смертей не бывает.

— Ваша летчицкая доля похлеще нашей, солдатской, — раздумчиво произносит солдат, затягиваясь махорочным дымом. — На высоте да под обстрелом немецких пушек, поди, несладко будет. Смертушка косит и вас, молодых, с крылышками. Вот так-то...

— Ну хватит, борода, — обрывает разговорившего рядового Евграф Николаевич. — До фронта еще не добрались, а ты уже панихиду поешь.

— Виноват, ваше благородие. Это так, думушки-думы. А сам я второй раз туда... в пекло.

Осмотрев самолет и убедившись, что все в порядке, Крутень поднимается в вагон. Но из головы не выходит этот мимолетный разговор с солдатом. Вот простой человек из народа, крестьянин, а задумывается. Что-то не договаривает бородатый рядовой. Но что? Он не из тех, кто в Петрограде кричит на весь город, что шапками закидаем немчуру, а сам увильивает от мобилизации. Он трезво смотрит на происходящее. Но Крутень знает, что такие простые люди, повинувшись долгу, на фронте будут бесстрашно идти в атаку под пулеметным огнем, лихо действовать штыком и прикладом. Быть может, они не умеют ясно высказать свои чувства и

мысли, но знают, что защищают от врага не только свою семью, свою деревню, но и всю землю русскую.

А трубы войны уже поют где-то рядом. Фронт все ближе и ближе. В журнале боевых действий 21-го армейского авиационного отдела появляется запись: "27 октября 1914 года прибыл в Гродно второй аэроплан системы "вуазен" с военным летчиком поручиком Крутенем". На аэродроме его встречает штабс-капитан Петр Грезо, поздравляет с прибытием, крепко пожимает руку.

— Вы очень нужны, поручик, — говорит он. — По приказу начальства мною сформировано отделение особого назначения. Но пока что в нашем распоряжении только один аппарат. Ваш — второй. Теперь работать будет веселее. Многого еще не хватает. Надеюсь, в скором времени поправим свои дела...

В отличие от других офицеров, Грезо похож на эдакого штатского интеллигента, только одетого в армейскую шинель. Во взгляде — доброта, участливость, к тому же голос тихий, речь плавная, с некоторым грассированием. Но, как потом убедится Крутень, штабс-капитан смел, хорошо пилотирует самолет, умеет держать подчиненных в руках.

— Что делают ныне летуны? — спрашивает Евграф Николаевич.

— Как можем, ведем разведку, бомбим скопления противника. Много времени отнимает ремонт самолетов. Плохо с запасными частями. А вы порошу еще не нюхали?

— Пока что не приходилось. По заданию начальства занимался "вуазенами" на заводе Лебедева. Думаю, наверстаю упущенное.

Штабс-капитан, прищутив глаза, как бы изучает прибывшего офицера. Невысокая атлетическая фигура. Спокойное, сосредоточенное, совсем еще молодое лицо, серые глаза. Фуражка на крупной голове по бокам обмята, сидит чуть-чуть набекрень. Видимо, в нем юность еще не уступила место мужской зрелости.

— Сколько вам лет, поручик? Не удивляйтесь вопросу, вы так молодо выглядите.

— Не так-то я молод, как вам кажется, — слегка усмехается Крутень. — Мне двадцать три года.

К ним подходит среднего роста, плотный, в хорошо подогнанной шинели офицер. Он улыбается, темные усы на круглом лице ползут вверх.

— Это поручик Аркадий Казаков, — рекомендует Грезо, — а это прибывший к нам летчик...

— Крутень? Константиновец?! — удивляется Казаков.

— Да, константиновец.

— Вот так встреча! Здравствуй, однокашник. А я тебя запомнил, хотя окончил Константиновское артиллерийское училище на год раньше. Помню, был такой разудалый юнкер, себя в обиду не давал. Графом звали. Верно?

— Почти что так. Значит, и ты сбежал из артиллерии?

— Сбежал, Евграф. Авиация, она ведь, как сильная любовь, приворожит, не отстанет.

— Верно.

Потом, на квартире у Казакова, они вспомнили начальника училища генерал-лейтенанта Похвиснева, командиров батарей Промтова и Бутыркина, офицеров бригад Шелковникова, Яковенко-Маринича, Гепишту, преподавателей, некоторых юнкеров.

— На гауптвахте не приходилось сидеть? — спрашивает Аркадий.

— Не довелось, — смеется Крутень.

— А я сидел за неподчинение классному обер-фейерверкеру Войшину-Мурдасу-Жилинскому. Вот фамилия!

Зверь был — не человек. Ну после производства в офицеры мы ему насолили...

Долго течет дружеская беседа. Крутень как-то сразу проникается симпатией к Аркадию.

Казаков воюет уже с августа 1914 года, совершил немало боевых вылетов, награжден.

— А я еще в бою не был, — сокрушенно качает головой Крутень.

— Не терпится? Все у тебя впереди. Противник у нас серьезный, цепкий, не скоро его сокрушишь. Не ноль ты явился — немцу не сдобровать.

Казаков улыбается с хитрым прищуром глаз.

— Всенепременно победит, — поддерживает шутку Евграф.

— Давай проситься летать вместе. Согласен?

— Я всей душой. Два бывших артиллериста в аэроплане — это чего-нибудь да стоит... Ты не женился еще?

— Нет, холостякую.

— И я тоже. Как в песне поется: наши жены пушки заряжены. Мы все под началом Марса, а он любит одиноких.

— Переходи в мою хату жить, Граф, потеснюсь, — предлагает Казаков.

— Спасибо, Аркадий, я привык квартировать отдельно, найду себе где-нибудь пристанище.

— Как знаешь...

На следующий день Крутень вместе с механиком занят сборкой своего "вуазена". При опробывании мотора выясняется, что барахлит магнето, двигатель дает только 700 оборотов в минуту, то есть в два раза меньше нормы. Исправить дефекты на месте не удастся. Мотор отправляют для ремонта в Петроград на завод Лебедева — сюрприз весьма неприятный.

Евграф Николаевич чертыхается:

— Вот она, иностранная техника! Ни к черту! А в верхах хвалебные гимны ей поют.

Пока что Крутень совершает пробные полеты на старом "вуазене". Но это короткие "разминки" в небе — по 15–30 минут. К тому же мешает наступившая непогода — сыплет снег, землю покрывает туман, густая облачность.

Вынужденное бездействие раздражает поручика. Отсутствие аэроплана рождает чувство своей ненужности. Невольно он возвращается мыслью к 2-му конно-горному артиллерийскому дивизиону, где недавно служил. Наверное, его друзья-батарейцы на Юго-Западном фронте воюют, невзирая на непогоду, "угощают" врага шрапнелью и гранатами, идут вперед. Он на знает, что его не забыли в артиллерийской части, что 2 ноября 1914 года в приказе за № 274 появился такой параграф:

"В вверенном мне дивизионе поручик Крутень, окончивший курс воздухоплавательной школы со званием военного летчика, командирован для несения службы в 21-й корпусной авиационный отряд при 4-й авиационной роте. Означенного обер-офицера числить в командировке.

Справка: приказ начальника генерального штаба по части воздухоплавания сего года за № 16". Да, поручика Евграфа Крутень не забыли, числят командированным.

Наконец в последних числах ноября с завода прибывает мотор. Вместе с ним приходят запасные части. Теперь-то уж можно будет полетать вдоволь.

...Пришел приказ о перебазировании отделения специального назначения еще дальше на запад. Немецкая авиация совершает налеты на Варшаву, бомбит город. Вводится дежурство экипажей самолетов ночью. Поручик Крутень тренируется в полетах в темноте. Механик днюет и ночует возле аппарата.

Январские дни коротки. С неба сыплется снег, переходящий в дождь. Густая облачность, туман. 26 января 1915 года. К вечеру небо проясняется. Только легкие облака плывут по нему. Ветер слабый.

— Разрешите лететь на разведку, — обращается к командиру поручик Крутень.

— Скоро станет темно. Вас это не смущает?

— Нет, — убежденно заявляет поручик, натягивая шлем. — Летаю ночью. Велите зажечь костры на аэродроме, буду при посадке ориентироваться на них.

— Валяйте! С вами полетит наблюдатель Чекутов.

— Есть!

"Вуазен" берет разбег и поднимается в еще светлое небо. Курс — на Блоне. С высоты хорошо видны окопы, сооруженные противником, его биваки, артиллерийские позиции. А вот наша кавалерия движется по дороге.

Две армии противостоят друг другу. Но боевые действия сейчас не ведутся. Вероятно, противники решили отдохнуть, глядя на ночь. Крутень старается запомнить все, что увидел. На земле он и наблюдатель Чекутов вместе уточнят данные, которые крайне нужны командованию. В воздухе появляются разрывы снарядов со шрапнелью, слева и справа. Аппарат — на прицеле противника, могут сбить. Поручик Чекутов нервно толкает Евграфа Николаевича в спину, показывает рукой назад. Красноречивый жест наблюдателя означает: "Надо уносить ноги, пока не поздно". Но Крутень не спешит. Он поднимает "вуазен" выше, меняет курс, чтобы не дать противнику пристреляться. "Откуда у новичка такое хладнокровие? — думает Чекутов. — Действует, как опытный боевой авиатор. Или ему вообще не присуще чувство страха? Есть ведь такие люди. Но это ненормально".

Уйдя от обстрела, Евграф Николаевич внимательно осматривает воздух. Вдруг появятся немецкие самолеты, летящие бомбить Варшаву? Но вражеских машин сегодня нет. Темнеет. Землю окутывает мгла. Уже не видно дорог, окопов, обозов, биваков. На небе одна за другой загораются холодные, колючие звезды. Горизонта не различить. Наблюдатель снова нервно ерзает на своем сиденье. Найдет ли молодой летчик дорогу на аэродром? Как пройдет посадка? Есть ли у Крутеня твердые навыки ночного летания? В противном случае можно разбиться в лепешку. Были такие случаи.

Чекутов вглядывается в фосфоресцирующую стрелку компаса. Как будто самолет держит правильный курс... И Крутень по-прежнему держится уверенно. Внизу уже просматривается извилистая полоса Вислы. В стороне от нее пламенеют факелы костров, освещающих аэродром. Наблюдатель облегченно вздыхает.

Еще несколько минут — и пилот уверенно сажает "вуазен" в начале летного поля. Пропеллер делает последние взмахи и замирает.

К самолету спешит штабс-капитан Грезо. Когда Крутень вылез из машины, Грезо пожал ему руку:

— С настоящим боевым крещением, поручик, да еще с ночным полетом. Пробывали в воздухе три часа пятьдесят минут. Есть о чем доложить?

— Безусловно, есть, — отвечает Евграф Николаевич. — Видели многое.

— Подробно изложите в донесении.

Данные разведки летчик излагает в донесений

[3]

точно, обстоятельно. В подписи заглавная буква фамилии написана необычно витиевато, снабжена лихими, вензелями. Так Крутень расписывался, когда был в Хорошем настроении. Другое дело, когда Евграф Николаевич был не совсем доволен собой. Тогда и подпись делает просто, без вензелей.

Боевая работа отделения продолжается. Экипажи самолетов на "вуазенах" и "моране" несут дежурство ночью. Поручик Крутень летает и при снегопаде, если он не очень обильный, низкой облачности. Нельзя допустить, чтобы враг бомбил Варшаву — этот огромный город с его многотысячным населением.

Продолжаются и разведывательные полеты над территорией, занятой противником. Меняются наблюдатели, летающие с Крутением: то Казаков, то Федоров, то корнет Щегоцкий. Но Евграф Николаевич предпочитает отправляться на задание с Аркадием Казаковым. В воздухе, когда порой создается сложная обстановка, требующая мужества, воли, решимости, и тот и другой всякий раз убеждаются, что напарник не из робкого десятка.

21 февраля 1915 года в отряд приезжает представитель разведотдела штаба 2-й армии штабс-капитан Лев Павлович Дюсиметьер. Это швейцарец русского происхождения. Речь его чисто русская, без какого-либо акцента. Вид у прибывшего властный, решительный, грудь колесом — начальство, ничего не поделаешь. К тому же на груди — Георгиевский крест. Разыскав Евграфа Николаевича, он говорит:

— Хочу, поручик, полететь на разведку с вами.

— Пожалуйста, "вуазен" готов к полету, — спокойно отвечает Крутень. — Только на моем аппарате нет пулемета...

— Почему так? — Штабс-капитан сурово сдвигает брови. — На "вуазене" должен быть "люис".

— Сняли из-за неисправности.

Дюсиметьер на минуту задумывается, потом решительно заявляет:

— Не беда, возьму с собой винтовку. А у вас, поручик, есть наган. Это уже два ствола, авось отобьемся от бошей, если встретим.

— Тогда в самолет! — заключает Евграф Николаевич.

Они летят над территорией, занятой противником, Представитель штаба ведет себя спокойно, внимательно наблюдает за землей. Спокоен и Крутень, его не волнует, что за спиной начальство.

Неожиданно вдали, на пересекающемся курсе, показывается немецкий самолет.

— "Альбатрос", — оборачивается к наблюдателю летчик.

— Где? — воодушевляется штабс-капитан. — Сейчас я его свалю ударом из винчестера.
— До противника еще далеко, не попадете, — кричит Крутень. — Попытаемся сблизиться.
Поручик добавляет скорость, ведет "вуазен" наперерез "альбатросу". Но тот уже разворачивается и берет курс к своим позициям. В этот момент над ухом Крутеня раздаются винтовочные выстрелы — Дюсметьер палит по улетающему "альбатросу", который опускается все ниже.

— Попал! — громогласно ликует представитель разведотдела штаба. — Ей-Богу попал! Сейчас немец ткнется в землю.

Пилот знает, что торжество Дюсметьера необоснованно, но не старается переубедить его. Однако надо выполнять задание. Найдя скопления биваков противника, Крутень сбрасывает на цель шесть десятифунтовых бомб. Внизу — взрывы, вспышки огня, переполох. Видно, как разбегаются в стороны солдаты.

На обратном пути мотор "вуазена" сдает, временами затихает, чихает. "Только бы добраться до дома, — думает Евграф Николаевич. — Неудобно пасовать перед начальством". До аэродрома остается немного. Летчик переводит аэроплан в планирующий полет и легко сажает на землю.
— Bravo, поручик! — говорит, улыбаясь, Дюсметьер. — Отлично водите аэро, не теряетесь в сложных ситуациях. Доложу начальству. Жаль только, не сумели сблизиться с "альбатросом". Я бы его прикончил.

Крутень едва сдерживает улыбку.

— К сожалению, немецкие летчики не хотят сблизиться с нашими аппаратами. Летают себе в стороне, в бой не ввязываются. А на этот раз и "люиса" не было у нас с вами.

— Будет у вас пулемет, поручик. За это я ручаюсь. Через четыре дня в отряд присылают новенький пулемет, и его устанавливают на самолете Евграфа Николаевича...

Боевые вылеты следуют почти каждый день, если позволяет погода. Крутень летает преимущественно с Казаковым. Их разведывательные данные отличаются точностью, подробностью. Ничто не ускользает от зорких глаз пилота и наблюдателя. Командование 2-й армии особенно довольно их действиями. Иногда экипажу встречаются "альбатросы" или "гаубе", но перехватить вражеские аэропланы не удастся. Скорость "вуазена" меньше, и неприятель безнаказанно уходит в свое расположение, несмотря на отчаянные попытки Крутеня незаметно подкрасться к противнику. Разочарование, Досада охватывает летчика.

— Знаешь, Аркадий, о чем я мечтаю? — говорит Евграф Николаевич товарищу. — Получить настоящие боевые аэропланы с большой скоростью, маневренностью, хорошим вооружением. Чтобы свободно настигать немецкие аппараты, навязывать им бой, истреблять. А что можно сделать на этой телеге, именуемой "вуазеном"?

Казаков, как это часто бывает, старается шуткой смягчить огорчение Крутеня.

— Вот если бы смастерили такой аэроплан, чтобы на нем можно было установить, скажем, нашу гаубицу да орудийный расчет к ней приставить — тогда бы германцам несдобровать. Скомандовал батарейцам и — бац! — от "альбатроса" осталось только мокрое пятно.

— Эх ты, бывший артиллерист, — добродушно отвечает на это Евграф, — прозябать бы тебе на батарее, а не соваться в небо... Возможно, в недалеком будущем появятся и большие аэропланы с пушками на борту.

— Фантазия, поручик. Такого быть не может.

— Ошибаешься, Аркадий. Слышал ли ты о тяжелых машинах "Илья Муромец" и "Святогор"? Там можно и скорострельную пушку установить. Конструктор "Святогора" Слесарев даже "пушечную палубу" выкроил на носу фюзеляжа. Фантазия?

— Ладно, твоя взяла. Но тебе ведь нужен легкий самолет.

Наступила весна. Мартовское солнце плавит снег, с полей веет дурманящим теплом, запахом оттаявшей земли.

25 марта приходит приказ о переименовании отделения специального назначения во 2-й армейский авиационный отряд.

Однажды Казаков решил зайти домой к Крутеню, поговорить по душам — благо погода нелетная. Приблизившись к окну, он увидел, что за столом сидит Евграф Николаевич и разглядывает на листе плотной бумаги силуэты самолетов. Они то устремлялись вверх, то делали петли, то пикировали. Отложив лист, Крутень о чем-то задумался. Потом достал из

стопки бумаги другой лист, на котором нарисована голова улыбающейся девушки с косами, добавил кое-какие штрихи к портрету, отстранил его, затем начал приближать к глазам. "У него есть возлюбленная, — подумал Казаков. — Это ее портрет. Но никому ни слова о личной жизни, о своих симпатиях и антипатиях! Скрытен. Выглядит одиноким в кругу товарищей по оружию. А ведь не высокомерен, не чванлив. На аэродроме, в воздухе — он всей душой с нами, его боевыми друзьями. А в остальное время — замкнут, держится обособленно. Свообразный характер".

Казаков так и не решился войти в избу к Крутеню, повернулся и в раздумье ушел. А вскоре произошло событие, несколько поколебавшее, казалось бы, устойчивое положение Евграфа Крутеня.

Как-то вечером к нему в комнату буквально ворвался офицер в помятой армейской шинели. Чуть прихрамывая, он приблизился к Евграфу и, едва сдерживаясь от смеха, отчеканил: — Штабс-капитан Кононов явился без вашего приказа собственной персоной. Узнаешь? — Николай? — удивился Крутень. — Вот так сюрприз! Здравствуй, браво артиллерист! Откуда, какими судьбами?

Они крепко обнялись. Оба искренне были рады встрече.

— Рассказывай, Коля, — попросил Евграф Николаевич. — Вижу, ты уже в больших чинах — штабс-капитан. Воевал?

— Был в деле, немецкая пуля малость продырявила ногу. Слава Богу, кость не задела, — рассказывает Кононов, дымя папиросой. — В госпитале лежал недалеко от этих мест. Думаю: дай загляну к бывшему артиллеристу, а ныне военному летчику. Мы ведь с тобой дружили, Евграф. Помнишь нашу мирную жизнь под Киевом?

— Еще бы. Весело было служить под началом полковника Бельковича — стрельбы, джигитовка на конях, рубка лозы на скаку. Где теперь наш дивизион?

— Сейчас расскажу. — Кононов гасит папироску и задумывается. — Как только началась война, нас сразу двинули на фронт. Дивизион придали первой льготной Кубанской казачьей дивизии. Уже одиннадцатого августа перешли границу Австро-Венгерской империи. Здесь приняли боевое крещение. Садилы по австриякам из орудий, а лихие казаки здорово поработали шашками. Дальше — бои, бои. Шли вперед, смяли оборону противника. Вступили в Станислав, бились у Стрыя. Потом вошли в Карпаты, взяли Вышковский перевал у села Сенечев. Конечно, не без потерь. Но шли лихо. Было всякое: через Днестр переправлялись под огнем неприятеля. Да, Белькович пошел на повышение, дали бригаду. Командиром у нас теперь полковник Колодей Федор Александрович. Помнишь его?

— Как же, помню! Зажег ты во мне, ретивое, Николай. Впору снова подаваться в артиллерию. Буду проситься обратно в наш второй конно-горный дивизион. Хочу по-настоящему воевать. А здесь что? Летаем иной раз попусту, с немецкими летчиками схватиться не удастся. Аэропланов мало, да и те часто ломаются. А мне надо сражаться, наступать. Нет, уйду, уйду, отсюда.

— Как же так, поручик? — удивляется гость. — Ведь ты рвался в авиацию, поссорился из-за этого с начальством. А нынче на попятную?

— Не в тыл буду проситься, а в самое пекло, — возражает Евграф. — Там больше принесу пользы Отечеству. Кто я? До сих пор поручик второго конно-горного арtdивизиона.

— Смотри, Евграф Николаевич, тебе виднее.

Еще долго длился разговор друзей. Провожая штабс-капитана Кононова, Крутень сказал:

— Может, скоро встретимся. Передай мой низкий поклон всем знакомым.

И он действительно пишет рапорт о переводе в свою артиллерийскую часть. Об этом доносят августейшему заведующему авиацией и воздухоплаванием. В тот же день на имя Крутеня приходит телеграмма:

"Отпустить вас из отряда считаю невозможным. Александр".

Человеку присущи слабости, минутные заблуждения. Пройдет несколько дней, и Евграф Николаевич осознает, что чуть не совершил непоправимую ошибку. Ведь он поклялся идти по пути, указанному Нестеровым, отдать все, что может, отечественной авиации. Ему станет стыдно за свои сомнения, а боевой пыл летчика найдет выход в воздушных схватках с врагом. ...Сливаются в поток дни, полные физического и морального напряжения и риска, и Крутеню уже кажется, что давным-давно он здесь, что иной судьбы он не мог предполагать.

Ночные налеты

Опять передислокация. 2-й армейский авиационный отряд со всем имуществом — автомобилями, повозками, палатками, мастерской — переезжает под город Гродиск и располагается в деревне Хлевно. Здесь ровное поле, оно будет служить аэродромом. Что ж, в полевых условиях сойдет. Евграф Николаевич с солдатами обходит просторный луг, отмечает неровности, которые надо скрыть или засыпать. Правда, первое время все равно трудно будет взлетать — весенняя земля еще влажная, грязь может попасть в мотор, помешать взлету. Сколько раз прежде по этой причине выходили из строя самолеты — ломались пропеллеры. В разгар работы из деревни пожаловал на поле крупный черный козел, с загнутыми мощными рогами и солидной белесой бородой. Солдаты пришельца заметили. А тот, чувствуя, видимо, себя владельцем здешних мест, смело подошел к одному из самолетов, удивленно осмотрел его дикими, узкими глазами, обнюхал. Что-то не понравилось четвероногому бородачу, и он неожиданно с разбегу ударил рогами по хвостовому оперению. Раздался треск хрупкой фанеры. Этот звук заставил солдат обернуться.

— Глянь-ка, служивые, — воскликнул один из них, — козел ломает наши еропланы!

— Никак германцами подослан, гад.

— Который поближе, хлобыстни его лопатой.

Один солдат бросился на козла, замахнулся лопатой. Но животное сделало боевую стойку, выставив рога, и в свою очередь атаковало обидчика. Солдат промахнулся, а удар козла достиг цели. Рядовой с воплем отскочил в сторону, держась за живот.

Поручик Крутень, выдавший эту сцену, с иронией сказал:

— Эх вы, аники-воины, не можете сладить с козлом! У нас своих авиационных "козлов" предостаточно. Или мне взяться за него?

— Зачем же, вашбродь, я его уложу! — выступил вперед здоровенный детина. — Мы, деревенские, и не с таким зверьем управлялись.

Солдат начал приближаться к животному, широко расставив руки.

— А ну, лезь на меня, нечистая сила, я тебе...

Черный бородач принял вызов, снова встал на дыбы и бросился на противника. Но тот успел ловко схватить козла за рога. Оба напряглись, в борении. Но прошла минута-другая, и козел свалился на землю, а победитель сел на него верхом.

— Молодец, служивый, — похвалил солдата поручик, — ловко ты его приземлил. Теперь поддай озорнику, чтоб духу его здесь не было.

— Рады стараться, вашбродь.

В этот момент к месту происшествия подбежала пожилая крестьянка из деревни, на глазах слезы, всхлипывает.

— Солдатики, дорогие, не убивайте моего Митеньку. Он у меня, вестимо, озорник, драчун, а хороший, Я его привяжу, непутевого, привяжу...

— Ладно, — разрешил Евграф Николаевич, — берите своего Митеньку. И чтобы он здесь больше не появлялся!

Крестьянка, кланяясь, увела козла. Солдаты, отсмеявшись, снова принялись за работу.

У поручика Крутень забот прибавилось. Он назначен старшим офицером отряда и активно помогает командиру организовать службу, а главное, наладить боевую работу. Весной немецкая авиация, конечно, станет действовать активнее, чаще совершать налеты. Маленький армейский авиационный отряд обязан противостоять численно превосходящему противнику. Каждый боевой вылет должен быть весомым.

Ранним весенним утром Крутень вылетает с Казаковым на разведку. Словно чуяло сердце пилота, что немцы попытаются в этот день совершить налет на города в нашем тылу. Они тут как тут. Пять "альбатросов" тянутся к Гродиску, явно с намерением бомбить. Надо помешать им во что бы то ни стало. Крутень направляет свой "вуазен" наперерез противнику. Казаков издали посылает заградительные очереди из пулемета. Видно, как от вражеских самолетов

отрываются продолговатые черные бомбы и мчатся к земле. "Догнать бы, настичь германцев! — скрипит зубами от ярости Евграф Николаевич. — Сбить хотя бы одного". Да где там, скорость "вуазена" значительно меньше, чем у "альбатроса", "фоккера", "таубе". Немецкие летчики знают это и потому не особенно боятся русских пилотов. И все же, увидев приближающийся "вуазен", они действуют неуверенно. Из двадцати сброшенных ими бомб почти ни одна не достигла намеченной цели.

Мрачный, погруженный в невеселые думы возвратился поручик Евграф Николаевич на аэродром. Одна мысль преследовала его: чтобы успешно уничтожить вражеские аэропланы повсюду, пресекать попытки противника вести разведку и бомбить наши тылы, нужны легкие, скоростные самолеты. Но где взять такие машины?

На аэродроме ждал сюрприз: в отряд пожаловал сам командующий 2-й армией генерал от инфантерии Смирнов в сопровождении членов американской военной миссии.

Поручик спешит представиться начальству.

— Ваше превосходительство, старший офицер второго авиационного отряда военный летчик Крутень возвратился из разведывательного полета.

— Здравствуйте, поручик!

Командующий армией протягивает для пожатия руку и, обращаясь к союзникам, говорит:

— Это один из самых доблестных русских авиаторов Евграф Николаевич Крутень. Отменный разведчик, доставляет ценнейшие сведения.

Американцам переводят. Они улыбаются и тоже пожимают руки летчику. Слышатся знаменитые "о'кей" и "вэри вэлл". Засыпают летчика вопросами: давно ли он стал авиатором? женат ли? есть ли бэби? какой урон нанес немцам?

— Так что же вы привезли сегодня из разведки? — спрашивает командующий.

— Немцы бросали бомбы на Гродиск. Мы с наблюдателем Казаковым пытались настичь их, но не смогли — наши аэропланы слабоваты.

— Обнаглели, до крайней степени обнаглели немцы! — возмущается генерал. — Вот и на фронтовые госпитали налетают, на санитарные поезда. Видят красные кресты, а все равно бомбят. Наши раненые, сестры милосердия гибнут. Надо задать врагу перцу. Что предлагаете, господин Крутень?

— Есть у меня задумка, — Евграф Николаевич хмурит брови. Лицо выражает решимость. — Ответить немцам таким же манером, не откладывая на завтра. Сегодня вечером, как только станет темно, полететь всеми экипажами и разбомбить это чертово логово. Я имею в виду аэродром и тылы противника.

Командующий армией задумывается, а потом решительно взмахивает кулаком.

— План дерзкий и верный. Одобряю. Готовьтесь, выполняйте.

— Слушаюсь! — вытягивается в струнку Крутень.

Целый день Евграф Николаевич у самолетов, следит за подготовкой двух "вуазенов" и одного "морана" к ночному рейду. Он обращается к механикам и мотористам:

— Не подведите, братцы. Чтоб было все честь по чести. Сами понимаете, как важен этот полет.

— Постараемся, ваше благородие, не подведем, — отвечает за всех механик Степанов. Уж очень по душе солдату молодой командир — решительный, смелый, сам хорошо разбирающийся в технике. Степанов чуть не вдвое старше поручика и нередко хочется ему тепло сказать командиру "сынок", но солдатское положение не разрешает. Остается холодное, чуждое слуху "ваше благородие".

Собрав летчиков и наблюдателей, старший офицер отряда убежденно говорит:

— Ночного группового полета а природе еще не было, знаю. Но надо кому-то начинать. У каждого из вас есть опыт полетов ночью, стало быть, можно рассчитывать на успех.

Он разворачивает карту и лист кальки, на котором нанесена схема движения самолетов, и поясняет:

— Идем строем. Впереди — мой "вуазен", сзади-слева — штабс-капитан Грезе, справа — мосье Пуарз. Цель — немецкий аэродром в Санниках, там густо расположены палатки с самолетами. Ориентир — река Бзура, по берегам замечено скопление обозов и биваков противника, цепи окопов.

Офицеры внимательно слушают.

— Взлетаем одновременно, — продолжает Крутень, проводя рукой по схеме. — Ночь будет лунная, ясная. Конечно, господа, нужна дистанция, чтобы не напороться друг на друга. Думаю, шагов пятнадцать — двадцать. Этого достаточно? Как вы думаете?

Летчики согласно кивают.

— Тогда передохните и готовьтесь. Еще и еще раз проштудируйте маршрут, изучите ориентиры. Проверьте, чтобы бомбы были подвешены надежным образом.

...В сумерках на аэродром выходит, накинув на плечи шинель, командующий 2-й армией Смирнов. Его окружают американцы, адъютант, начальник разведотдела. Генерал озабоченно смотрит на часы, потом на темнеющее небо, произносит:

— Пора бы им взлететь, господа. А?

— Сейчас взлетят, ваше превосходительство, — уверяет начальник разведотдела. — Экипажи отменно подготовились, я проверял.

— Так, так... Подождем их возвращения. Ведь важен результат, господа...

В наступившей темноте одновременно начинают работать моторы самолетов. Вращаются винты, пахнет отработанным бензином. Солдаты едва удерживают аэропланы. По условленному сигналу люди выпускают из рук крылья самолетов, и машины одновременно устремляются вперед, уходят в темное небо, обозначая путь искрами от моторов.

— Полетели мои соколы, — с теплотой в голосе говорит генерал. — Что-то будет?! Вы знаете, господа, — поворачивается он к членам американской миссии, — это просто фантастично. Всего лишь каких-нибудь несколько лет назад родилась авиатика, и вот самолеты летят ночью бомбить вражеский стан. А в будущем станем свидетелями еще более разительных феноменов авиации.

— Карашо, — изрекает один американец, — рашен льотчик очень молодцы.

...Евграф Николаевич постепенно набирает высоту на своем "вуазене". Слева от себя он видит на такой же высоте аппарат Грезе, справа — "моран", ведомый Пуарэ. Теперь не сбиться бы с курса и точно выйти на цель. Крутень и Казаков зорко смотрят на землю, освещенную половинкой луны, что дает возможность видеть отдельные ориентиры. "Луна слева, это хорошая примета", — мелькает у командира неожиданная мысль.

Самолеты — над расположением противника. Немцы молчат, не обстреливают. Значит, не ждали. Но в расчетном месте, где надо было визуальнo бросать бомбы, оказалась густая облачность. Она простиралась на большое расстояние, словно щитом прикрывая землю. Бомбить нецельно, наугад было пустой забавой. Надо, чтобы снаряды попали в цель, иначе ночной налет терял смысл.

Коварная облачность заставляет пилотов рассредоточиться — можно наскочить друг на друга. Строй нарушается. В такие ответственные минуты каждый решает, как ему поступить. Крутенью страшно досадно, что не удалось пошвырять бомбы на вражеские аэропланы. Он утешает себя мыслью, что такой полет можно повторить в следующий раз и более счастливо. А сейчас надо ударить по видимой цели, не везти же боеприпасы обратно. Евграф Николаевич ведет свой "вуазен" восточнее реки Бзуры, где сосредоточены резервы и окопы противника. Внизу цель. Пилот поднимает руку, давая знак наблюдателю Казакову, и тот сбрасывает боезапас. Две бомбы, по два пуда каждая, с воем летят на землю. Вслед за ними экипаж сбрасывает еще четыре бомбы по пуду — это предельная нагрузка для аппарата.

Взрывы бомб, сопровождаемые вспышками пламени, ясно видятся внизу.

Следуя примеру ведущего, его маневр повторяют Грезе и Пуарэ.

Нет, не напрасен ночной полет. Противнику нанесен урон. Вполне возможно, что досталось и немецким самолетам, укрытым в специальных палатках-ангарах. Отходя от цели, летчики видят внизу разрастающийся огонь.

Возвратившись на аэродром, летчики осуществляют посадку при свете костров.

Крутень подходит к генералу Смирнову и докладывает о результатах ночного бомбометания. Улавливая в его голосе досаду, командующий успокаивающе говорит:

— Не огорчайтесь, поручик. Ночной вылет все-таки состоялся. Это очень важно. Надеюсь, пруссаки почувствовали, с кем имеют дело. А в следующий раз, думаю, ударите бомбами прямо по этим проклятым "альбатросам", чтобы горели и летели вверх тормашками.

Командующий со своей свитой покидает аэродром. Крутеня же не оставляет беспокойство.

— Будем летать ночью, черт возьми, — горячо говорит поручик Казакову. — Не дадим спать германцам.

— Этого мало, — улыбается тот, — жить им не дадим. Ведь они не любят, когда бомба разрывает их в клочья. Как думаешь?

— Хорошо, если вместе с немцем разорвется "альбатрос" или "фоккер". Тогда полная гармония.

— Я к тому говорю, Евграф, не надорвать бы нам пупа от натуги.

— Взлся за гуж — не говори, что не дюж, — отвечает поговоркой Крутень.

Поручик ждет подходящего момента, чтобы снова лететь на ночную бомбардировку. Как раз вскоре разведка установила, что в городе Ловиче разгружаются эшелоны с солдатами и оружием, скопилась масса вагонов. Из штаба армии приходит приказ нанести по ним удар. Цель определена. Но, как назло, болен штабс-капитан Казаков. С кем лететь? Выбор летчика останавливается на механике Степанове.

— Полетишь со мной ночью долбать немцев? — спрашивает его Крутень.

— С вами, ваше благородие, хоть к черту на рога, — молодежато отвечает Степанов.

— Вот что, друг, — треплет его по плечу Евграф Николаевич. — Оставь эти слова — "ваше благородие". Ты — мой боевой товарищ, можешь звать меня по имени-отчеству или по званию, или по фамилии. Понял?

— Понял, ваше благородие.

Крутень смеется.

— Ты неисправим, Степанов... Поговорим лучше о твоих действиях в полете. Устройство аэроплана ты знаешь лучше всех, а швырять бомбы — дело простое, Я дам тебе сигнал.

— Подходяще, Евграф Николаевич.

7 апреля готовятся к вылету два экипажа — Крутеня и Пуарэ. Проверена техника, подвешены бомбы, проложен маршрут. Погода благоприятная. Аппараты взлетают одновременно и скрываются в ночном небе. Первым идет "вуазен" поручика Крутеня. Глаза летчика уже привыкли к темноте. Внизу тускло отсвечивает река Бзура, в нее вливается речка поменьше. У пересечения рек раскинулся Лович. Сверкают огоньки уличных фонарей и домов. Поручик ведет "вуазен" к северной окраине города. Вот и Кутненский вокзал, железнодорожные пути, забитые эшелонами. С высоты глаза пилота это различают.

— Приготовиться! — подает он сигнал механику Степанову.

Внизу цель. Рассчитывая на глаз упреждение, Крутень командует "сброс". Наблюдатель мгновенно выполняет команду. Четыре бомбы по пуду с воем летят на скопление вагонов. Поручик зорко следит за разрывами бомб, замечает, что две из них не взорвались, тогда как две другие породили пламя, которое быстро распространяется вокруг.

В эти же минуты экипаж Пуарэ сбрасывает две пудовые бомбы на Лодзинский вокзал. Самолеты возвращаются на аэродром.

— Ты заметил, Степанов, — две бомбы из четырех не взорвались.

— Заметил, господин поручик. Ума не приложу, отчего.

— Тут мы ни при чем, — объясняет Крутень. — Многие динамитные бомбы, что лежат на складах, давно испорчены. Знают об этом сидящие в верхах, а вот приказывают бросать динамитные бомбы, а не тротильные, пока не кончатся.

— Да не может быть, Евграф Николаевич! — удивляется Степанов. — Так можно попусту слетать, ничем не досадить немцу, а самим голову сложить понапрасну.

— Выходит, можно, друг, — горько усмехается командир.

Видимо, слава о боевой деятельности отряда перешагнула границы армии и фронта. Вслед за американцами аэродром посещает бельгийская военная миссия. Крутеню снова приходится давать интервью. Он не любит самовосхваления и потому сдержанно говорит:

— Ничего особенного, тем более сверхестественного в нашей работе нет. Мы делаем все возможное, чтобы помочь нашим доблестным наземным войскам. Но нас подводят иностранные аэропланы, особенно моторы — часто сдают, портятся.

Бельгийцы, сочувствуя, сокрушенно качают головами...

— Как думаешь, Аркадий, чего это к нам повадились варяги? Хотят узнать наши армейские прорехи? Или научиться чему-нибудь?

— И то, и другое, Евграф. Американцы, к примеру, пороку еще не нюхали. Но наблюдают. Только нам от этого мало пользы.

...В отчетах 2-го армейского авиационного отряда за 1915 год появляются такие записи:

"Крутень взлетел против немца, но не догнал. Аппарат "вуазен" не имеет нужной скорости..."

"К сожалению, немецкие летчики уходят..."

— Понимаешь, Аркадий, — говорит поручик Крутень своему наблюдателю, — у меня из головы не выходит мысль срезать хотя бы один немецкий аппарат... для начала. Разве нам не по плечу воздушный бой?

— Как ты думаешь сбить ну хотя бы "альбатроса"? — возражает Казаков. — На нашей "телеге" немца не догонишь, ты это знаешь.

— А если подкараулить и вцепить очередь?! — но сдается поручик.

— В том то и дело, что противник ретируется, как только завидит наш аэроплан. Думаю, это не трусость. Очевидно, у пруссаков есть приказ не ввязываться в воздушный бой, а вести разведку.

— И все-таки!

Но в очередном вылете, когда был обнаружен рыскающий в небе "альбатрос"-разведчик, Крутень не удалось сразиться с ним. Завидев "вуазен", он сразу же изменил курс, быстро снизился и ушел к своим.

— Ну что это за рыцари? — возмущается Евграф. — Избегают открытого боя.

— Успокойся, друг, — советует рассудительный Казаков. — Думаю, придет время, и ты будешь сбивать "альбатросов" и "фоккеров", да и противник начнет сам охотиться за нашими аппаратами. А пока что у отряда не менее важное дело — воздушная разведка. Скоро, после зимнего затишья, фронты начнут действовать.

Самые трудные задания выполняют Крутень и Казаков. 21 апреля 1915 года ни была поручена корректировка стрельбы артиллерии по противнику.

Евграф Николаевич поднимает "вуазен" в воздух и ведет его к переднему краю неприятельской обороны. Он видит артиллерийские позиции, скопления пехоты, обозы, палатки-ангары.

— Начнем, самая пора, — обернувшись, говорит пилот наблюдателю.

— Да, — соглашается Казаков. — Буду передавать координаты цели по радиотелеграфу.

Включаю.

Где-то внизу командование артдивизиона принимает координаты, быстро вырабатывает данные для стрельбы. Первые снаряды летят в сторону противника, поражают цели. В ответ начинают стрельбу тяжелые немецкие батареи. Снаряды с воем проносятся в небе, обрушиваются в районе расположения русского дивизиона. Но он не может продолжать артиллерийскую дуэль — слишком мало снарядов отпущено на поражение целей.

Экипаж "вуазена" возвращается на свой аэродром.

— Молодцы, — хвалит Крутень и Казакова начальник артиллерии армии, — действовали отменно. Сразу видно: бывалые пушкари. Система передачи координат по радиотелеграфу вполне хороша. Будем внедрять ее.

Трудна, полна опасностей жизнь летчиков. Того и гляди собьют машину немецкие зенитные орудия, откажет в воздухе мотор, вынудив сесть где попало, возможно, за линией фронта, а еще хуже, ранят или убьют пилота вражеские наблюдатели.

В один из обычных летных дней не вернулся из разведывательного полета штабс-капитан Петр Грезо. Вскоре выяснилось, что пилот на подбитом самолете приземлился в тылу врага и попал в плен к немцам. Это была большая потеря для только что созданного авиационного отряда.

Евграф Николаевич поневоле задумывается о превратностях судьбы военного летчика.

Страшно попасть в плен. Это значит до конца войны выбыть из строя, терпеть унижения, проводить томительные дни в немецких вонючих лагерных бараках, гадая о судьбе Родины.

Нет, лучше смерть в бою, чем плен.

Позже в газете "Воля народа" было опубликовано письмо одного из русских воинов, находящихся в плену в Австрии. Вот строчки из этого послания: "Передаю вам, что в Австрии большой голод: люди падают, мрут, как мухи. Передайте всем подданным России, чтобы они не

попадали в плен в Австрию, а то умрут голодной смертью. В Германии еще больший голод..." В "Биржевых ведомостях" инвалид прапорщик С. М. Масленников рассказал об издевательствах над русскими солдатами в немецких лагерях для военнопленных. Их бьют палками, сковывают ноги и руки цепями, привязывают к столбу, морят голодом. Зная об этом, Крутень мучительно думает о Грезе. Удастся ли тому вернуться на родину?

Разведка, разведка

Близился к концу май 1915 года. Офицер генерального штаба Дюсметьер снова появился во 2-м армейском авиационном отряде. Видимо, Льву Павловичу по душе пришелся отряд с его энергичной, неутомимой разведкой в интересах не только 2-й армии, но и всего Западного фронта, где скоро должны были развернуться боевые действия обеих сторон.

Дюсметьер, приехав на аэродром, тотчас разыскал Крутень. Обменялись крепкими рукопожатиями. Представитель генерального штаба явно симпатизировал молодому летчику. Прошлый совместный полет на разведку сблизил их.

— Мне хочется поговорить с вами по душам, поручик, — начал капитан. — Давайте-ка присядем здесь.

Они садятся на ящики из-под аэропланов. Евграф Николаевич молчит, ожидая начала разговора.

— Не обижайтесь, поручик, за вопросы, которые могут показаться вам нескромными. Вы подали рапорт о переводе обратно, в конно-артиллерийский дивизион. Вам отказали. Чем вызван такой поворот в вашем настроении? Я-то считал, что авиация — ваше призвание. Неужели вы с легким сердцем отказались бы от самолетов и вернулись к пушкам?

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, — сдержанно говорит Евграф Николаевич. — Тем более что все уже позади, и я не ушел из авиационного отряда. А вообще-то, в тот раз нашло на меня какое-то затмение.

— Ну ладно, на этом разговор о личном закончим. Я привез вам, Евграф Николаевич, весьма приятную новость. На днях будет подписан приказ о назначении поручика Крутень начальником второго армейского авиационного отряда, правда, пока исполняющим должность. Готовится и высочайший указ о присвоении оному летчику воинского звания "штабс-капитан". Так что начальство ценит вас и ваш боевой энтузиазм. Да и я, откровенно говоря, приложил к сему руку.

— Благодарю, капитан, — наклоняет "олову Крутень. — Такая новость не может не обрадовать. — Тогда хоть улыбнитесь, — смеется Дюсметьер.

— Не выходит у меня по заказу улыбка, — отвечает Евграф Николаевич.

— Ну что ж, не выходит так не выходит. А теперь поговорим о главном. В штабе армии и читал ваши донесения. Они свидетельствуют об оживлении противника. Видно, немцы готовят наступление. Хочу полететь с вами еще раз, чтобы лично посмотреть, что делается у неприятеля. Возьмете меня с собой в полет наблюдателем?

— Как прикажете, капитан.

— Авось, на этот раз собьем хотя бы одного "альбатроса", — оживляется Дюсметьер. — Помните, прошлый раз я едва не уложил немца. А может, подбил? А? Вам приходилось с тех пор встречаться с немецкими летчиками?

— Приходилось. Недавно, во время разведки, северо-восточнее деревни Руды увидел невдалеке "альбатроса" и сразу же атаковал его, стрелял по нему из пулемета. Немец даже не открыл ответного огня, круто спикировал и улетел за Скерневице. Только этот улепетнул — вижу у Сохачева другой катит в глаза. Заметив нас, пилот сразу же повернул назад.

Капитан слушает со вниманием, в его глазах азарт и нетерпение.

— А ваш аппарат попадал под обстрел с земли?

— Попадает почти в каждом полете. Противник старается сбивать наши самолеты, русская воздушная разведка ему — нож в сердце.

— Так-так! Мотор, самолет в порядке? Механик надежный?

— И мотор пока что в порядке, и механик надежный.

— Тогда летим. Каков у нас маршрут? Будьте любезны, покажите на карте.

Евграф Николаевич берет с сиденья самолета сумку, вынимает из неё карту, разворачивает.

— Маршрут таков: Болимов-Воля — Шидловская — Сохачев — Гижице — Илов — Седльце — Санники — Голубин — Вышеград — Гродиск. Таким образом охватываем широкую полосу по фронту и летим в глубину расположения противника верст на сорок.

— На сколько рассчитываете полет?

— Не меньше, чем на три часа. Словом, пока хватит бензина.

— Великолепно, — бодро заключает Дюсиметьер. Однако Крутень замечает, что у наблюдателя из генштаба дрожат пальцы, когда он надевает на голову летный шлем, а потом очки. Его можно понять. Не так часто ему приходится летать. К тому же каждая боевая разведка — вылет в неизвестное, и не всякий такой вылет кончается благополучно. Сейчас капитану важно не показаться трусом... Что ж, он не из робкого десятка...

Проходит несколько часов. "Буазен" возвращается с разведки. Поручик Крутень мягко сажает аэроплан на аэродром. Первым выскакивает из самолета Дюсиметьер.

— Интересно, сколько пробоин получил аппарат? — в нетерпении говорит капитан. — Ну-ка, механик, посмотри.

— Слушаюсь, ваше благородие.

Степанов внимательно осматривает самолет, считает.

— Семь пробоин в крыльях, ваше благородие, — докладывает он.

— Всего-то? — недоумевает представитель генерального штаба. — Мне казалось — будет не менее двадцати. Немцы здорово палили.

— Я старался уйти от огня, меняя курс, высоту, — объясняет Крутень.

— Вот в чем дело! Ну ладно, поручик, подытожим результаты нашего полета. Дайте карту. Вы с Казаковым правильно донесли в тот раз о наличии двух батарей — четырехорудийных и шестиорудийных. Они есть. Севернее железнодорожного моста через Равку — еще одна батарея. Прибавилось два моста. Что нового мы еще узнали?

— На позиции Слубице-Стржемешно, позади окопов противника, маскировка, по-видимому, для того, чтобы ввести в заблуждение нашу артиллерию, — показывает по карте летчик.

— Верно, — продолжает Дюсиметьер. — Подтвердилось также наличие узкоколейки от Илова до Бжешов Стрый и движение множества повозок к фронту. Да, вот тут палатки-ангары, но знаков для спуска я не видел.

— Знаков не было.

— Ну, а остальное разъяснят фотоснимки, сделанные в полете, если фотоаппарат не дал осечки.

— Думаю, в этом отношении все в порядке, Леи Павлович.

— Благодарю за службу, Евграф Николаевич.

Капитан крепко жмет руку Крутеню.

Позднее капитан Дюсиметьер, будучи уже заведующим авиационной группой 2-й армии, напишет в представлении к награде поручика Е. Н. Крутеня:

"Деятельность офицера является несомненно выдающейся. По общей продолжительности боевых полетов в апреле месяце Крутень занимает второе место среди летчиков действующей армии. Исключительно трудные для летчиков условия позиционной войны, когда расставленные противником по всему фронту многочисленные противозащитные батареи выпускают зачастую по аппарату свыше 100 снарядов, преодолеваются поручиком смело и решительно".

И далее:

"Выдающийся летчик как по искусству управления самолетом, так и по смелости своей, поручик Крутень за указанный период сбросил 22 бомбы весом в 25 пудов и 16 зажигательных снарядов. При встрече с немцами в воздухе Крутень атакует их. Несовершенный пулемет один раз отказывает, а в двух остальных случаях огнем наносит поражение противнику, который уходит... Сведения о противнике, добытые разведками поручика, отличаются точностью".

И как вывод из боевой характеристики: "Ходатайствую о награждении чином "штабс-капитан".

Представление Дюсиметьера не осталось без внимания. Через несколько дней, 25 мая 1915 года, приказом по военному ведомству Крутень был назначен исполняющим должность начальника 2-го армейского авиационного отряда. Еще через день, 26 мая 1915 года, поступил Высочайший указ, в коем говорилось:

"За боевые отличия поручика 2-й батареи 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона Евграфа Николаевича Крутеня произвести в штабс-капитаны со старшинством". Былая принадлежность к артиллерийской части все время службы следует за военным летчиком, где бы он ни находился. Таков порядок, определенный свыше.

Сослуживцы наперебой поздравляют Крутеня и с новым назначением, и с очередным званием, а Казаков помогает ему прикрепить новенькие штабс-капитанские погоны.

— Рад за тебя, дорогой Евграф, — с чувством произносит Аркадий. — Ты давно заслужил свое отличие.

Француз Альфонс Пуарэ разыгрывает маленький фарс при встрече с Евграфом Николаевичем.

— О мон шер командир, — восклицает он, театрально поднимая руки. — Я сердечно поздравляю вас. Под вашим — как это по-русски? — начальством ми будьсм крепко лупить бошей. Трэ бьян! Вив!

— Мерси, мерси, мон шер Пуарэ, — в таком же тоне, слегка витиевато отвечает Крутень. — Ваша доблесть, проявленная в предыдущих боях, позволяет мне надеяться, что и в будущем вы будете крепко лупить бошей.

— Уи, уи, мон командир, — несколько растерянно, уже без улыбки, произносит французский летчик.

Совсем недавно произошла комическая сцена, главным действующим лицом которой был Пуарэ. Его "вуазен" слишком скоро возвратился из разведывательного полета. Летчик посадил аэроплан кое-как, а когда мотор остановился, выскочил из кабины с криком:

— Ловить его, быстро ловить. О, мизерабль!

— Кого ловить, господин Пуарэ? — подбежал механик.

— Мишь, понимайт, серый мишь. — Лицо француза выражало испуг и одновременно безгливость. — Он летел со мной туда, к бошам, я не замечайт его, а потом...

Около самолета собрались летчики.

— Расскажите толком, мосье Пуарэ, что случилось?

— Я летайт туда, за линий фронт. Разведка. Вдруг в кабин вижу серый мишь. Я боюсь мишь, боша не боюсь, а мишь боюсь. И он ползет по моей ноге вверх.

Летчики разразились хохотом, начался розыгрыш.

— Придавил бы мышонка, сбросил немцам в котел с супом.

— О фи, мьерзко трогать ее руками. Надо вести аэро, надо разведка. А он ползет, мишь.

— Это авиационный мышонок, решил полетать с тобой, мосье Пуарэ.

— Тут их много, серых полевок, на аэродроме. Что-то грызут в самолетах. Теперь и другие будут проситься полетать с тобой, Франсуа.

— Не смеяться! — прервал шутки Пуарэ. — Помогайт ловить мишь, он в кабин.

Обыск не дал результатов, мышь исчезла. Но с тех пор мелкие грызуны стали появляться то в сумке французского пилота, то в сапоге, то в шлеме. Летчики втихомолку посмеивались.

Странный человек этот Пуарэ. С первых дней войны вступил добровольцем в русскую армию, показал себя хорошим, смелым летчиком. Уже совершил более ста вылетов на разведку, награжден, получил чин прапорщика. Но ставит себя выше товарищей по службе, нередко выражает пренебрежение к ним, требует создания себе особых условий. Офицеры недовольны им. Пуарэ пытается встретиться с великим князем Александром, но тот отказывает ему в аудиенции.

Спустя некоторое время Альфонса Пуарэ перевели в другой отряд. Вместо него пришел поручик Сергей Шебалин. Первое же знакомство с ним убедило штабс-капитана, что это — исполнительный офицер, смелый воздушный боец. Он наблюдатель, но хорошо знает устройство "вуазена" и других аэропланов. Ему очень хочется стать пилотом. Но Евграф Николаевич почти сразу же заметил в Шебалине нехорошую черту — грубость по отношению к нижним чинам. "Голубая дворянская кровь, — с огорчением подумал Крутень. — Чем кичится? Такие простой люд называют "быдлом". А чем летчики из рядовых хуже офицеров из дворян? Они защищают отечество не хуже господ Шебалиных. Все равны перед Богом".

Как-то, обходя стоянки аэропланов, Крутень услышал полный злобы, грубый голос Шебалина, распекающего моториста. Набор ругательств был обширный: "скотина", "дерьмо", "набить тебе хамскую морду". За этими перлами "изящной словесности" последовал ощутимый толчок в спину солдата.

Евграф Николаевич отозвал Шебалина в сторону, строго заметил:

— Как себя ведете, поручик? Почему унижаете человеческое достоинство солдата?

— Так ведь он, подлец, залил сиденье бензином и не собирается вытирать, — оправдывался Шебалин. — Что же мне любезно просить: вытрите, мой дорогой, сиденье? Это же серая скотинка, они ненавидят нас, офицеров.

— Бросьте, поручик, — возразил штабс-капитан. — Механики и мотористы — наши первые помощники, и если относиться к ним по-человечески, как и положено, они платят добром, уважают нас. Надеюсь, мне впредь не придется делать вам подобные замечания.

В дальнейшем отношении Шебалина к рядовым изменилось. Он храбро воевал, овладел самолетом, получил звание военного летчика. Но после февральской революции, когда в частях стали создаваться комитеты, в которые входили и нижние чины, снова проявилось его грубое, высокомерное отношение к солдатам. Эта ненависть к простым людям привела Шебалина после Октября в стан контрреволюции.

В июне обстановка на фронте резко изменилась. Немцы перешли в наступление. Начались ожесточенные бои. Еще нужнее стала воздушная разведка — точная, каждодневная. Исполняющий должность начальника 2-го авиационного отряда штабс-капитан Крутень организует такую разведку. Он посылает на задание то одного, то другого летчика, требует точных донесений, фотоснимков, схем. Поднимается в воздух и сам. Берет с собой то Казакова, то Шебалина, то Шероцкого. Последний хочет летать только с ним. Приходится время от времени уступать его просьбам. В свободное от полетов время Евграф Николаевич преподаст молодому корнету азы летания. Любознательный, одержимый стремлением скорее стать пилотом, Владимир Шероцкий, к удовольствию командира, делает первые успехи. Июнь с его короткими ночами становится порой интенсивной работы. Полеты проходят с рассвета до темна. Штаб армии требует все больше и больше сведений, необходимых для проведения боевых операций.

В одном из разведывательных полетов Крутень и Шероцкий обнаруживают только что наведенные мосты через реку, батареи, окопы. Крутень старается их сфотографировать. В этот момент "вуазен" подвергся обстрелу "альбатроса", подкравшегося из-за облаков.

К счастью, пулеметные очереди немца не попали в цель, а ответный огонь Крутень заставил его ретироваться.

— Видите, корнет, как можно попасть впросак, если не наблюдать за воздухом, — сказал командир Шероцкому уже на аэродроме. — Осмотрительность должна быть первой заповедью летчика. Усвойте это правило раз и навсегда.

— Есть, усвоить это правило, — серьезно ответил наблюдатель.

Полет с Казаковым по маршруту Варшава — Рава — Варшава принес много полезного.

Обнаружено два состава, около шестидесяти вагонов, без паровозов, сильная позиция противника перед Скерневицами, четыре артиллерийских батареи. Экипаж сбросил на позиции немцев шестнадцать зажигательных снарядов. "Часть их отчетливо загорелась в расположении противника", — напишут Крутень и Казаков в донесении.

В следующем полете замечены четыре большие колонны врага, направляющиеся из Черновице на Раву, аэродром с палатками. Около Новогеоргиевска встречен немецкий аэроплан.

Через некоторое время пришел приказ о переводе штабс-капитана Казакова в Киевскую школу летчиков-наблюдателей с назначением на должность заведующего практическими занятиями

[4]

. Начальство оценило его отменные качества воздушного разведчика.

...Пора прощаться. Крутень и Казаков молча сидят друг против друга. Оба думают о превратностях армейской судьбы, часто разъединяющей друзей. Оба знают, что им будет не доставать друг друга, что война крепко связала их, что не забудутся совместные полеты под огнем врага, единоклассники и взаимная привязанность. Но никто из двоих не скажет об этом вслух. Летчики не любят красивых речей и признаний.

Крутень и Казаков встают, протягивают друг другу руки.

— Прощай, Аркадий, — произносит Евграф Николаевич. — Удачной тебе дальнейшей службы. Может, и свидимся когда-нибудь.

— Прощай, Евграф Николаевич, — вторит ему Казаков. — Верю, еще свидимся.

Не выдержав, он крепко стискивает в объятиях командира.

...Позже, когда придет приказ о награждении штабс-капитана Крутеня орденом св. Георгия IV степени, Евграф Николаевич пошлет телеграмму в канцелярию заведующего авиацией и воздухоплаванием на имя генерала Фогеля:

"Прошу доложить его императорскому высочеству — страшно счастлив получить такое поздравление великого князя. Благодаря Бога, удалось оправдать доверие и отработать Георгиевский крест, полученный за разведку. Очень жалею, что не было со мной моего Казакова. Крутень".

Верноподданнический стиль телеграммы — дань устоявшейся традиции. Для нас важно, что штабс-капитан вспомнил в телеграмме своего боевого друга, утверждая тем самым, что и тот достоин высокой награды. Да, он не забыл наблюдателя Аркадия Казакова. Верность войсковому товариществу — одна из черт сложного характера летчика Крутеня.

...Неподалеку от аэродрома в одном из зданий расположена фотолаборатория, где проявляются и монтируются снимки с результатами разведки. Крутень просматривал каждый фотомонтаж, прежде чем отправить в штаб армии.

На аэродром монтажи всегда приносит рядовой Сергей Никитин, фотолаборант. Евграф Николаевич заметил, что Никитин не сразу уходит с аэродрома, с интересом наблюдает за полетами, а иной раз появляется без особой надобности и подолгу стоит у летного поля. "Этот просится в воздух, душа горит", — решает командир отряда. И однажды останавливает Сергея, глядя прямо в глаза, спрашивает:

— Что, солдат, полетать хочется?

Неожиданный вопрос настолько ошеломил Никитина, что тот откровенно признался:

— Угадали, господин штабс-капитан. Сплю и вижу себя во сне летчиком.

— Хорошо, сейчас полетаем. Пойдем к "вуазену".

Евграф Николаевич забирается в самолет и приглашает фотолаборанта:

— Садись в заднюю кабину.

Не веря в свое счастье, солдат быстро окальвается в машине. "Вуазен" поднимается в воздух.

Штабс-капитан Крутень разыгрывает воздушный бой с командиром соседнего авиаотряда, взлетевшим на трофейном "альбатросе". Никитин с восторгом следит за поединком. Он видит напряженную спину Крутеня, угадывает его азарт, страстное стремление к победе. Самолет то пикирует, то делает крутые виражи, то стремится ввысь. Атакует и пилот "альбатроса"...

Штабс-капитан Крутень сажает самолет, вылезает из кабины.

— Не уходи, Никитин, — говорит он своему неожиданному пассажиру. — Сейчас отдам распоряжение и вернусь.

Возвратившись, командир отряда спрашивает:

— Ну как, солдат, понравилось летать? Голова не кружилась? Не боялся? Ведь мы проделывали такие пируэты в воздухе.

— Господин штабс-капитан, очень понравился мне полет, и голова не кружилась...

Евграф Николаевич задумался и вдруг спросил:

— А летчиком хочешь стать?

Тут уж рядовой Никитин совсем растерялся:

— Ваше благородие, даже не мыслю об этом. Разве я могу быть летчиком?

— Можешь, Никитин. Все зависит от тебя.

Через некоторое время Сергея вызвали в штаб авиадивизиона и вручили направление на учебу в Гатчинскую школу военных летчиков, на солдатское отделение. В 1916 году он окончил ее, вернулся на фронт в качестве пилота. За храбрость и мужество в боях был награжден тремя Георгиевскими крестами. А потом Сергей Никитович Никитин стал одним из первых советских военных летчиков, сражался на фронтах гражданской войны, против басмачей в Средней Азии, за что отмечен четырьмя орденами Красного Знамени и орденом Ленина. В конце 80-х годов старому воздушному бойцу было более 90 лет.

Истребительный отряд создан

Всюду — на аэродроме, в полете, у себя дома — он напряженно думает об одном и том же: надо создавать специальные истребительные авиаотряды. Они так необходимы для успешной борьбы с немецкими аэропланами. Нельзя мириться с тем, что германские и австрийские летчики безнаказанно ведут разведку в русском тылу, фотографируют военные объекты, бомбят города.

И почти всегда, черт возьми, им удается ускользнуть от русских авиаторов, летающих на тихоходных самолетах, подчас без пулеметов.

Кажется, сама жизнь подсказывает выход: только создание сильной истребительной авиации может изменить положение. Все русские летчики, безусловно, поддержат эту идею. У каждого накопилось в душе немало горечи от безуспешных попыток сбивать "альбатросы", "фоккеры", "бранденбурги"... Да что говорить, он, штабс-капитан Крутень, сам не раз скрипел зубами от злости и бессилия от того, что не мог настичь кайзеровских разведчиков и свалить их метким ударом, а сам прилетал на поврежденном аппарате.

Ясно представляя, как и что надо сделать, Крутень излагает свои мысли близким по духу летчикам.

— Прекрасная идея, командир, — восторженно отзывается поручик Хорунжий. — Это именно то, что нам нужно позарез. На всех фронтах должны быть истребительные отряды. Тогда станет возможным по-настоящему бить немцев. Только как отнесется к вашей идее высокое начальство? Оно так боится нового...

— Признаюсь, — отвечает Евграф Николаевич, — я побаиваюсь отказа. Но попытка — не пытка. Вначале попрошу у великого князя разрешения создать свой истребительный отряд. Это пока. Если затея оправдает себя, в верхах поймут, что дело стоящее.

— Дерзайте, дерзайте, Евграф Николаевич. Бог даст, удастся сломить сопротивление и в канцелярии августейшего, и в управлении в Петрограде. Великий князь будто благоволит к вам...

— Это выдумка, поручик, — возражает Крутень. — Не числюсь я в его фаворитах. А в общем, чего гадать на кофейной гуще. Сегодня же нашит реляцию. Бог не выдаст, свинья не съест. Ходатайство, помеченное мартовским числом, отослано. Евграф Николаевич Крутень понимает, какую ответственность берет на себя. Предлагаемое им нововведение означает серьезную перестройку авиации. Он по своему опыту знает, что новое чаще всего встречает противодействие у стоящих наверху. И все-таки, быть может, благоразумие возьмет верх? Ведь это в интересах отечества, русской армии, грядущей победы над противником. У французов уже создаются истребительные группы, немцы тоже начинают выпускать на своих заводах истребители. Опоздать — значит проиграть войну в воздухе.

Между тем, продолжается напряженная боевая работа. Крутень вылетает на разведку, старается брать на себя самые трудные задания. Надо разведать Августовский лес, обнаружить там артиллерийские батареи и сфотографировать — он летит, долго кружит над объектом, обстреливаемый зенитной артиллерией врага, и выполняет задание.

Боевой вылет по маршруту Варшава — Вышеград — Ржечица. Штабс-капитан, как всегда, внимателен, сосредоточен, замечает все, что делается на земле. Четыре колонны пехоты противника, идущие из Черновице на Раву. Наблюдатель наносит их на карту. Крутень ведет "вуазен" еще дальше, в глубь территории врага. Аэродром с палатками для самолетов, семь штук. Их тоже засекает экипаж разведчика. И вдруг над Новогеоргиевском летчик видит немецкий аэроплан "фоккер", атакующий наш "фарман". С обоих самолетов ведется огонь, посверкивают пулеметные трассы.

— На выручку нашему, — оборачиваясь к наблюдателю, кричит командир.

"Вуазен" меняет курс и летит к месту воздушной схватки. Увы! Завидев еще один русский самолет, немец резко снижается и на полном газу спешит в свое расположение. И тут самолет Крутенья попадает под зенитно-артиллерийский огонь. Слева и справа рвутся снаряды. Четко выполнив противозенитный маневр, пилот уходит из-под обстрела. И все-таки машина получает несколько отметин от осколков.

"Нет, видно, не удастся сбить немца, восседая на тихоходном, маломаневренном "вуазене" — не тот аэроплан и оружие не то. Нужен истребитель — быстроходный, маневренный, с надежной огневой мощью. Почему иные считают мою идею навязчивой, неосуществимой? Нельзя же довольствоваться тем, что есть! Должны же наверху уметь заглядывать вперед!"

...Напрасны были ожидания и надежды штабс-капитана Крутеня. От великого князя Александра пришел сухой ответ: разрешить создать истребительный отряд в данное время не представляется возможным. В дальнейшем, может быть... Словом, отказ, несмотря на оговорки. — Не горюйте, командир, — постарался утешить поручик Хорунжий. — Когда-нибудь истина дойдет и до них.

— Когда-нибудь?! — взорвался Евграф Николаевич. — Разве они не знают, что делается на фронтах, на каких аппаратах мы летаем, какой крови стоит столкновение с немецкими асами в воздухе?

Он был прав, военный летчик Крутень, тысячу раз прав. Каждый день подтверждал его правоту. В скором времени вылетел на боевое задание летчик 4-го корпусного авиаотряда поручик Белокуров с наблюдателем унтер-офицером Кокориным. Им приказано было разведать глубокий тыл противника. Вооружение — только револьверы. На пути повстречался "альбатрос", направляющийся в нашу сторону. Белокуров и Кокорин знали, что немец вооружен пулеметом, и все же атаковали его. Враг отчаянно отстреливался из пулемета, Белокуров был ранен в лицо, летную куртку заливала кровь. Однако он не ушел от схватки, стремясь максимально сблизиться с "альбатросом", чтобы поранить вражеского летчика из револьвера. Но противник повернул обратно и исчез.

Командующий 2-й армией Западного фронта генерал от инфантерии Смирнов издал специальный приказ, в котором по достоинству оценивал "удаль и решимость" авиаторов, приказал представить их к награде. Правда, в конце генерал заметил: "Вся выдающаяся доблестная работа летчиков... наглядно доказывает, что нашим летчикам не хватает одного — достаточного числа хороших самолетов".

"Вот именно, хороших самолетов, — думает Крутень, читая приказ. — Безусловно, Белокуров и другие проявили доблесть и мужество, но разве одной храбрости достаточно для победы над осторожными немецкими асами? С револьвером наступать против пулемета — неслучайно, которая приводит только к неоправданным потерям. Как этого не поймут там, на армейском Олимпе?.."

К началу первой мировой войны русская армия имела всего около 250 самолетов, в основном французских марок. Это "нюпоры", "фарманы", "вуазены", "мораны" различной модификации. Их скорость не превышала 95 километров в час, а моторы — 80 лошадиных сил. Все эти машины поступали в Россию или из Франции, или их собирали на русских авиационных заводах по заграничным лицензиям.

В ходе военных действий союзники России Франция и Англия взялись за совершенствование боевых аэропланов, добиваясь повышения мощности моторов, скорости и высоты полетов. Появилась серия "нюпоров" со скоростью 150 километров в час, "спадов" со скоростью до 200 километров в час. Значительно были улучшены и английские "сопвичи". Но союзники скупо снабжали русскую авиацию новейшими марками машин, предпочитали присылать на Восточный фронт устаревшие. Производство же своих отечественных самолетов не было налажено — результат преклонения военного ведомства перед всем заграничным.

Зато немецкая авиационная промышленность достигла большого прогресса. Были построены новые заводы, на которых выпускались усовершенствованные типы машин: "альбатросы", "фоккеры", "гильберштадты", "брего" и другие, не уступающие по скорости, маневренности и вооружению французским. Появились одноместные "альбатросы" со скоростью до 175 километров в час, машины, оснащенные двумя пулеметами, многомоторные бомбардировщики. Все свободное от полетов и командирских забот время Крутень проводит за письменным столом. Рисует на бумаге самолеты, записывает свои мысли о будущем авиации.

"Всякая универсальная вещь никуда не годится, — размышляет он. — Если мы хотим создать истребительную авиацию для воздушного боя, — а дело идет к этому, иного пути нет, — то обязательно следует иметь и специальные аэропланы. Давай подумаем, Евграф, какими они

должны быть. Значит, так. Задача летчиков-истребителей непростая. Прежде всего — отыскать противника. Затем подойти к нему незаметно, занять для атаки выгодную позицию, ударить наверняка. Однако надо еще и защитить себя от неожиданностей или хотя бы уметь парировать их.

Теперь можно предъявить соответствующие технические требования к аэроплану. Необходимы: хороший обзор с самолета, добротная вертикальная и горизонтальная скорость, высокий потолок и, наконец, (как бы это точнее назвать?), "юркость" или "верткость" аппарата. Слова, конечно, не из тех, которые подходят к технике, но они полно выражают требование к подвижности самолета. И еще очень важное условие: надежное оружие на борту. Именно надежное! Сколько раз у летчиков отказывали в бою разные "люисы", "кольты", "гочкисы", да и комплект патронов был невелик.

Дальше. Сейчас развивается воздушная война с активным вторжением в глубь неприятеля и активной защитой своего воздуха. Девиз Петра Николаевича Нестерова — истреблять противника везде, где он летает, — означает безусловное активное нападение. Но тут нужна тактическая хитрость. К противнику надо подойти незаметно. Лучше всего свалиться сверху. Причем подходить с одной стороны, а уходить в другую, точнее, с желаемой, более выгодной для тебя стороны, а не с той, с которой он ожидает. Что еще? Чем выше летаешь, тем меньше противников может наскочить сверху, чем больше скорость, тем труднее противнику тебя нагнать и заставить врасплох".

На листе бумаги под рукой Евграфа Николаевича появляется самолет-моноплан, атакующий немецкий "альбатрос". Летчик ведет огонь из пулемета. Трассы упираются в кабину немецкого аппарата, находящегося внизу. На русском моноплане нет наблюдателя, один только пилот. "Наблюдателя надо исключить, — продолжает размышлять Крутень, — а за счет этого увеличить запас патронов для хорошего, надежного пулемета. Причем пули должны быть светящимися, чтобы лучше видеть, как идут трассы к аппарату противника. И еще очень важно, чтобы пилот-истребитель умел согласовывать стрельбу по противнику с движением аппарата. Могут спросить: как быть с наблюдателем, ведь он защищает летчика от нападения с тыла? Ответу: наблюдатель нужен на аппарате-разведчике или корректировщике. А в истребительной авиации его функции может и должен выполнять другой истребитель, прикрывающий хвост ведущего. Стало быть, необходим полет парой. Раздельная пара всегда будет могущественнее двух человек, сидящих на одном аппарате без возможности помогать друг другу взаимным маневром. Один аппарат, вооруженный даже пятью пулеметами, слабее пяти аппаратов с одним пулеметом на борту. Это аксиома".

Позднее в своей теоретической работе "Тип аппарата-истребителя" Е. Н. Крутень напишет:

"Самим положением техники, почти природой, определено одноместным самолетам царствовать в отношении полетных и тактических качеств над многоместными..."

Евграф Николаевич не сидит сложа руки, лелея мечту. Он по-прежнему заявляет начальству о необходимости создавать истребительные авиаотряды, доказывает приезжающим с инспекцией в его подразделение высоким чинам, что дело это не терпит отлагательств и проволочки. В документах штаба при заведующем авиацией и воздухоплаванием в действующей армии появляется бумага: "Поручик Крутень ходатайствует о получении 2-го отряда истребителей".

Документ датирован 18 марта 1916 года.

Наконец сломлена толстенная стена равнодушия и бюрократизма начальства. Оно скрепя сердце все же дает распоряжение о начале формирования истребительных отрядов. Через три дня, то есть 21 марта, военный телеграф выстукивает такую телеграмму:

"Предполагая назначить начальника 2-го армейского авиационного отряда поручика Крутень начальником 2-го отряда истребителей, но не желая отлучивать его от боевой деятельности, прошу командировать офицера-наблюдателя 2-го армейского отряда Смоленского для формирования отряда, приема имущества. По формировании отряда, получении аппаратов поручик Крутень будет назначен начальником этого отряда". Великий князь уже забыл, что Крутень еще с прошлого года имеет звание "штабс-капитан со старшинством", и по-прежнему числит его в поручиках. Но суть не в этом. Дело сдвинулось с места.

24 мая 1916 года из УВВФ приходит ответ, в котором говорится, что начальник 2-го армейского авиационного отряда штабс-капитан Крутень назначен на должность командующего 2-м авиационным отрядом истребителей.

Евграф Николаевич доволен: хотя и с провололочкой, но его просьбу все-таки удовлетворили. Его идея обретает плоть и кровь, и от него теперь зависит, как все пойдет дальше. Новое дело не пугает молодого командира, он полон энергии и энтузиазма. Друзья поздравляют его с успехом, а он отвечает:

— Нам с вами надо доказать, что русские летчики не слабее немецких. Главное теперь: получить хорошие аппараты, научиться вести на них воздушный бой. Думаю, поддержите меня. В середине 1916 года на фронтах приступают к созданию двенадцати отрядов истребителей.

Первые победы

В Смоленск с целью формирования нового авиационного отряда отбывает один из подчиненных Крутеня, дельный офицер-наблюдатель, на которого можно положиться. Евграфу Николаевичу надо бы самому заниматься всем многосложным хозяйством будущего истребительного отряда, чтобы ничего не упустить. Но августейший авиадарм, видимо, считая формирование делом формальным, простым, не пускает. Великий князь, видите ли, не желает "отучивать" его, Крутеня, от боевой деятельности. Что за чепуха! За какой-то месяц он не потерял бы профессиональных навыков, зато испытал бы аэропланы, выделенные отряду, забраковал ненужные, ненадежные. Да и летчиков подобрал бы по боевым качествам, натренированности, знанию техники.

А ведь кроме пилотов нужны различные специалисты — механики, мотористы, шоферы автомобилей. Кое-кого он, конечно, возьмет из прежнего подразделения, например механиков Шевченко и Степанова, которых высоко ценит за их сноровку, прилежание, смекалку. Для перевозки грузов при передислокации нужен обоз лошадей. Здесь тоже ничего не должно быть упущено. В Смоленске выдадут положенное по табелю имущество, имеющееся на инженерном складе. Но интенданты порой стараются всучить оборудование низкого качества, ненужные запасные части. Он обстоятельно проинструктировал на этот счет своего офицера, ответственного за формирование, но, кто знает, справится ли тот с этим непростым делом? И вот — неожиданность. Штабс-капитан получил приказ великого князя Александра ехать в Москву на уже знакомый завод "Дукс" для испытания аппаратов типа истребителей и тренировки на них. Второй раз посылают туда Крутеня. В ноябре — декабре 1915 года он по приказу того же августейшего авиадарма переучивался там на французской новинке "моране-парасоле", а потом и принимал эти аппараты для авиачастей. Штабс-капитана поразило тогда отсутствие на аэроплане элеронов. Их заменила задняя мягкая кромка крыла, которая изгибалась с помощью ручки управления и тем самым позволяла накренять машину. Самолет внушал многим страх. Но Евграф Николаевич раньше других "обуздал" норовистую машину, отлично летал на ней, несмотря на плохую погоду...

Крутеня поспешил в Москву. Было досадно, что оторвали от фронтовых дел. Правда, привлекало в этой командировке то, что придется испытывать истребитель, Вдруг это тот истребитель, о котором он мечтает?

...Поезд мчится к Первопрестольной. Во всем чувствуется война. На запад тянутся эшелоны, в открытых дверях теплушек — солдаты с невеселыми, задумчивыми лицами. На восток идут санитарные поезда. Длинная дорога располагает к раздумьям. Вспомнился родной Киев с его цветущими каштанами, широким Днепром, ярким южным солнцем, уютным отчим домом. Вспомнилась юная киевлянка Наташа. Они познакомились случайно у общих знакомых, когда Евграф приехал домой после окончания Константиновского артиллерийского училища. Долго гуляли по улицам Киева, по берегу Днепра. Разговорам не было конца. Стройная, с длинными темными косами, большими карими глазами и по-детски маленьким ртом, Наташа внимательно слушала его, то искренно смеялась, то становилась серьезной. На прощание он хотел поцеловать девушку, но она отвернулась, и его губы только скользнули по ее губам.

— Не будьте, как все, — сказала она серьезно. — Целуются только тогда, когда любят.

— А я уже полюбил вас, — попытался оправдаться он.

— Ах, как все военные спешат, — возмутилась Наташа.

— Так уж и все? Откуда вы знаете военных?

— Слышала.

Но простились все же мирно. Потом встречались еще и еще, стали близки друг другу. Теперь он переписывается с Наташей. Она окончила курсы сестер милосердия, работает в госпитале. По ее письмам трудно судить, как она относится к нему. Вежливые, сдержанные строки не говорят о сильном чувстве. А он ее любит. Испытания войны обостряют чувство к Наташе, делают ее еще желаннее...

В Москве, многолюдной, хлопочущей, встревоженной как муравейник, Крутень спешит на фаэтоне на завод "Дукс".

— Мы вас ждем, штабс-капитан, — сообщает капитан Линно, ответственный за выпуск новых машин, и оборачивается к сидящим в комнате двум молодым мужчинам. — Познакомьтесь с военными летчиками. Они прибыли с той же целью, что и вы.

— Поручик Иванов.

— Прапорщик Арцеулов.

— Очень рад, господа, познакомиться с вами, — говорит Евграф Николаевич, протягивая руку пилотам. — Будем сообща трудиться, вместе — легче.

Иванов и Арцеулов с симпатией смотрят на невысокого крепыша в фуражке, немного обмятой с боков, о котором уже немало наслышаны. (В авиации тех лет почти все пилоты знали друг друга лично или от других, встречались в авиашколах, на аэродромах.)

Предстояло испытать и освоить самолет итальянского авиаконструктора Франческо Моска, бог весть как заброшенного судьбой в Россию в 1912 году. Покладистый и веселый иностранец в свое время приглянулся хозяину завода "Дукс" Меллеру. Но самое главное, шеф увидел в нем талант конструктора. Франческо Моска принял участие в создании известного самолета "лям", а позднее аэроплана "меллер", а в течение 1915–1916 годов вместе с военным приемщиком завода Быстрицким сконструировал самолеты МБ (Моска-Быстрицкий) и МБ-бис. МБ — двухместный разведчик с двигателем "гном" мощностью 50 лошадиных сил. Для обеспечения обзора внизу крылья на нем установлены над фюзеляжем. Крылья — отдельные, без центроплана, что снижало прочность самолета.

Но сейчас Крутень, Арцеулов и Иванов должны были испытать истребитель "Моска-Б-бис". Собственно, это вариант предыдущей конструкции, но одноместный, значительно меньших размеров. На аэроплане установлен двигатель "рон" или "клерже". Крылья при перевозке складываются, что создаст определенные преимущества. Горизонтальное оперение — из одного руля, без стабилизатора. Бортовое оружие — пулеметы системы "люис" или "кольт" с отсекающими пуль на лопастях винта. Другой вариант — ось ствола направлена вверх винта. Интерес к новым самолетам у Евграфа Николаевича — неутолимый, непроходящий. Когда-то, в артиллерийском училище, а потом в дивизионе, он дотошно изучал орудийные системы. Теперь пытливо вникал в тайны воздушного аппарата. Вникал, пытаясь разгадать его возможности, характер и одновременно прикидывая, на что он способен в воздушном бою. Но Крутень был не только практик, он живо интересовался теорией, аэродинамикой, изучил работы Н. Е. Жуковского "К теории летания" и "О парении птиц". Поразило, что в последней ученый теоретически обосновал возможность выполнения планером "мертвой петли". Лишь двадцать два года спустя Петр Николаевич Нестеров эту мысль воплотил в реальную фигуру. Соратники Крутень, осваивавшие вместе с ним на заводе "Дукс" новые машины, отметили эту одержимость Евграфа Николаевича. Им казалось — у него в жизни нет иных интересов, кроме авиационных. Часто он подолгу сидел в кабине, не взлетая, о чем-то раздумывая, "проигрывая" предстоящий полет. "Крутень молится", — острит кто-нибудь из авиаторов.

И все-таки интересы летчика не замыкались только на авиации.

Узнав, что Арцеулов — внук известного художника-мариниста Айвазовского, Евграф Николаевич спрашивает летчика о том, как писал свои полотна великий певец моря, как рождались сюжеты.

— Я люблю живопись, — признался Крутень, — никогда не пропускаю возможности посмотреть картины в музеях или в частных коллекциях. В Петрограде не раз бывал в Русском музее, а в Москве — в Третьяковке. У иных полотен подолгу стою, раздумываю, даже волнуюсь...

— А сами вы, Евграф Николаевич, не пытались рисовать? — поинтересовался Арцеулов.

— Признаться, пытался и пытаюсь. Но все это карандашные наброски. Впрочем, наверное, у меня нет таланта, хотя моя маман утверждала обратное. Она хотела, чтобы я выучился на художника. Отец же приказал: в армейский строй!

— Многие люди не знают, какой путь выбрать в жизни, — продолжал разговор Арцеулов. — А когда по-настоящему определяют свое призвание, то бывает уже поздно. Но зато у вас, штабс-капитан, большой авиационный талант. Не я один в этом убежден. А сам я долго кренился между живописью и авиацией...

Детально познакомившись с конструкцией самолета "Моска-Б-бис", Евграф Николаевич решил первым испытать его в воздухе. Арцеулов и Иванов восприняли это как должное.

Штабс-капитан вдумчиво, смело и вместе с тем расчетливо испытывает в воздухе "Моска-Б-бис". Сперва ознакомительный полет в воздухе, затем выполнение фигур сложного пилотажа, испытание машины во всех режимах полета.

Вслед за ним успешно начали осваивать новый самолет прапорщик Арцеулов и поручик Иванов. Крутень отмечает про себя недюжинное мастерство Константина Арцеулова, худощавого, сероглазого человека. В нем чувствуется отменный воздушный боец, твердый характер, целеустремленность. Вскоре станет известно, что Арцеулов первым покорил "штопор", которого, как огня, боялись летчики. Константин Константинович сумел вывести штопорящий аппарат в горизонтальное положение. Это вызвало бурю восторга среди авиаторов. Впоследствии искусство вывода аэроплана из штопора стало достоянием многих русских пилотов.

— Как вы оцениваете качества "моска"? — спросил Арцеулов у Евграфа Николаевича на аэродроме, после того как Крутень посадил аэроплан.

— Самолет только приближается к идеалу истребителя, каким я его представляю, — сдержанно ответил штабс-капитан. — Не мешало бы поставить мотор посильнее, сил этак на сто. Но воевать на нем можно. В конструкцию следует внести некоторые изменения. Смущают меня пулеметы "люис". В моем отряде они ставились на "вуазене" и часто отказывали в самые критические моменты.

— Я тоже давно мечтаю об одноместном аэроплане — маневренном, скоростном, который можно было бы успешно применять в бою с немцами. Вон у германцев сейчас появились неплохие истребители, с которыми нашим "фарманам" и "моранам" не справиться. А своих, русских, самолетов нет как нет.

— Согласен с вами. "Моска" не решит всей проблемы, не заштопает наши дыры в оснащении отрядов самолетами. Меллер, говорят, выпустит всего-то пятьдесят машин — капля в море. Правда, он мастерит еще и "фарманы". Нам нужны сотни хороших аэропланов и для разведки, и для борьбы с авиацией противника.

— Вы здесь ознакомились и с "Ньюпором XI". Какое у вас от него впечатление?

— "Ньюпор", пожалуй, не уступит "моске", — ответил Евграф Николаевич. — И скорость подходящая — сто пятьдесят километров.

Немного помолчав, штабс-капитан Крутень с чувством сказал:

— Самолетов, побольше самолетов! На фронте всегда их не хватает. Важно еще, чтобы все аэропланы были однотипными, а то у нас летают на разных. Как тут добиться слаженности? Между Крутением и Арцеуловым устанавливаются дружеские отношения. Много позже Константин Константинович, ставший в советские годы известным летчиком-испытателем, напишет о Евграфе Николаевиче:

"Небольшого роста, коренастый, плотно скроенный, с приветливым открытым лицом, всегда одинаково спокойный и сдержанный в жестах, он производил приятное впечатление. В каждый свой полет на испытаниях самолета он вносил что-то новое..." Далее Арцеулов отмечает спартанский образ жизни Крутенья, который чурался спиртного и разгулов, присущих многим фронтовикам в тылу. "Все свое свободное время он проводил на аэродроме, наблюдал полеты других. Мы часто любовались его полетами на биплане, принятом в то время на вооружение". Выполнив задание, летчики распрощались друг с другом и возвратились в свои части.

Итак, 2-й авиационный истребительный отряд действует. Его начальник штабс-капитан Крутень обучает летчиков искусству воздушного боя, тактике коллективных действий истребителей, меткой стрельбе из пулемета и личного оружия.

В отряд поступают аэропланы "Ньюпор XI". Французы называют их "бэбэ". Это одноместный биплан, по площади значительно меньше аппаратов того же типа. Центроплана на нем нет, верхние крылья стыкуются по оси самолета. К фюзеляжу крылья крепятся четырьмя стойками, причем две передние жестко закреплены на лонжеронах фюзеляжа. Между ними — тросовые расчалки. Двигатель типа "рон" имеет мощность 80 лошадиных сил. Есть "Ньюпоры XI" французского производства и построенные по лицензии на заводе "Дукс". Последние несколько тяжелее иностранных. Но для удобства летчиков на московском заводе сделан подголовник. Вооружен аэроплан одним легким пулеметом, который установлен довольно высоко над фюзеляжем параллельно оси двигателя. Стрельба ведется вне диска винта. Пулемет может откидываться вертикально, что дает возможность вести огонь снизу вверх.

Евграф Николаевич, собрав летчиков, говорит:

— Теперь мы вооружены одноместными самолетами-истребителями. Скорость у них подходящая, маневренность тоже. Мы можем и должны перекрыть пути в наш тыл "альбатросам" и "фоккерам", сбивать их не только над нашей территорией, но и над вражеской. Прежде всего надо иметь преимущество над противником в высоте. Чем выше летаешь, тем меньше вражеских машин может насочить сверху. Снизу же труднее подойти незаметно. Еще одно условие — скорость. Каждый летчик понимает, что при большой скорости его труднее нагнать и застать врасплох. Таким образом высота и скорость — неперемненные условия успеха истребителя.

Крутень задумывается, обхватив ладонью подбородок, и продолжает:

— Но не только они. Летчик обязан быть зорким, как орел, и очень бдительным, чтобы первым увидеть врага. Это дает преимущество и инициативу в атаке. Раньше мы на "вузенах" и "моранах" действовали слишком прямолинейно. Увидел противника — и ринулся за ним без всякой подготовки, хитрости. Нет, не так должен сражаться истребитель. Сближаться с противником надо незаметно, преимущественно атаковать сзади, желательно со стороны солнца. Самая эффектная атака — сверху, имея превосходство в пятьдесят — тысячу метров. Это дает быстроту налета, внезапность и огромное моральное преимущество.

Евграф Николаевич понимает, что командир должен не только увлекать словом, но и показывать боевой пример подчиненным.

...1 августа 1916 года. День уже на исходе, солнце клонится к горизонту. Тени от самолетов ложатся на взлетную дорожку. Летчики отряда покидают аэродром. Вдруг один из них громко воскликнул:

— Друзья, никак немец в гости пожаловал. Смотрите!

— Да, делает круги над Несвижем, — подтверждает другой. — Где командир?

Но командир уже сам заметил движущуюся точку в небе и бросился к своему "ньюпору".

— Шевченко, самолет в порядке?

— Так точно, ваше благородие, — ответил механик. — Аппарат подготовлен.

Евграф Николаевич быстро садится в кабину. Он в гимнастерке, летную куртку надеть уже некогда. Опускает на глаза очки. Механик раскручивает винт самолета. Заработал мотор. "Ньюпор" взлетает против ветра, быстро набирает высоту.

"Только бы не упустить, — напряженно думает Крутень. — Немец может быстро улепетнуть восвояси". Всматривается в движущуюся высоко точку: "альбатрос" или "гаубе"? Расстояние между самолетами сокращается и становится ясно, что в гост пожаловал "альбатрос". Двигатель у него надежный, мощность 100 лошадиных сил. Скорость около 100 километров в час.

Вооружен спаренным пулеметом, может хорошо защищаться, легко маневрировать. У крутеньевского "бэбэ" преимущество лишь в скорости — 150 километров в час.

Прежде всего надо набрать высоту. Евграф Николаевич прикинул, что "ньюпор" тысячу метров набирает за четыре минуты, а две тысячи — за десять мину г. За эти считанные минуты противник может перелететь линию фронта, оказаться над своей территорией. Там будет труднее расправиться с ним, за него вступятся немецкие зенитные пушки и пулеметы.

Если бы незаметно подкрасться к "альбатросу", скажем, прикрываясь облачностью! Но небо, как назло, чистое, голубое. Значит, нужен быстрый маневр, стремительные и точные атаки из различных положений. Именно такая тактика принесла ему победу 30 июля, когда он сбил противника в районе села Святичи. Но один бой не похож на другой. У каждого своя специфика, обстоятельства. Неприятель может быть хорошо подготовленным, смелым летчиком, а может и трусливым, плохо владеющим искусством воздушного боя.

"Альбатрос" все еще кружит в районе Несвижа, видимо, ведет разведку, не замечая "ньюпор". Штабс-капитан Крутень делает широкий разворот, одновременно набирая высоту, и продолжает быстро сближаться с противником. Наконец-то немец увидел "ньюпор", однако время упущено. Уйти за линию фронта он уже не успеет. Поневоле придется защищаться. Крутень энергично отрезает ему путь к своим на запад. Быстрый, решительный маневр должен обеспечить победу, это хорошо понимает штабс-капитан. Минуты, секунды — как они дороги в бою! "Ньюпор" оказывается выше "альбатроса". Крутень посылает в него первые очереди. Немец не остается в долгу и тоже стреляет. В шум моторов в небе вплетается настойчивая скороговорка пулеметов. Немец неожиданно ныряет под аэроплан русского, все-таки надеясь уйти к своим позициям. "Смотри-ка, соображает германец", — отдает ему должное Крутень. Но он готов к такому обороту событий, пикирует и обстреливает противника. Кончились патроны. Как же мало их в обойме "люиса", только сорок восемь! Пули не нанесли "альбатросу" серьезного урона. Надо срочно перезарядить пулемет и снова атаковать. "Скорей, скорей, — мысленно подгоняет себя летчик. — Упустишь минуту — и германец уйдет". Хвост "альбатроса" уже промелькнул мимо. Евграф Николаевич разворачивает "ньюпор" на 180 градусов, быстро меняет обойму и продолжает преследовать врага. Дорога на запад тому снова отрезана. "Альбатрос" огрызается пулеметными очередями, хочет вырваться. Но Крутень не оставляет ему никакой возможности на спасение. Он меняет направление атак, заходит то слева, то справа, экономно расходуя патроны. Надо прижать неприятеля к земле, вынудить его приземлиться в районе Несвижа.

Еще одна атака сверху. Евграф Николаевич старается поразить вражеский самолет меткой очередью, это ему удается. Мотор "альбатроса" перестает работать. А сверху прижимает к земле "ньюпор". Положение безвыходное. Немецкий летчик планирует, сажает свой самолет на поле недалеко от Несвижа. Вслед за ним тут же опускается "ньюпор" Крутень. Евграф Николаевич успевает пресечь попытку наблюдателя поджечь свой аппарат.

На траве сидит, скорчившись, немецкий летчик. Он стонет, испуганно смотрит на русского, показывает на кровоточащее плечо.

— Ранен? — спрашивает по-немецки штабс-капитан. — Сейчас сделаем вам перевязку, отправим в госпиталь. К раненому, сдавшемуся в плен, мы относимся гуманно.

— Госпиталь? Гут! Данке! — лепечет обрадованный немец.

К месту приземления аэропланов сбегается большая толпа жителей Несвижа, наблюдавших за воздушным поединком. Люди окружают русского летчика, аплодируют, улыбаются. Слышатся возгласы: "С победой, господин штабс-капитан!", "Великолепно, смело сражались!", "Слава нашему герою!"

Евграф Николаевич рад победе. В воздушный бой вложены его душевные и физические силы. Теперь можно перевести дыхание...

Крутень летит на аэродром и в мельчайших деталях вспоминает только что случившееся, стараясь осмыслить его. Вторая победа — теперь уже уверенная, доставшаяся благодаря тактическому превосходству над противником, настойчивости, смелости, наконец, черт возьми! Да, он рисковал (а как же иначе?), мог попасть под огонь пулемета германского летчика, мог быть сбитым. Но победа досталась ему, а побежденного врага он заставил приземлиться.

Как же страстно стремился он к такому исходу воздушного боя, когда летел на тихомодном, маломаневренном "вуазене". Сколько злился, негодовал из-за того, что противник ускользнул, не принимая вызова. Надо было найти ключ к успеху, и он нашел его. А ключ — это самолет-истребитель, умение пользоваться им в схватке с врагом, правильная тактика. Если о первой победе кое-кто мог говорить как о случайности, везении, то ныне уже такого разговора быть не может. Виктория заслуженная, неоспоримая.

Нет, он не намерен хвастаться своим успехом перед соратниками. Просто расскажет им, как проходила схватка, какие тактические приемы применил. Пусть летчики его отряда сбивают неприятельские аппараты, учатся побеждать. Прошла пора поголовных неудач в воздушной войне с германцами. Истребители должны истреблять!

И еще думает Евграф Николаевич о том, как же упорно, до изнеможения, надо летчику тренироваться, чтобы стать хорошим истребителем. Сам он множество раз отработывал фигуры высшего пилотажа — "мертвую петлю", штопор, крутые виражи, перевороты через крыло.

Порой темнело в глазах от перегрузок, но он продолжал "кувыркаться" в воздухе, и со временем

неприятные ощущения исчезли. Как бы передать эту жажду летного совершенствования подчиненным?

Главнокомандующий армиями Западного фронта Эверт в приказе № 91 от 2 августа поздравил штабс-капитана Крутеня с победой, объявил ему благодарность. Приказ подобного содержания издал и командующий 2-й армией генерал от инфантерии Смирнов, распорядившийся представить отважного летчика к награде.

Евграф Николаевич делает запись об этой воздушной схватке в Ведомости боевых вылетов. Как всегда немногословно, скупое, обнажая лишь главное, говорящее о специфике сражения истребителя с противником. Зато своим летчикам о воздушном бое командир отряда рассказывает подробно, останавливаясь на каждой детали.

И еще одна телеграмма приходит в отряд: мать штабс-капитана Крутеня беспокоится о здоровье сына после боя. Очевидно, в газетах появилось сообщение о поединке с "альбатросом", быть может, репортеры исказили суть дела, и мама, беспокойная Каролина Карловна, встревожена, шлет запрос в высшие военные сферы. Она никак не может понять, что сын ее уже давно не мальчик, а вполне зрелый муж, воин, а воюющий всегда рискует.

В адрес Каролины Карловны в Петроград уходит официальная телеграмма: ваш сын здоров, честно и самоотверженно выполняет свой долг. Письмо матери посылает и Евграф Николаевич.

На фронте случается разное, не всегда успех сопутствует человеку. Горечь неудачи испытывает и штабс-капитан Крутень.

21 августа 1916 года он вылетает на перехват немецкого самолета, производящего разведку над территорией, занятой нашими войсками. Евграф Николаевич уверен в успехе. Набрав нужную высоту, атакует немца сверху. Но противник предупреждает его маневр, уходит от огня "нюпором" переворотом. Одновременно посылает пулеметные очереди в сторону "нюпора", как бы преграждая ему путь. Крутень чувствует, что немца не так-то просто будет осилить, враг обучен высшему пилотажу, метко стреляет.

И тут штабс-капитану изменяет обычное самообладание и расчетливость. Он атакует, пренебрегая маневром. Патроны иссякают в его пулемете. Неужели ни один из сорока восьми патронов не поразил врага? Не верится — просто пули не пришлись по жизненно важным точкам машины, не заделали и пилота. Следовало бы перезарядить "люис", но для этого надо уйти в сторону, а значит, упустить противника. Кроме того, самолет получил серьезное повреждение, "спотыкается", пилотировать его трудно.

"Что делать?" — задает себе вопрос раздосадованный летчик. Продолжать поединок невозможно. Приходится поворачивать назад, как это ни обидно. Между тем "альбатрос" со снижением спешит уйти к своим позициям. По всей вероятности, и у него тоже кое-что повреждено в ходе боя. Но как докажешь, что он подбит?

С тяжелым сердцем штабс-капитан сажает израненный самолет. При осмотре механик обнаруживает повреждение лонжерона крыла, пулевые пробоины в шине, другие изъяны. Евграф Николаевич не пытается оправдываться, свалить вину на какие-то обстоятельства. Виноват только он. Машина была прекрасно подготовлена, не имела ни одного дефекта. А вот он, военный летчик, командир отряда, сплеховал, не учел возможности противника в обороне и атаке. Не все еще приемы воздушного боя разучены и осознаны. Есть в них большой изъян. Надо научиться побеждать врага без необдуманного риска, настоящим искусством воздушного боя, с учетом особенностей обстановки, возможностей и сил противника.

Обо всем этом Евграф Николаевич ведет откровенный разговор со своими летчиками. Пусть поймут смысл просчета своего командира и не повторяют подобных промахов.

В этот же день в Киев, в канцелярию заведующего авиацией и воздухоплаванием, отправляется из штаба армии телеграмма о неудаче в воздушном бою. В конце ее такие слова: "Ходатайствую нарядить Крутеню один "бэбэ" с пулеметом "люис".

Несколькими днями позже Евграф Николаевич, испросив разрешение у великого князя, едет в Киев для "доклада об аппаратах".

Едва поезд остановился у перрона, как Евграф Николаевич спрыгнул со ступеньки вагона и быстро пошёл к выходу из вокзала.

Здравствуй, родной Киев! Ты все такой же размашистый, прекрасный, с широкими бульварами, высокими домами, величественными памятниками. Город, в котором с детства знакома каждая улица и площадь. Время мало изменило твой облик. А вот люди за три военных года изменились. Не слышно веселого беззаботного смеха девушек, оживленного южного говора. Лица встречаемых людей замкнуты, сосредоточены. Тут и там попадаются одноногие солдаты на костылях, безрукие... За хлебом большие очереди. Слышатся едкие разговоры о войне, о трудном положении в стране.

— Ось вона где та война, у печени засела, — говорит усатый пожилой человек в старом, обтрепанном пальто, тыкая себя в бок. — И колы буде кінець?

— Сначала кричали: шапками закидаем Германию, — вступает в разговор мужчина в пенсне. — А ключья-то полетели от нашего воинства. Жмет Вильгельм. Император же только глазами хлопает. За него дела вершит императрица да граф Фредерикс. А что, неправда?

— Ну ты не больно... того, — одергивает его человек в кепке с колючим взглядом. — А то можно в полицию свести, мабуть ты есть немецкий шпигун.

— Не мели чепуху, — вступает за мужчину в пенсне женщина с корзинкой. — Это акцизный чиновник, я его знаю, хороший человек. Война у всех нутро вывернула наизнанку. Тут заскулишь.

— Война до победного конца! — нарочито бодро, не без иронии восклицает кто-то неразличимый в очереди. — За веру, царя и отечество!

"Так вот чем живет тыл, — думает Евграф Николаевич. — Война стала ненавистна народу, ее тяжкие испытания сломали многих. А что ожидает людей впереди?" И впервые Крутень задает себе вопрос: во имя чего он воюет, рискует жизнью? Окаменевшая формула "За веру, царя и отечество" не устраивает его. Давно уже обязательные богослужения, пышные обряды в честь тезоименитства царского рода кажутся фарсом. Как и многие офицеры, он осведомлен о дворцовых интригах, о безволии Николая II, о влиянии на царицу, на государственные дела безграмотного Гришки Распутина. Нет, рисковать жизнью за царя — жалкий удел. Он, офицер русской армии, защищает от иноземцев только свое отечество. За свою Родину он готов и голову сложить. Он верит: в скором времени она пойдет по пути прогресса и станет поистине могучей. Могучим станет и ее воздушный флот. Если не верить в это, то и жить не стоит. Так думает штабс-капитан Крутень.

А пока что радостное чувство встречи с родным городом захватывает Евграфа Николаевича. Как дороги эти часы, проведенные вдали от войны. Они наполняют душу покоем, надеждой. Хочется сделать многое — узнать о прежних товарищах, пройтись по Крещатику, посидеть на Владимирской горке, полюбоваться Днепром, повидаться с Наташей. Как-то встретит она его, поймет ли, что не в его силах было перевестись по службе в Киев, бросить авиацию, к которой прикипело сердце? Женщины — капризны, своенравны. Быть может, и Ната такая же? Работая сестрой милосердия в военном госпитале, она вполне может увлечься каким-нибудь выздоравливающим офицером и тогда... Нет, лучше об этом не думать. Надо надеяться, что их отношения остались прежними.

У штабс-капитана Крутень срочная командировка. Что можно успеть за короткий срок? И летчик спешит прежде всего в особняк, где расположено управление заведующего авиацией и воздухоплаванием в действующей армии. Ему необходимо попасть на прием к великому князю Александру Михайловичу.

Евграф Николаевич Крутень предъявляет документы и телеграмму о разрешении на проезд в Киев дежурному по штабу офицеру.

— Подождите, сейчас узнаю, — бросает тот надменный взгляд на одетого в полевую форму штабс-капитана, но заметив Георгиевский крест на его гимнастерке, снисходительно улыбается. Через несколько минут он выходит.

— Великий князь сможет принять вас только завтра в десять ноль-ноль. Не опаздывайте.

Евграф Николаевич очень доволен таким оборотом дела. Значит, у него есть немало свободного времени. Прежде всего, надо навестить отца. Он сейчас в Святошинском госпитале, на окраине Киева, представлен к увольнению от военной службы по болезни и выслуге. Тридцать семь лет

в строю — немалый срок. Был командиром роты, батальона, адъютантом, столоначальником. Последняя должность — штабс-офицер для поручений VI класса управления интенданта армий Юго-Западного фронта.

Что за недуг гложет отца — полковника Николая Евграфовича Крутеня? Не так уж и стар — пятьдесят девять лет, мог бы еще послужить. Но приковала к постели болезнь.

С волнением вошел штабс-капитан в госпитальную палату. Навстречу ему поднялся с койки отец в больничном халате. Его трудно узнать — сильно поседевший, сгорбленный, с запавшими страдальческими глазами. Протянул дрожащие руки, обнял.

— Сын, сынок! Вот привел-таки Бог свидеться. А я уж не ждал, не чаял. Узнаешь ли отца? Сдал я, Графчик, сильно сдал. Давай присядем, ноги не держат.

Они садятся, пристально смотрят друг на друга. Из глаз отца катятся крупные слезы, сползают по небритым щекам.

— Как то ты, сынок? Жив-здоров, слава богу. Летчиком стал. Читал я о твоих подвигах в небе, горжусь тобой, мой дорогой. Опасную службу выбрал ты себе, да что теперь толковать об этом.

— Отец, что с тобой?

— Что со мной? Эх, брат, скрутила меня болезнь. Сердце давит нестерпимо, голова трещит, иной раз теряю сознание на несколько минут. Давеча пошел прогуляться и упал на ровном месте навзничь. Память отшибло, тоска берет, страх какой-то. Жизнь не мила...

— А что врачи? Лечат?

— Какое тут лечение? Дают разные порошки, а я их выбрасываю, ни к чему они.

— Что же дальше? — интересуется Евграф.

— Представляют меня к увольнению со службы по болезни с производством в чин генерал-майора, с награждением мундиром и пенсией из казны. В какую сумму выльется пенсия — не знаю, казначейство подсчитает.

— Это хорошо, отец, — обнял его за плечи сын. — Отдохнешь, здоровье поправишь.

Генеральский чин — неплохой подарок. Заслужил. Не унывай, не падай духом. Как твоя семья?

— Здесь она, в Киеве. Навести их сынок, не чурайся. И прости меня за то, что так получилось, хоть и не я виноват в этом. У меня же дети малые от Веры Владимировны — сыну Владимиру — двенадцать, дочурке Тане — одиннадцать. Навести их, ради Бога, я напишу адрес. Сестренка твоя Ксенюшка тоже в Киеве, замужем, ей-то уже двадцать шесть. Такие-то дела, мой дорогой... А ты все воюешь, Графчик?

— Воюю, отец. Вот приехал в командировку, к высокому начальству надо завтра явиться.

Евграф Николаевич крепко обнимает и целует на прощание отца, а тот плачет и шепчет: "Береги себя, сынок!" Тягостное расставание. Штабс-капитан еще сильнее чувствует свое одиночество. Нет у него семьи! Кому он нужен, удалой летчик?

...Крутень поднимается на Владимирскую горку, с упоением смотрит в бескрайний простор, пронизанный ярким августовским солнцем. Блестят, переливаются расплавленным серебром воды Днепра. В мирное время на противоположном берегу шумел пляж, гремела музыка, по реке сновали взад-вперед лодки, пароходики. Сейчас на светлом песке, согретом солнцем, людей очень мало. Как хочется самому освежиться, броситься в прохладную воду и уплыть далеко-далеко. Некогда! Евграф смотрит на большой темный монумент Владимира Святославича, крестителя Руси, изваянного в полный рост с крестом в руках, и вспоминает недавнее прошлое. Сюда он приходил с товарищами любоваться Днепром, заречными далями и мечтал. Следил за чайками, что в плавном полете расчерчивали голубое небо, стремительно бросались к волнам, выискивая добычу. Думал ли он когда-нибудь, что сам поднимется в высоту на крыльях, будет летать быстрее чайки, проделывать в воздухе "мертвые петли", крутые виражи, иммельманы. Если бы можно было пролететь над городом на своем "нюнпоре", пройти над самой крышей дома, где живет она. Мальчишеские фантазии.

Перед Евграфом Николаевичем проплывают картины детства. Десятилетним мальчишкой, в 1901 году, переступил он порог Киевского кадетского корпуса. Такова была воля отца. "Пусть наш род будет военным, ты должен это понять!" — говорил сыну Крутень-старший. Евграф (названный так в честь деда, тоже военного) не противился. Как и многих его влекли оружие, блестящие мундиры, возможные баталии. Правда, порой невыносимым казался строгий режим корпуса, издевательства старших кадетов. Втайне глотал он ребяческие слезы.

В редкие часы увольнения мать Каролина Карловна старалась обласкать сына, неизменно спрашивала:

— Как ты там живешь в корпусе, Графчик? Не тяжело тебе?

— Привык, мама, — отвечал он.

— Ну и хорошо. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы ты был всегда рядом, рос на моих глазах. Но отец...

— Так надо, Каролина, — перебивал ее Николай Евграфович. — Ему суждена военная стезя, будет, как и я, офицером. Другого пути нет. И не сюсюкай ты, пожалуйста, с сыном. Он должен воспитываться в суровости, в спартанском духе.

Каролина Карловна умолкала. Она тоже происходила из военной семьи, но все же мечтала о другой карьере для сына — ведь Евграф рос одаренным мальчиком, хорошо рисовал, был пытлив, любознателен.

Часы, проведенные дома, были для Евграфа настоящим праздником. По ночам, лежа на жесткой койке кадетского корпуса, он вспоминал теплые руки матери, ее любящие глаза, в которых виделись и радость, и боль, и надежда...

И вдруг все это оборвалось. Придя домой в очередное увольнение, он не увидел матери.

Квартира казалась опустевшей, неудобной, не было в ней прежнего тепла. Отец сидел за столом, стиснув голову ладонями.

— А где мама? — спросил Евграф, уже чувствуя что-то недоброе.

— Оставила нас мама, сынок, — горестно сказал отец. — Теперь мы с тобой и Ксенюшкой осиротели.

— Как это оставила?

— Ушла, уехала от нас с другим. Сейчас ты это не поймешь. Уразумеешь потом, когда повзрослеешь.

Но тогда сын расценил поступок матери как коварную измену.

Воспоминания, воспоминания... Сколько с тех пор прошло лет. Нынче ему уже двадцать пять. Удастся ли выжить среди бурного лихолетья? Он себя не щадит и щадить не будет. Кроме того, как командир, должен подавать подчиненным пример мужества и стойкости, боевого умения. Из состояния задумчивости, погруженности в себя Евграфа Николаевича вывел чей-то громкий голос:

— Осколочными по противнику, прицел тридцать, огонь!

Рядом на скамейку опустился офицер с рукой на черной перевязи и смеющимися глазами. Что-то знакомое в его бледном лице.

— Не узнаешь? А еще однокашник, птенец из Константиновского артиллерийского гнезда!

В голосе поручика настоящая обида. Евграф смотрит на него и вдруг оживляется:

— Радаев! Андрей! Ты ли это?

— Я, это я, мой друг, так же как ты — Граф Крутень. Здравствуй, штабс-капитан!

Он обнимает Крутенья здоровой рукой.

— Рад, очень рад нашей встрече, — взволнованно говорит летчик. — Но тебя не узнать. Такие лихие усы...

— На фронте не только усы, впору бороду отпустить. А ты переметнулся в авиацию, изменил племени российских пушкарей?

— Так уж вышло, Андрей. На каком фронте воевал? Где ранение получил?

— На Западном. Там тюкнул в мое плечо осколок немецкой бомбы. Кость перешиб. Списывают меня с военной службы. А жаль. Столько лет отдано армии...

— Ты говоришь: немецкая бомба тюкнула? Значит, с самолета сбросили бомбы на артиллерийские позиции?

— Именно так. Появились в небе сразу три "альбатроса" и пошвыряли на нашу батарею железные гостинцы. Два орудийных расчета скосило.

Беспокойство охватывает штабс-капитана, он хочет в деталях узнать обстановку того налета.

— А наши аэропланы не появлялись?

— Прилетел один с опозданием, когда дело было сделано. Погнался за теми "альбатросами", да, видно, пулемет у него заело. Повернул восвояси, и ему досталось.

— Да, все так! — горячо восклицает Крутень. — Так, как не должно быть! На фронте, я тоже с Западного, засилие германской авиации. А у нас не хватает аэропланов. Те, что имеются, уступают немецким. Летчики в большинстве надежные, а противостоять германцам и австриякам не могут все по той же причине.

— Расскажи, Евграф, о себе. Знаю, что асом стал, в газетах пишут, уже штабс-капитан.

— Нечем хвастаться пока что, Андрей. Мало еще сделано...
Долго длился их разговор о фронтовых делах...
— Давай-ка, Евграф, отметим нашу встречу по-офицерски, — предложил в заключение Радаев. — Я тут встал на постой к одной молоденькой киевляночке. Ничего дива, а у нее есть подружка такого же плана. Словом, кутнем, забудем все трагедии войны. Согласен?
— Нет, Андрей, не могу, — твердо ответил Крутень, — не могу и не хочу. Мне вечером надо встретиться с одной девушкой. Я однолюб, славный мой поручик Радаев.
— Ну а завтра заглянешь ко мне?
— Завтра утром встреча с великим князем Александром, что заведует душами летчиков.
— С самим великим?
— Точно так. Буду просить у него новые аэропланы, чтобы на них достойно защищать наземные войска. Понимаешь?
— Понимать-то понимаю, но огорчен, что так скоро приходится расставаться с однокашником.
— Ничего не поделаешь.

Ровно в 10 утра Крутень был в приемной заведующего авиацией и воздухоплаванием в действующей армии.

Адъютант придирчиво осмотрел офицера.

— Вы точны, штабс-капитан. Входите.

Просторный кабинет щедро освещен солнцем. В массивном кресле, увенчанном эмблемой "Н I", сидит великий князь Александр Михайлович. У него борода и усы а-ля Николай II. Холеное лицо, на котором мерцают серые глаза с покрасневшими белками. Сильно облысевшая небольшая голова. Великий князь по званию генерал-адъютант его императорского величества. Ваше императорское высочество, штабс-капитан Крутень прибыл по вашему распоряжению. Александр с минуту изучающе смотрит на штабс-капитана Крутеня, а тот вспоминает все, что знает об августейшем. Военную службу начал моряком, командовал миноносцем, совершил кругосветное плавание на корвете "Рында". Потом командовал эскадренным миноносцем "Ростислав". Под его опекой строился военно-морской флот. Затем великий князь перекинулся на воздушный флот, который создавался на добровольные пожертвования. Казалось "он лихорадочно ищет для себя поле деятельности, стремится быть всегда на виду. Ему нравится вершить судьбами людей, награждать орденами, отдавать приказы. Играет в демократизм, а это, по его мнению, должно означать близость к народу. Что для него один из множества летчиков? Единица. И тем не менее великий князь поздравил по телеграфу штабс-капитана Крутеня с награждением Георгиевским крестом. Но хорошо ли он знает то дело, за которое взялся? Заведующему авиацией и воздухоплаванием действующей армии положено мыслить о стратегии и тактике воздушного флота на фронтах, разбираться в марках аэропланов, заботиться о снабжении авиаотрядов аппаратами новейших марок, не уступающих немецким самолетам. А на деле? Все его старания сводятся к укомплектовыванию авиачастей пилотами и посылке в действующую армию тех аэропланов, которые имеются в наличии, плохи они или хороши. Он ни разу не был на фронте, не задумывался над нуждами и заботами военных летчиков. Нередко он путает номера отрядов и их командиров, отдает приказы о перемещениях, которые невозможно выполнить, и его поправляет генерал Барсов, начальник канцелярии. Зато великий князь — один из отпрысков династии Романовых, трехсотлетие которой недавно с великой помпой праздновалось в стране...

Все эти мысли пронеслись в голове Крутеня, пока Александр Михайлович изучающе смотрел на него.

— Так вот какой вы есть, штабс-капитан Крутень, — прервал молчание великий князь. — Мы представляли вас другим: таким могучим витязем, что одним махом семерых побивахом, иначе воздушным богатырем...

Он не договорил и, не вставая с кресла, протянул руку. Евграф Николаевич ощутил вялое пожатие.

— Ну-с, садитесь, штабс-капитан, — продолжал великий князь. — Расскажите, как воюете?

Что, одолевают наших авиаторов немцы? Умеют летчики из вашего отряда дать им достойный отпор? Мы осведомлены о доблести и лихости военных летчиков России на всех фронтах.

Многие из них гибнут, кладут свои жизни к ногам престола и отечества. Эти жертвы не напрасны. Вероломный, кровожадный враг будет в конце концов разбит и обращен в бегство.

Как вы думаете, штабс-капитан, достаточны ли усилия моего штаба в деле организации авиационных отрядов, оснащения их аэропланами? Мы прилагаем гигантские усилия... Крутень ошеломлен потоком слов, вопросов, утверждений, рассуждений августейшего начальника. Видимо, тот любит поговорить.

— Не знаю, ваше высочество, с чего начать, — отвечает Крутень, используя паузу. — Воюем мы, не щадя своей жизни, вступаем в бой с противником без оглядки. Не хватает нам еще боевого умения и хороших аппаратов. Но главное — аэропланы. Будь у нас надежные аппараты, успехов было бы больше, а потерь меньше.

— Но вам-то в истребительный отряд мы даем лучшие самолеты, — перебивает Крутень великий князь — "Буазены" и эти — как их? — "ньюпоры", "мораны". Союзники уверяют, что эти аппараты великолепны. Французские летчики на них бьют бошей, как в народе говорят, в хвост и в гриву. На Сомме они устроили немецким асам настоящее мамаево побоище. Мы надеемся, что наши славные авиаторы последуют примеру союзников. Вам не доводилось бывать во Франции? О, это прекрасная страна! А Париж? Елисейские поля, Нотр-Дам де Пари, Эйфелева башня, Лувр, наконец. Вы слышали, что один француз в специальном костюме прыгнул с вершины этой башни? Разбился, бедняга. Но это анекдотический случай. А так приходится признать, что именно Франция родила авиацию. Там и новейшие аэропланы, и рекорды. Вот у кого надо учиться.

Опять Евграф Николаевич захлестнут потоком речи великого князя. В этом словоизлиянии может утонуть живое дело.

— Ваше императорское высочество, — говорит он, — меня назначили начальником истребительного отряда. Мы, летчики, должны не просто воевать, а истреблять немецкие самолеты. Но аппаратов у нас не хватает, а те, что имеются, быстро выходят из строя. Мы не успеваем их ремонтировать. Часто отказывают в воздухе моторы, пулеметы, нет необходимых запасных частей. Нижайшая просьба к вам, ваше императорское высочество, распорядиться, чтобы дали отряду аппараты "ньюпор" или "бэбэ" нового образца. В Киеве на базе они есть.

— Вы говорите "бэбэ"? — смеется великий князь. — Какое смешное название, впрочем, это в стиле французов. Они же придумали "парасоль", что значит "зонтик от солнца".

— Так прикажите, ваше императорское высочество, выдать со склада несколько аэропланов, — спешит высказать свою просьбу Крутень. — Самолеты должны быть однотипными, иначе получится разнобой в наших действиях.

— Хорошо, — задумывается Александр, прикладывая ладонь ко лбу. — Изложите письменно свою просьбу моему начальнику штаба генералу Барсову. Я дам распоряжение. Хоть самолетов мало, но для вас не пожалеем.

— Благодарю, ваше высочество.

— Вопрос этот мы решили, — откидывается на спинку кресла великий князь. — Побывайте сегодня на базе, посмотрите самолеты. Выберите те, что вам по душе.

Александр встает с кресла, быстро поднимается со стула и Крутень.

— Я вас всегда имею в виду, штабс-капитан, — как бы признается августейший. — Мне нужны такие деятельные, храбрые, верные престолу и отечеству офицеры. Намерен посылать вас на самые ответственные дела, возможно и за рубеж. Так что долго не придется задерживаться на одном месте.

— Но как же мой авиаотряд? — деликатно возражает Крутень. — Мне предстоит много работы, надо выковать хороших истребителей, испытать их в воздушных боях. Надо воевать.

— На вашу должность найдутся другие, мы это решим. — В голосе великого князя чувствуется недовольство. — Отправляйтесь.

Аудиенция окончена.

Крутень еще не знает, что возражать августейшему крайне опасно — доброжелательность может быстро перейти в неприязнь, вражду, и тогда несдобровать осмелившемуся усомниться в правильности распоряжения великого князя. Позднее один из высокопоставленных царских сатрапов охарактеризует Александра Михайловича как страстного интригана, человека с большим самомнением и амбицией, способного на скрытые подвохи в отношении подчиненных.

Вторую половину дня Крутень провел на 3-й авиабазе, придирчиво осматривая самолеты, которые ему предлагали. Прижимистый начальник авиабазы, несмотря на распоряжение

великого князя, явно хотел всучить машины не лучшего качества. "А куда я дену этот аэроплан?" — то и дело произносил он, когда Крутень отвергал предложенный ему экземпляр. В этот день Евграф Николаевич должен успеть в один из госпиталей, расположенных в центре города. Здесь работает сестрой милосердия его возлюбленная — Наташа. С ней он с давних пор в близких отношениях. Кто она для него? Жена? Нет. Во всяком случае, связь их не освящена церковью. Друг? Нет, больше чем друг. При воспоминании о ней учащенное бьется сердце. От Наташи исходит то душевное тепло и участие, которых так не хватает ему в суровой ратной жизни.

...Наташа сбегает по ступенькам в сад и видит перед собой штабс-капитана Крутенья.

— Вы? — удивленно вскидывает она тонкие брови. — Вот неожиданно-негаданно. Мне сказали: "Ждет какой-то офицер", — но никак не думала, что это вы, Евграф Николаевич.

Обычная женская игра, попытка завуалировать волнение.

— Значит, ждала другого? — с укоризной спрашивает Крутень. — Кого же? И опять перешла на "вы". Здравствуй, дорогая.

— Здравствуй, Графчик. Только не ревнуй, ради Бога. Не к кому.

— Скажи прямо: мы по-прежнему близкие друзья или все, что было раньше, забыто?

— Старый друг лучше новых двух, — отвечает она пословицей и смеется. — Сядем на скамеечку, а то торчим посредине двора.

Евграф Николаевич смотрит на Наташу с обожанием. Как ей идет наряд сестры милосердия! Большие косы едва уместаются под белоснежной косынкой с красным крестиком. На смуглом лице южанки светится румянец, карие глаза тревожно блестят. Белый передник мягко охватывает легкую фигурку. Бегающие по пояску тонкие пальцы, испачканные йодом, выдают волнение. Причиной такого состояния может быть не только его неожиданный приезд. Произошли какие-то изменения? Но какие? Не измена ли? Ведь он так далеко от нее, будущее неопределенно. А женщины любят ясность в отношениях.

Он берег ее руку и целует. Наташа осторожно, как бы в ответ, проводит пальцами по его лицу.

— Неудобно здесь, могут увидеть, — говорит она оглядываясь. — Надолго ли в Киев?

— К сожалению, ненадолго, — летчик опускает голову и тяжело вздыхает. — Командировка. Может быть, завтра придется возвращаться.

— Ну вот, опять... Какой ты ненадежный кавалер. В прошлом году я ждала тебя, надеялась. Ты не приехал. Сколько можно ждать?

— Но пойми, я не властен над собой, — горячо возражает Евграф Николаевич. — Сейчас война. Кончится — поженимся. Я тебя очень люблю, для меня ты одна-единственная на свете.

— Война, это верно. Но уходят молодые годы, уходят. А что будет дальше? Все как в тумане.

— Послушай, Ната. Не смогла бы ты отпроситься с работы на сегодняшний вечер. Нам надо о многом поговорить.

— Нет, это невозможно, — отрицательно качает головой Наташа. — Раненые не отпускают.

Столько покалеченных, некоторые умирают у меня на руках. Сердце разрывается на части.

Слезы набегают на ее глаза, она осушает их платочком.

По дорожке мимо скамейки идет, прихрамывая, человек в госпитальном халате. Он опирается на палку и пытливо смотрит на молодых людей. На бледном лице холеные, закрученные кверху усы. По виду — офицер в больших чинах.

— Встретили друга, Наточка? — с грассированием спрашивает он и бесцеремонно кивает в сторону Крутенья.

— Да, встретила старого друга.

Наташа смущена, краснеет, опускает глаза.

Постояв с минуту у скамейки, раненый офицер направляется дальше, однако два раза оглядывается.

— Кто этот нахал? — спрашивает Евграф Николаевич. — Он смотрит на тебя так, как будто ты ему чем-то обязана. Ухаживает за тобой, сознайся?

— Да. Это полковник, волочится за мной, обещает все блага мира.

— Ну а ты? Принимаешь его ухаживание?

— Он старше меня вдвое.

Вдруг она резко поднимается со скамьи.

— Мне пора, Евграф, меня ждут. Приходи к нам завтра, поговорим обо всем. У тебя Георгиевский крест. Ты храбро воюешь, береги себя, милый.

Она неожиданно прижимается к нему и крепко целует.

Вечерет. Заходящее солнце освещает лишь верхушки труб на госпитальном здании. Наташа легко взбегает на крыльцо. И тут рядом с ней вырастает фигура раненого полковника. Видно, как он пытается ее удержать, но она ускользает от него и скрывается за дверь. У Евграфа Николаевича сжимаются кулаки.

За рубеж родной земли

1916 год — год, тяжелый для русской авиации да и для всей действующей армии. Генерал Брусилов обращается с личным письмом к великому князю Александру Михайловичу: "Обладая по сравнению с немцами слабыми силами по количеству и качеству авиационных средств, мы можем успешно бороться с неприятельской воздушной разведкой только при условии решительного сосредоточения воздушных сил на важнейшем операционном направлении, жертвуя направлениями второстепенными". Командующий Юго-Западным фронтом просит снабдить авиацию новыми аппаратами: двухместными "ньюпорами" и "фарманами", одноместными истребителями.

В другом обращении в штаб верховного главнокомандующего говорится о том, что начало 1916 года поставило русскую авиацию почти в критическое положение. На ее вооружении сильно изношенные аппараты устаревших систем. Новые машины почти не поступают, так как русские заводы не могут выпускать самолеты из-за отсутствия моторов, а французское правительство всячески урезывает заказы России, не дает машин последних образцов.

Крутенъ знает об этом критическом положении с фронтовой авиацией. Все держится на героизме, лихости, самоотверженности русских летчиков.

Совсем недавно прапорщик Петражицкий с наблюдателем Бартошом на "вуазене" вступил в бой с двумя немецкими аэропланами, атаковавшими их. Летчик искусно маневрировал, уходя от огня противника, и сам атаковал. Один из самолетов врага — "бранденбург" — был сбит и упал в долине реки Слониха.

Да что там говорить! Противник сам признает неоспоримые боевые качества наших авиаторов. Один из летчиков показал Крутеню австрийскую газету "Фестер луд", в которой Евграф Николаевич прочитал следующее:

"Было бы смешно говорить с неуважением о русских летчиках. Русские летчики более опасные враги, чем французы. Русские летчики хладнокровны. В атаках русских, быть может, отсутствует планомерность, так же, как и у французов, но в воздухе они непоколебимы и могут переносить большие потери без всякой паники. Русский летчик есть и остается страшным противником".

К середине 1916 года положение с самолетами несколько изменилось к лучшему. 24 мая состоялось экстренное заседание в ставке верховного главнокомандующего, где обсуждался вопрос о насущных нуждах русской авиации. Были приняты меры, и самолеты новых типов стали поступать на фронты, в особенности туда, где намечались удары по противнику.

Широкое наступление готовилось на Юго-Западном фронте, которым командовал генерал А. А. Брусилов. Входившие в состав фронта 3-я и 8-я армии, а также приданная ему Особая армия подвергались непрерывным бомбардировкам с немецких самолетов. Это вносило серьезное расстройство в работу армейских штабов по руководству частями. В течение июля и августа действия немецкой бомбардировочной авиации затрудняли продвижение наших войск, осуществлявших прорыв вражеской обороны.

Тогда-то и была создана 1-я истребительная авиационная группа, не имевшая еще определенного статуса. Непосредственно в 8-ю армию были направлены 2-й и 10-й истребительные отряды. Активные действия истребителей позволили сорвать блокаду немцев с воздуха, прекратить бомбардировку наших армейских тылов.

Заведующий авиацией и воздухоплаванием великий князь Александр Михайлович давно вынашивал мысль о посылке за границу на выучку русских летчиков и авиаспециалистов. В конце концов это стало его *idée fixe*. Вначале он направил во Францию, как бы для разведки, одиночек — штабс-капитана Бродовича, поручика Витмана. Летом же 1916 года, в критические для русской боевой авиации месяцы во Францию и Англию были командированы тридцать два нижних чина под присмотром четырех офицеров для обучения моторному делу. Осенью августейший принял решение послать за рубеж две группы летчиков и наблюдателей. В этом он видел выход из трудного положения, возможность усилить фронтовую авиацию, чтобы достойно противостоять противнику. В Париж ушла телеграмма:

"В целях лучшей постановки обучения летчиков и наблюдателей флот полагал бы желательным, пользуясь зимним затишьем, командировать месяца на два — четыре во Францию для ознакомления с доблестной работой летчиков и наблюдателей в школах и на фронте человек сорок летчиков и наблюдателей из числа окончивших школы при пяти-шести руководителях. Для нас удобнее ноябрь-февраль. Пневский".

Генерал-майор Пневский возглавлял Управление военно-воздушного флота. В августе 1916 года его первым помощником назначается полковник Ульянин, освобожденный от должности начальника Гатчинской авиационной школы. Вскоре он же командирован во Францию в качестве председателя заграничной комиссии по закупке авиационного и воздухоплавательного имущества. Но не только закупкой военного имущества занимается полковник. Он внимательно изучает постановку обучения пилотов, характер воздушных боев в районе реки Соммы, где французы одерживают победы.

...В Управление военно-воздушного флота в Петрограде прибыли летчики 2-й группы, командировавшиеся во Францию. Нет только штабс-капитана Крутеня, который задерживается в Москве, испытывая новый самолет. Но, наконец, ноябрьским пасмурным днем является и он. Евграф Николаевич оглядывает собравшихся офицеров.

— Ба, да здесь знакомые все лица, — восклицает он, крепко пожимая руки Орлову, Барковскому, Свешникову, Кежуну, с которыми встречался на аэродромах или учился в Гатчине.

Руководителем летчиков назначен полковник Медно из Увофлота. Полковник в курсе всех дел, дает исчерпывающие ответы на вопросы своих подопечных. Кто-то из пилотов спрашивает:

— Вот штабс-капитан Бродович целый год болтается во Франции. Нам же, грешным, сроки урезаны. Почему так?

— Кончается счастье Бродовича, — невозмутимо отвечает полковник. — Великий князь приказал ему срочно вернуться в Россию и дать полный отчет о своей деятельности. Будет назначен командиром отряда.

— Нет, что ни говорите, есть любимчики у высокого начальства, — раздается тот же голос.

— Кого вы имеете в виду?

— Штабс-капитана Хризосколео, например.

У полковника Медно багровеет лицо, и он сердито отвечает:

— Несмотря на то, что Хризосколео гвардеец, светлейший о нем самого плохого мнения и даже не хотел пускать его за границу. Много апломба, мало толку, к тому же привержен к зеленому змию. Да не завидуйте вы другим! Думаю, что у многих из вас есть намерение не только поучиться у французов, но и самим скрестить шпагу с немецкими асами. А?

— Что на западе, что на востоке — немцы везде остаются бошами, приемы воздушного боя, уловки у них одинаковые, — убежденно говорит поручик Кежун.

— А я скажу так, — вступает в разговор Крутень. — Если придется сражаться там, никто из нас не струсит, сумеет показать, на что способны русские летчики.

Его поддерживают все соратники.

В один из последних дней ноября группа авиаторов садится в Мурманске на пароход, который должен доставить их в Англию, откуда они переберутся во Францию. За бортом штормит Баренцево море. Корабль мотает. Палубу окатывают ледяные волны. Летчики лежат в каюте, некоторые болезненно переносят качку. Кисло шутят:

— Лучше три часа болтаться в воздухе на самолете при штормовом ветре, чем один час — на морском корабле.

— Хорошо, если немцы не подстергут где-нибудь и не пустят торпеду в бок нашему пароходу, отправив нас в царство Нептуна.

— Спаси и помилуй нас, святая дева Мария.
— Господа, когда доберемся до Франции — забудем все эти невзгоды.
— Друзья, вы заметили: наш Крутень ходит по палубе как старый морской волк. На него морская качка не действует.
— Ничего удивительного. Он в воздухе на своем "нюпор" такие головоломные кунштютки проделывает, что похлеще любой морской качки.
— К тому же водку не пьет, баб сторонится. Спарганец!
— Слышал, у него зазноба в Киеве, переписывается с ней.

Евграф Николаевич заходит в салон, садится на диван, скрещивает по привычке руки на груди. Тревожные мысли не дают ему покоя. Сколько же рутины, неорганизованности, тупости в руководстве авиацией. Перед самым отъездом во Францию он узнал в Управлении военно-воздушного флота, что там с конца 1914 года лежит инструкция по обращению с пулеметами "люис". А ведь эти пулеметы уже давно во многих частях. Сколько отказов и поломок случилось с ними! Два года потребовалось Увофлоту на то, чтобы разослать инструкцию по обращению с "люисами" в авиаотряды. Разве не канцелярская рутина? И это не единичный случай. Все правила регулировок мотора и самолета он доставал частным путем, с заводов или где-нибудь по-приятельски от запасливых и знающих людей. Вот как на деле выглядит

техническая и тактическая помощь Управления военно-воздушного флота. И еще кричащий порок — скопидомство. Казна тратит бешеные деньги на покупку за границей самолетов, запасных частей к ним, оборудования. А как все это используется? Многое лежит по складам и паркам неиспользованным, ржавеет, портится. А на фронте недостаток во всем этом. Что за пакостная привычка все копить, что за боязнь ответственности за выдачу какой-нибудь лишней гайки?!

Это одна сторона дела, есть еще и другая. Какую нелепую форму отчетности придумали в Увофлоте! Филькина грамота! Нужна новая месячная форма отчетности, такая, чтобы по ней сразу была видна деятельность авиачастей. Каждый летчик должен отчитываться, записывать, что произошло в воздухе.

"Не могу молчать об этом, — думает Евграф Николаевич. — Обязательно напишу статью или брошюру и назову ее "Кричащие нужды русской авиации". Конечно, начальство ощерит на меня зубы, да Бог с ним. Истина сильнее гнева высокопоставленных чиновников".

Вслед за Баренцевым морем пароход пересекает Норвежское. И здесь тоже качает, хотя и нет таких яростных штормов. Летчики стали уже привыкать к качке, собираются в кают-компаниях. Appetit у всех отменный. В разговорах большей частью вспоминают о недавних воздушных боях, удачах и неудачах, рассуждают об исходе затянувшейся войны. Будущее скрыто непроницаемым туманом.

Наконец пароход прибывает к берегам Великобритании. Полковник Медно перед сходом на берег несколько напыщенно говорит:

— Господа, хочу вам напомнить о необходимости строгого соблюдения этикета на чужой земле. О нас, русских, и так ходят за рубежом превратные слухи. Мы должны быть достойны своего великого государства, пославшего нас к союзникам. Я надеюсь на вас, господа. Добавлю еще, что у каждого из вас есть направление за рубеж, в котором все сказано. Не забывайте и об этом.

Да, такой документ вручен Евграфу Николаевичу Крутению, как и всем, в Увофлоте. Вот он: "Ввиду последовавшего 18 ноября высочайшего разрешения на командирование Вас за границу, предписываю Вам с получением сего отправиться для выполнения возложенного на Вас поручения в Париж, где явиться к нашему военному агенту во Франции, председателю комиссии по заготовке авиа- и воздухоплавательного имущества, а также к Дюсиметьеру, на которого возложено общее руководство вашей деятельностью во время пребывания за границей".

Из Англии группа русских летчиков перебирается во Францию. И вот — Париж. Здесь, в здании российского посольства, прибывших встречают полковники Ульянов и Дюсиметьер. От них пилоты получают точные указания, куда ехать и что делать.

— Господа, вы должны как можно больше угнать суть французской авиации, — наставляет полковник Ульянов. — В чем секрет успеха наших союзников, которые буквально громят противника в воздухе? На вас, штабс-капитан Крутень, в этом отношении особая ответственность. Фиксируйте, извлекайте опыт. Вы меня поняли?

— Так точно, господин полковник, — встает Евграф Николаевич.

Потом — разговор по душам с Дюсиметьером, сохранившим прежнюю симпатию к штабс-капитану.

— Рад тебя видеть во Франции, — говорит Лев Павлович, по дружески обнимая Крутеня за плечи. — Тебе предстоит нелегкое испытание: и французский опыт познать, и себя показать. Но прошу тебя слишком не рисковать, знаю твой неумный характер. Нам с тобой еще вершить большие дела в нашей дорогой России.

В небе Франции

В середине декабря 1916 года группа русских летчиков во главе с Крутенем прибыла во французский город По, где находилась школа высшего пилотажа. Крутень доложил ее начальнику о прибытии. Подпоручик Свешников, знающий французский язык, перевел: — Здравствуй, мой майор! Честь имею доложить: группа авиаторов России, согласно договоренности с вашим командованием, прибыла на стажировку.

Француз во френче и галифе отдал честь, весело улыбнулся:

— Рад приветствовать и видеть на нашей земле доблестных союзников. Смею уверить вас, что здесь, в По, вы встретите самый радушный прием. Постараемся научить вас всему тому, что мы умеем, хотя не сомневаюсь, что многое умеете вы сами. Все вы у себя на родине прошли суровую школу воздушных схваток с бошами.

Майор пожимает руки всем летчикам, замечает Георгиевские кресты на их мундирах.

— О ля-ля, — восклицает он, — я вижу настоящих асов, судя по вашим наградам! Поздравляю. ...На аэродроме — обычная суматоха. Слышится громкая французская речь, завывание моторов. Русские летчики появляются на стоянке. Их ждет инструктор.

— Надеюсь, наши аппараты "нюпор", именуемые "бэбэ", вам знакомы. Франция, как я слышал, снабжает русские авиационные отряды этими самолетами в избытке.

Свешников переводит с французского на русский, а потом ответ Крутеня:

— Да, эти аппараты нам знакомы, хотя Франция посылает их в Россию не в таком количестве, как хотелось бы. Но это уже другой вопрос. "Бэбэ" — хороший аэроплан, маневренный, мы его знаем. Почти все мои товарищи летали на нем.

— Очень хорошо, — кивает головой инструктор. — Для начала хочу вам показать некоторые фигуры высшего пилотажа, в том числе и "мертвую петлю", выполненную впервые нашим великим авиатором Пегу.

— Нашим Нестеровым, господин капитан, — поправляет Крутень. — И это признал сам Пегу.

— Не будем спорить о приоритете, — говорит инструктор. — Могу только сказать, что французские пилоты в бою великолепно пользуются этой фигурой. Наш Жорж Гинемер в одной из схваток с бошами ушел от атаки врага, выполнив "мертвую петлю". Это ошеломило неприятельского летчика. На выходе из петли Жорж стремительно подскочил к брюху "фоккера" и в упор расстрелял его. Германский ас на этом — аминь!

— Прекрасный прием, — одобрил Крутень.

— В дальнейшем, когда вас определят в эскадрильи, вы убедитесь в смелости и искусстве французских асов.

Инструктор поднялся на "нюпоре" в воздух и показал высший пилотаж. Отказать ему в мастерстве было нельзя. Фигуры он выполнял легко, хотя Крутень заметил, что между ними не было единой связи. Вялые же паузы в воздушном бою недопустимы.

После приземления инструктор снял шлем, вытер влажный лоб платком. Передохнув, предложил:

— Мсье, кто желает показать свое искусство? Потом будем планомерно осваивать каждую фигуру в отдельности.

— Слетайте вы, Евграф Николаевич, — предложил подпоручик Орлов. — Покажите французу, что и мы не лыком шиты.

— Ладно!

Евграф Николаевич забрался в кабину, осмотрелся, проверил приборы и взялся за ручку управления. Машина знакомая, на такой же он летал на фронте.

Бак дозаправлен горючим, мотор работает исправно. Можно лететь.

Самолет срывается с места, после короткого разбега быстро набирает высоту. Крутень вводит аппарат в крутые виражи, затем посылает "ньюпор" почти вертикально вверх. И вдруг, после пологого разворота, стремительно пикирует, проходит низко над самым аэродромом и снова уходит в высоту. Мотор то пронзительно ревет, то затихает. "Теперь "мертвая петля", — решает капитан. По всем правилам искусства самолет "падает" вниз, затем переходит в горизонтальный полет, устремляется вверх, в намеченной точке переворачивается, ложась на спину, и снова обретает первоначальное положение колесами вниз. Не переводя дыхания, Крутень столь же искусно выполняет вторую петлю, за ней — третью. Но и это еще не все. "Ньюпор" набирает высоту около двух тысяч метров и оттуда "срывается" в штопор. Виток за витком штопорит самолет мотором вниз. Инструктор-француз не выдерживает.

— Мсье! Что он делает? Это же смертельный трюк! Земля рядом. Ваш вожак может разбиться. — Успокойтесь, — говорит ему Свешников. — Эту фигуру, штопор, успешно выполняют все наши асы.

— О ля-ля, — опять восклицает французский летчик. — Вот кому быть бы инструктором...

Между тем Евграф Николаевич выводит "ньюпор" в горизонтальное положение, выключает мотор и, легко планируя, сажает аэроплан.

Первым к Крутенью подходит французский инструктор, жмет руку.

— Великолепно, прекрасно! Вы большой мастер! Вам нечему у меня учиться.

...Русские летчики охотно и успешно осваивают высший пилотаж. "Вы крепко держитесь в седле", — одобряет их француз, в прошлом кавалерист. Тренировки, если позволяет погода, идут с утра до вечера. Капитан Крутень внимательно следит за полетами товарищей, часто сам поднимается в воздух, чтобы не терять летной формы.

Через три недели группу переводят в Казо, в школу стрельбы и воздушного боя. Русские летчики тренируются в учебных воздушных боях парами, азартно атакуют друг друга, выполняя при этом сложные маневры.

Одновременно с обучением воздушному бою проходят практические стрельбы из пулеметов.

Пилоты стреляют с летящего "ньюпора" по большому и маленькому змею, по шару-пилоту.

Затем упражняются в стрельбе по буксируемому конусу, по полотнищу, расстеленному на земле. Все это вырабатывает у летчиков верный глазомер, точность. К тому же в пулеметной ленте имеются трассирующие пули, что облегчает выполнение задачи.

Сам Евграф Николаевич проявляет такое усердие в учении, что другие невольно тянутся за ним.

Отстающих нет. И недаром начальник школы де Вильпен в донесении Главному инспектору авиационных школ во Франции пишет, что "все... офицеры без исключения обладают необходимыми данными для блестящих боевых полетов... Все эти офицеры в целом представляют из себя выдающихся людей, по которым их французские товарищи могут составить себе самое высокое мнение о русской авиации".

Но вот окончен и этот курс обучения. Русских летчиков направили подгруппами во фронтовые эскадрильи. Штабс-капитан Крутень вместе с подпоручиками Орловым и Свешниковым зачислен в эскадрилью "аистов" капитана Брокера. Она базируется, как и другие подразделения, в районе реки Соммы, близ Амьена.

3-я эскадрилья "аистов" под командованием капитана Брокера — одна из самых прославленных во Франции: Только с 19 марта по 19 августа 1916 года она сбила пятьдесят три немецких самолета. Эскадрильей "аистов" она называется потому, что на ее машинах нарисована длинноногая птица аист, столь любимая французами.

"Аисты" — это целое созвездие великолепных асов: Гинемер, Брокер, Эрто, Фонк, Деллен, Ведрин, де ла Тур, Оже. Они показывают чудеса боевого летного искусства" мужества и отваги. Капрал Жорж Гинемер за пятнадцать дней сентября сбил в воздушных схватках шестнадцать самолетов противника. Летчик Наварр в 1916 году одержал двадцать побед...

"Немыслимо, непостижимо! — думает Крутень. — Смог бы я так неистово и успешно сражаться? А ведь надо, надо показать французам, что и мы, русские, не такие уж слабые воздушные бойцы. Но посмотрим, посмотрим".

Стоит февраль. С Ла-Манша наползает туман, серые облака стелются над землей, дождь щедро поливает аэродром. Но только ветер разгонит тучи и в небе вспыхнет солнце, самолеты уходят

на боевые задания: патрулируют над войсками, ведут поиск германских разведчиков, вступают в воздушные схватки, охраняют свои разведывательные самолеты. Крутень и Орлов чувствуют уверенность в действиях французских летчиков. И хотя многие из них гибнут в схватках, сбиваются немецкими истребителями и зенитной артиллерией, боевой порыв не угасает. — Теперь мы подавляем бошей в воздухе, — объясняет капитан Марзак прибывшим из России летчикам. — У нас лучше аппараты, лучше организация. Летом прошлого года было не то. Германская авиация преобладала на нашем фронте. У бошей были "аэро", годные и для бомбардировки, и для фотографирования, и для боя. Мы называем этот аппарат "омнибус". Уступать бошам мы не могли — это не во французском характере. Решили сгруппировать на наиболее важном участке фронта несколько отрядов истребительного типа, чтобы громить германские самолеты, громить, дьявол их возьми! А также дать свободу действия своим разведчикам. И тут надо поклониться капитану Брокеру. Под его началом собрали три эскадрильи с "бэбэ", и он первым нанес нокаутирующий удар бошам. Каково? А? Крутень и Орлов с вниманием слушали Марзака, а он, закудив, продолжал: — Ясно было, что "бэбэ" устарели для такого дела. Тогда наши конструкторы построили "Ньюпор XV". Вы его видели. Длина — пятнадцать метров, мотор "рон" — сто десять лошадиных сил, два пулемета. К этому присоедините, мсье, самолет "спад", который развивает скорость двести километров в час. Каково? А? Причем оба аппарата имеют великолепную маневренность. Вот тогда-то бошам стало приходиться туго. Что они могут нам противопоставить? "Фоккеры", "альбатросы", "гильберштадты"? Ерунда. На смуглом лице Марзака — торжество. Пыхнув табачным дымом, он подытожил: — Стали увеличивать число отрядов в группе, чтобы окончательно подавить бошей на фронте...

Евграф Николаевич присматривается к боевой работе французских истребителей, узнает особенности некоторых асов, завязывает с ними профессиональный разговор. В одном из полетов Гинемер увидел на высоте 3200 метров два немецких "альбатроса". Летчик не раздумывая бросился к аэроплану, который летел выше, нагнал его и с расстояния 50 метров дал очередь из пулемета. Противник ответил сильным огнем. Тогда Гинемер быстрым маневром зашел немецкому самолету в хвост, в мертвый конус, и с расстояния 20 метров выпустил оставшиеся в обойме патроны. Попадание было точным. "Альбатрос" стал падать вниз, переходя в штопор. В это время Гинемер угодил под обстрел вражеской зенитной артиллерии. Его "ньюпор" был поврежден, но летчик сумел благополучно приземлиться. Спустя несколько дней Гинемер сопровождал французскую бомбардировочную эскадрилью. В момент бомбардировки его неожиданно, из-за облаков, атаковали два моноплана типа "фоккер" с низко посаженными крыльями, ротационным мотором. Капрал впервые встретился с такими истребителями, но это не смутило его. Один из них близко подошел к "ньюпору", отвлекая внимание на себя, а второй бросился на французский "вуазен". Гинемер опередил немца и меткой очередью из пулемета зажег "фоккер". Уйдя от атак второго и перезарядив пулемет, француз успел подбить и другой "фоккер". Благодаря смелости, находчивости и летному искусству Гинемера ни один французский бомбардировщик не был сбит. Другой французский летчик — Наварр — при встречах с противником, если не удавалось зайти ему в хвост, выполнял на глазах последнего каскад отвлекающих фигур, вертелся невдалеке мелким бесом. Тут шли в ход и "мертвая петля", и штопор, и спирали, и скольжения. Это страшно влияло на психику противника. После таких манипуляций Наварр считал неприятеля "приготовленным к жертве", выбирал выгодную позицию, насккивал на него и поражал меткой очередью из пулемета. На фронте был широко известен летчик лейтенант Понсар. На самолете "спад" он вылетел в глубокий тыл противника, чтобы узнать расположение его войск. Отважный летчик пролетел 400 верст, из которых триста — над территорией, занятой немцами. Задание он выполнил блестяще, привез ценные данные о скоплении противника. А еще ранее лейтенант был сбит немцами, попал в плен. Чудом ему удалось бежать. Тяжелые испытания не поколебали его решимости. Он по-прежнему отчаянно сражался с немцами. Штабс-капитан Крутень видит явное стремление французских летчиков сбить как можно больше немецких самолетов в одиночку, опередить товарищей по оружию. Это походит на захватывающую игру ради самой игры, когда цели и задачи борьбы остаются на заднем плане.

Над пилотами-истребителями, словно довлеет магическое слово "ас". Право называться асом давало сперва пять уничтоженных аппаратов противника, позже — десять. И все же индивидуализм асов с трудом, но преодолевается. Слишком большие из-за него потери среди "аистов". Уже в марте 1916 года Гинемер вместе с Брокером и Делленом сбил четыре самолета противника. Затем Гинемер и Фонк одержали общую победу, сбив два немецких аэроплана. Постепенно французы стали переходить от тактики одиночек к тактике группового воздушного боя, которую утвердил и обосновал Фонк.

"Конечно, — рассуждал Крутень, — французская военная авиация не ощущает недостатка в самолетах. У нее в изобилии "нюпоры" различных модификаций, "спады" со стапятидесяти сильным мотором, развивающие скорость двести двадцать километров в час, маневренные, легкие в управлении. Французам легче воевать, у них в эскадрильях по двенадцати машин, а в наших отрядах только по три. Будь у нас столько же самолетов, мы одерживали бы над общим врагом не меньше побед. Наши летчики не уступали бы французским асам".

Постепенно Крутень и его товарищи втягиваются в боевую жизнь отряда, летают на патрулирование, охраняют аппараты, фотографирующие расположение противника. Евграфу Николаевичу очень хочется сбить немца здесь, на французском фронте. И однажды такой случай представился.

Патрулируя, Крутень заметил тень немецкого самолета, мелькнувшего за облачностью. Сразу же созрело решение: атаковать, завязать воздушный бой. Летчик направил самолет в сторону противника, пробил редкие разорванные облака, за которыми рыскал "альбатрос"-разведчик. Обнаружив цель, "нюпор" набрал высоту, чтобы нанести удар сверху, "вонзиться в противника", как выражался Евграф Николаевич. Открывать огонь с большой дистанции было бесполезно, следовало сблизиться. Немец уже заметил "нюпор" и решил уйти на свою территорию, открыв предупреждающий огонь. Крутень спикировал на "альбатроса". И сразу же обожгла мысль: только бы не столкнуться с противником, так как скорость разгона очень велика. Но было уже не до расчетов. "Нюпор" пронесся вблизи немецкого самолета, едва не задев его стабилизатор. Дальше — резкий вывод из пике. "Нюпор" оказался под брюхом "альбатроса", и Крутень всадил в самолет несколько коротких, метких очередей. Некоторое время немецкий аэроплан держался в воздухе, потом стал беспорядочно падать вниз, оставляя за собой дымную полосу. Наземные войска подтвердили гибель немецкого самолета-разведчика.

На земле командир эскадрильи Брокер искренне сказал:

— Прекрасная работа, мсье. Надеюсь, это не последняя ваша победа на нашем фронте.

Вскоре Крутенью сопутствовал еще один успех. Он и поручик Орлов удостоились боевой награды Франции — "Боевого креста с пальмовыми листьями".

Стажировка закончена. Пора возвращаться домой.

В Париже, в здании русского посольства их приветствовали полковники Ульянин и Дюсиметьер.

Ульянин торжественно объявил:

— Высочайшим приказом военный летчик Евграф Крутень произведен в чин капитана с первого февраля тысяча девятьсот семнадцатого года. Поздравляю.

Товарищи горячо аплодируют Евграфу Николаевичу, а Дюсиметьер надевает на его мундир новые капитанские погоны и добавляет с улыбкой:

— Французскому асу Крутенью они очень к лицу. Ты можешь носить рядом с Георгием и французский боевой крест. Об этой награде будет сказано в приказе по войскам.

— Благодарю, господин полковник. — Крутень с силой пожал руку Льва Павловича. —

Приглашаю вас на наш фронт, опять летаем вместе.

— Приглашение принимается, господин капитан.

В эти дни главный инспектор авиационных школ Франции подполковник Жиро направляет начальнику российской авиационной миссии полковнику Ульянину письмо следующего содержания:

"С большим удовольствием сообщаю Вам, по возвращении из школы в По, о том чувстве удовлетворения, которое я испытывал, ознакомившись с результатами прохождения курса школы русскими офицерами. Мне удалось удостовериться в том, что все эти офицеры без

исключения соперничают между собой в увлечении делом и в отваге и что они находятся на пути приобретения всех качеств, отличающих лучших пилотов боевых аппаратов. Я испытал особенную радость за время нахождения среди ваших офицеров и не скрыл от них, насколько я счастлив временно быть их начальником, а также какое чувство гордости испытывают их французские товарищи, занимаясь бок о бок с ними приобретением знаний и навыков для будущих совместных боев с общим врагом". Это пересыпанное лестными комплиментами, в типично французском стиле послание относится прежде всего к капитану Крутеню и его товарищам, которые немного позже составят основной костяк 2-й боевой авиационной группы истребителей у себя на Родине.

Лондонский отель

Конец февраля. За окнами гостиницы громоздится туманный Лондон. Едва просматриваются высокие дома, шпили башен. Людей на тротуарах почти не различить — тени. Кажется, столица Англии живет под каким-то непроницаемым серым пологом.

В уютном холле гостиницы с картинами на стенах собрались русские летчики, только что возвратившиеся из Франции. Всем нетерпится скорее отплыть на родину.

— Когда же будет попутный пароход?

— Говорят, скоро. Запаситесь терпением.

— Сплю и вижу Петроград. Все нашенское, близкое, понятное.

— А мне снится Москва с Кремлем, златоглавая.

Капитан Крутень сидит за столом, скрестив руки на груди. Молодое лицо озабочено, в широко расставленных серых глазах сосредоточенность, раздумье.

— Господа, — произносит он чуть охрипшим голосом, — давайте обменяемся впечатлениями о французских делах. Ведь мы еще, по существу, не говорили об этом с глазу на глаз. Что кому запомнилось?

— Мне запомнилось, как отчисляли из отряда истребителей двух летчиков — офицера и нижнего чина, — начинает подпоручик Орлов. — Помните, какие были лица у изгнанных? Отчаяние, тоска, кажется, готовы на себя руки наложить. Выгнали за то, что сдрейфили в бою, бросили своих товарищей. А ведь хорошие были пилоты, сам командир говорил.

— И поделом, — вступает в разговор поручик Кежун. — Трусость непростительна для летчика, тем более истребителя.

— Ну это — редкий случай, — высказывает свое мнение штабс-капитан Барковский. —

Вообще-то французы — смелые воздушные бойцы. Меня поразили Гинемер, вы о нем слышаны. Небывалой храбрости пилот, гроза бошей. Три раза его сбивали немцы. И знаете, что его спасало?

— Знаем: собственные подтяжки, — бросает кто-то реплику.

Летчики смеются от души.

— Между прочим и подтяжки, — продолжает Барковский. — Гинемер крепко привязывал себя к сиденью ремнями, мало того, подтяжками. Подбитый самолет сажал, где придется, разбивал, конечно. Но сам не вылетал из кабины, как баба-яга из трубы. А у нас, особенно на "блерио", летчик старается до приземления выброситься из кабины.

— Знать, крепкие самолеты у французов, если выдерживают такие удары, — замечает кто-то.

— Нет, друзья, не все аппараты крепкие, особенно устаревшие, — замечает Евграф Николаевич. — Как-то в эскадрилье Брокара мне предложили полетать на "ньюпоре".

Внимательно проверил его и вижу: мотор изношен, крылья кое-как залатаны, ручку управления заедает. Нет, думаю, на таком "гробу" не полечу. Отказался. На следующий день на этом аэроплане вылетел француз и разбился, не дотянув до линии фронта. Жаль парня, царство ему небесное.

— Заметили, как французы любят расписывать свои самолеты? — доносится из угла чей-то голос. — На фюляже или на крыльях у них намалеваны дракон, голова индейца, волк, сокол и прочее. Зачем?

— Для устрашения врагов, — шутит поручик Кежун. — Завидев оскаленную пасть дракона, боши с перепугу поворачивают назад.

— Эти картинки — символика, и очень важная, — возражает Орлов. — Их можно видеть только на аппаратах асов. Уже одним своим видом такие самолеты бросают противнику вызов. Хорошо бы и вам, Евграф Николаевич, нарисовать на своем что-нибудь, ну скажем, русского витязя в боевом шлеме.

— Подумаю, — серьезно отвечает Крутень. — Однако мы с вами обходим молчанием главное — тактику истребителей авиации, воздушный бой. Согласны ли вы с маневрами, которые предлагает в сводке Монгабриель? Думаю, у нас найдутся и свои мысли. Надо трезво, критически оценить то, что мы видели, а также присвокупить свой опыт.

Завязался деловой разговор. Слушая товарищей, Евграф Николаевич кое-что записывал в тетрадь. Ему предстояло сдать в Управление военного воздушного флота отчет о командировке группы летчиков.

Все сошлись в едином мнении, что истреби гель должен стремиться первым увидеть противника. Это — половина успеха.

— Летчик, безусловно, должен видеть все кругом себя, — как бы отчеканивает каждое слово капитан Крутень, — особенно бросаясь в атаку. Надо сохранить спокойствие, чтобы не фиксировать свой глаз на противнике, но и "видеть свой стабилизатор", как говорят французы. Можно выразиться даже так: от истребителя требуется недюжинная способность иметь глаза и сзади.

Потом Крутень напишет в своей брошюре "Воздушный бой":

"Сближаться для производства самой атаки надо незаметно для противника, то есть преимущественно сзади, пользуясь лучами и ослеплением солнца, со стороны, которую противнику естественно считать наименее угрожаемой. Надо всегда перед атакой быть выше противника насколько возможно — желательно на 500—1 000 метров. Это дает быстроту налета, внезапность и огромное моральное преимущество. Эта высота значительно уменьшает вероятность неприятельской внезапной атаки... Бросаясь в момент окончания подхода и начала атаки на противника, надо стремиться стать в мертвом конусе его обстрела. Если же это не удастся, то подходить фигурно — спираль, петли, скольжение..." Затем Евграф Николаевич добавит, что маскироваться можно и в облаках.

А пока разговор в холле лондонской гостиницы продолжается.

— Ваше мнение: с какой дистанции эффективнее открывать огонь из пулемета? — спрашивает Крутень, оглядывая товарищей.

Раздаются возгласы:

— Чем ближе — тем лучше! Наверняка сразишь врага.

— Не менее ста метров, я думаю.

— Это как придется — в бою не сразу рассчитаешь расстояние.

— Наш опыт, да и опыт французов, — развивает мысль Крутень, — утверждает, что надо подойти к противнику на минимальную дистанцию и только тогда открывать огонь в упор. Многое зависит от быстроты наскока. Начальная дистанция может быть от тридцати до ста метров. Но тут есть возможность столкновения с неприятельским аппаратом, потому что летчик увлечен стрельбой и может не заметить опасности. Значит, надо оставить время — какие-то секунды, — чтобы увернуться. У меня был случай, когда я чуть не наскочил на аппарат немца. Спасло то, что мой самолет спланировал на спину.

Профессиональный разговор увлекает всех. Быть может, впервые летчики серьезно задумываются о тактике истребительной авиации. Евграф Николаевич заставляет соратников думать, к тому же хочет проверить свои, выношенные, мысли...

До глубокой ночи в его номере гостиницы горел свет. Капитан быстро набрасывал на бумаге то, что уже отлилось в неоспоримые правила, советы, наставления. Сколько же приемов воздушного боя подсказывала жизнь! Крутень записывал:

"Рекомендую при атаке со стрельбой сверху проскакивать перед противником — впереди его носа, так как тогда дольше можно стрелять с естественным упреждением, облегчая попадания, а кроме того, благодаря приобретенной скорости, легко его опередить. Но здесь надо учесть возможность сломать аппарат при резком переходе".

"Бросаясь сверху, предпочтительнее всего прямое отвесное пикирование, так как это дает максимальную скорость наскока, но иногда хорошо соскользнуть на крыло, если превышение

невелико, или снизиться штопором, вводя противника в заблуждение, если он подает признаки, что уже видит опасность".

Положив ручку, Евграф Николаевич встал из-за стола и сделал несколько шагов по комнате. Он вспоминал свои воздушные схватки с противником. Тогда тактика боя только еще намечалась. Постой, как это было с ним?

...Он атакует "альбатроса", заходя слева и справа. Наконец выпускает последний патрон. Немецкий самолет шатается, как пьяный, не умеющий найти дорогу, он подбит, но все-таки тянет на свою территорию. Тогда он делает вид, что хочет таранить противника, чего немцы боятся, как огня. Это действует на пилота "альбатроса" отвлекающе, и тот сажает самолет на нашей территории, попадает в плен.

Крутень знал, что к такой угрозе прибежали и другие летчики — Козаков, Зверев, Янченко. Стало быть, это жизненный прием, его тоже надо занести в рекомендации молодым летчикам. Евграф Николаевич снова взялся за перо и записал мысль о том, что летчик, поймав противника под снап обстрел, должен приложить все искусство и хладнокровие, чтобы не выпустить его из захвата, пока не будет израсходован последний патрон. Оставшись без патронов, следует имитировать стремление таранить противника, что может его вынудить к посадке на нашей территории.

Крутень смежил веки, и перед ним в воображении Петр Николаевич Нестеров. Память о нем жива, нетленна. Он первым совершил таран и погиб, вероятнее всего потому, что неточно рассчитал удар сверху по "альбатросу". Сказались усталость предыдущих дней, неважное самочувствие. Это бесспорно. Но за прошедшие военные годы никто из летчиков не решился пойти на таран, израсходовав все патроны. А ведь должен быть возможен таран, при котором таранящий летчик останется цел и невредим и посадит свой, пусть пострадавший, аппарат на землю! Крутень верит в это.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — отозвался капитан.

— Это я, Евграф Николаевич, — сказал, входя, поручик Орлов. — Вижу, вы трудитесь. Сон нейдет? Не помешаю?

— Нет, садитесь. Кстати и поговорим откровенно. Мне кажется, мало мы еще учитываем данные противника и не всегда верно выбираем способ атаки. Надо знать, с кем имеешь дело, то есть личность противника. Ас? Истребитель? Разведчик? Хороший пилот? Моноплан, биплан, многоместный аппарат? А вооружение противника? Все эти данные следует держать в голове, это очень важно для выбора способа атаки. Как вы думаете?

— Безусловно, важно, — ответил Орлов. — Иначе можно и самому влипнуть, как муха в кипящие щи.

— Верно. Вот послушайте, что я записал об атаке один на один с одноместным истребителем моноплана: "Пикировать с высоты камнем вниз в ста — четырехстах метрах сзади за хвостом немца, выворачиваясь штопором на его направление, и выровнять на высоте противника, подходя к нему сзади или лучше немножко ниже, укрываясь от его взора его стабилизатором, и аккуратно выпускать патроны. Если противник не заметил, то его участь априори решена..." Крутень посмотрел на собеседника ожидающе, спросил:

— Вы, Иван Александрович, не хуже меня знаете воздушный бой. Что вы могли бы дополнить к способам атаки?

— Что мог бы дополнить? — повторил Орлов, наклоня голову с четким пробором волос. — Пожалуй, вот что. Выбирать положение для атаки надо такое, чтобы противнику трудно было заметить вас, например, когда он занят управлением самолета. Начать петлю и кончить ее переворотом через крыло следует под вражеским аппаратом. Тогда враг непременно потеряет вас. Находиться под противником надо так, чтобы он не видел вас, не мог прицеливаться. Если атакует один самолет, то переходить в штопор, а если группа — уйти, проделав фигуру "падение мертвого листа"...

— Дельно, Иван Александрович, дельно, — одобрил Крутень.

— Могу и такой совет высказать: свалиться сверху камнем, пикируя на немца спереди и с одного бока, например с левого, подвернуть, сделать с правой стороны переворачивание и снова стать под немцем, прямо под брюхом, поднимаясь свечой, или снизу и немного сбоку, противоположного тому, где проделано переворачивание. Это требует очень хорошего, прямо

гениального летания, но, мастерски выполненное, собьет с толку летчика и наблюдателя и даст возможность долго и спокойно расстреливать его...

Деловой разговор двух великолепных русских военных летчиков в преддверии новых боев на своем фронте помогал обоим осознать истинные условия победы. Евграфу Николаевичу нравился подпоручик Орлов, еще совсем молодой человек, в недавнем прошлом — студент Петербургского университета. На военную службу он поступил добровольно, страстно мечтая стать летчиком, и добился цели. В возрасте двадцати одного года он уже командир отряда истребителей.

Орлов заметил на столе несколько номеров журнала "Нива", сборник товарищества "Знание". Перехватив заинтересованный взгляд подпоручика, капитан Крутень объяснил:

— Не удивляйтесь. Взял с собой эти русские издания, и с удовольствием читаю, когда есть свободное время. Люблю все, где описывается настоящая жизнь, без прикрас, еще в кадетях пристрастился.

— И кого же предпочитаете из нынешних авторов?

— Интересен Куприн. Читали его "Поединок"?

— Да, читал.

— Правду-матку режет, — воодушевился Евграф Николаевич, — о нас, военных. В самом деле, какую безотрадную картину армейской жизни изобразил Куприн, отхлестал господ-офицеров за наши извращенные понятия о чести, нелепые увлечения, кастовую замкнутость, высокомерие. Один поручик Ромашов — светлое пятно. Но знаю, писатель Куприн влюблен в авиацию, летчиков ценит, сам поднимался в воздух...

Орлов неожиданно спросил:

— А вы, Евграф Николаевич, довольны своей судьбой?

— Прежде всего, я против такого толкования, будто судьба — нечто, не зависящее от нас, но властвующее над нами. Каждый сам выбирает себе дорогу, цель и борется за нее, утверждает себя в жизни. Есть люди, которые не в силах преодолеть преграды, покорно опускают руки, считая их "перстом судьбы". Мне с ними не по пути. Я выбрал судьбу офицера, военного летчика и ею доволен, как ни тяжела она. А впрочем, у всех нас нынче одна судьба, жестокая, военная. И у вас тоже, подпоручик Орлов.

— Да, и у меня тоже, — согласился Орлов. — А могло сложиться иначе. Мог бы окончить университет, стать чиновником какого-то там класса. Но авиация! Она затащила меня в свои сети, из них не вырвешься, да и не хочу вырываться.

— Вот и я тоже, Иван Александрович. — Крутень положил руку на плечо товарища. — Тихая, спокойная жизнь не для нас с вами. Будем продолжать свое дело.

— Будем.

В другом же номере гостиницы несколько летчиков перемывали Евграфу Николаевичу косточки. Один из них возмущался:

— Вчера возвращаюсь поздно вечером после свидания с прелестной Джойс. Прихожу, и надо же, в коридоре сталкиваюсь с капитаном, не спится ему. Посмотрел на меня и говорит: "Вытрите губную помаду со щеки. Едва на ногах держитесь. Что подумают о нас, русских летчиках, иностранцы?" Я выпалил: "Вы, капитан, много на себя берете. Я — не мальчик, вы — не гувернантка. В свободное время что хочу, то и делаю. Мы не на аэродроме".

— И он что ответил? — интересуется кто-то.

— "Верно, я не гувернантка. Но на правах старшего делаю вам замечание. Совесть должна быть у каждого. Завтра на аэродроме у англичан наши вылеты. В каком состоянии вы будете?"

Повернулся и ушел.

— Да что мы — монахи, что ли? — поддерживает обиженного другой летчик. — Кто не пьет? "Питие есть радость на Руси", — мудро заметил кто-то. Вон французские асы летают к своим "маренам" на аппаратах, когда из-за погоды нет боевых вылетов. Это я точно знаю. Вряд ли во время свиданий отказываются от бургундского или бордо.

— Но надо отдать им должное, на аэродроме — ни капли спиртного, — иронизирует кто-то.

— А мне, господа, вспоминается один случай у нас в России. В разгар полетов к аэродрому подъезжает фэтон, а в нем два летчика-офицера с барышнями, пьяные в стельку. Решили покатасть их на аппаратах. Один из пилотов — грузинский князь, фамилию я запомнил. Дежурный по аэродрому говорит: "Нельзя сюда посторонним, к тому же вы пьяны, штабс-капитан". Тот на дыбки: "Ты еще сосунок, поручик, чтобы мне делать замечания. Я князь, а это

— мои друзья. Пусти к самолетам". — "Не пущу". Пришлось вызывать подполковника, тот едва уговорил гуляк поехать выспаться. Крутень не стал бы уговаривать — на гауптвахту посадил бы.

— А в самом деле, господа, это же безобразия: приехать с бабами на военный аэродром и пытаться покатасть их на самолете. С другой стороны, каждый день рискуем жизнью, хочется доброй чашей зелена вина встряхнуть душу.

— Странный образ жизни ведет Крутень, — продолжается "перемывание косточек" капитана. — Неужели его не интересуют ни женщины, ни вино? Ведь он, насколько я знаю, нормальный мужчина, крепок, любит спорт.

— Спартанец. Но зато и мастер воздушного боя. Какие фигуры проделывает в воздухе — залюбуешься. Не каждому из нас по плечу такое, особенно, когда голова трещит с похмелухи.

— Мне думается, братцы, выслуживается наш капитан, в Наполеоны глядится, карьеру делает.

— К нему весьма благоволил великий князь Александр Михайлович. Но нынче, когда заведующий канул в Лету вместе с Николаем Вторым, как-то к нему отнесутся авиадарм и управление?

— Надо отдать ему должное, господа. Капитана Крутеня ценят в верхах за ум, инициативу и боевое искусство. Кто сравнится с ним? Разве что Александр Козаков, тот уже наколотил полтора десятка немецких самолетов. Да ведь этот штабс-ротмистр только и делает, что летает и сбивает, а Крутеня перебрасывают с места на место: то испытывать самолеты, то организовывать новые отряды, то пожалуйте за границу.

— Ну вот уже и дифирамбы запели. Только круто он берет, хочет сделать из нас летающих бесполок манекенов...

Бесконечно долгим кажется Крутеню ожидание парохода в Россию. Свободное время проходит в раздумьях. Бродит ли он по улицам Лондона, стоит ли в музее, сидит ли с книгой, мысли его возвращаются к одному и тому же — положению дел в отечественной авиации. Ему кажется, что русские летчики недостаточно осмысливают суть и значение своей профессии. Много пересудов, правдоподобных рассказов и небылиц о боевой работе, но нет общности, нет злободневных знаний. Все врозь. А ведь люди думают, работают, многих волнуют одни и те же вопросы.

Давно поговаривают в авиационных кругах о том, что нужен хороший авиационный журнал. Все ждут его появления, но ни один пилот пока ничего не пишет, каждый ждет от соседа. А ведь кто как не сами летчики могут по-деловому рассказать о своем опыте. Надо заставить их говорить. "...Очень часто, даже всегда, от нашей необщительности, халатности к полученным из опыта знаниям, даже мелочным на первый взгляд, зависит не только наша жизнь, но наша честь русского летчика", — так напишет он в задуманной им статье "Что думалось в Лондоне". Кроме того, Крутеня огорчает поведение многих соратников, пристрастных к вину, женщинам, картам, бесцельно прожигающих свою жизнь и тем самым наносящих вред авиации. Поэтому он прямо, без обиняков выскажется в той же статье: "Наши летчики, как мотыльки, беспечно порхающие с дерева на цветок, а летчик — с аппарата к женщине, от женщины на бутылку, потом опять на аппарат, потом на карты. Отжарил боевой полет в хороший день и брюшко вверх. Вне полетной — работы нет".

Евграф Николаевич знал, что некоторые пилоты будут недовольны его прямой и резкой критикой, что есть у него враги, старающиеся опорочить его деятельность. Пусть их! Он пойдет в бон против расхлябанности в армейских рядах без оглядки, с открытым забралом. Можно же все повернуть по-новому, переделать, освежить! "При русской натуре, товариществе и самоотверженности, которые обычно заглушаются распушенностью... можно достичь еще лучших результатов..."

И опять думы об авиационном журнале. При помощи журнала можно будет многое уяснить в летном деле. "А то пока мы, как древние, узнаем все с языка да на собственной спине или на гибели товарища, в которой каждый немного виноват нашей необщительностью, шутивным отношением к серьезному делу, обладающему такой будущностью и красотой".

Беспокоили мысли и о судьбе России. Как там на Родине? Как идут дела после отречения царя от престола? Как армия? Царский строй смела могучая волна революции. Крутень словно слышал тысячеголосые крики: "Долой царя и самодержавие!", "Да здравствует свобода!",

"Разорвем цепи рабства!" Триада "За веру, царя и отечество" отлетела, как шелуха. Только отечество, одно лишь оно, повелевало теперь чувствами и думами истинных патриотов. А война? Она по-прежнему продолжается. Керенский, ставший во главе Временного правительства, подтвердил прежнее: война до победного конца. Но когда же будет конец великой битве народов? Уже ползут слухи о братании русских и немецких солдат, много случаев дезертирства из русской армии. За всем этим видится что-то новое, неведомое. Но одно знает Евграф Николаевич: Россия" любимая до боли, родная Россия, вечна, какие бы перемены не происходили. Не пропадет, не сгинет она. И снова до рассвета сидел за столом в своем номере лондонской гостиницы капитан Крутень. Он дописывал работу "Воздушный бой". Вся она была устремлена в будущее.

В заботах о боевой авиагруппе

Сойдя с корабля на петроградскую землю, Евграф Николаевич испытал безмерную радость возвращения на Родину. Кажется, не месяцы, а годы пробыл на чужбине. Во Франции и Англии, занятый делами и заботами, он не замечал течение времени, не скучал так сильно, как другие, по всему русскому. Теперь же, оказавшись дома, полностью отдался возвышенному чувству слияния с отечеством. С упоением, как музыку, слушал русскую речь. Хотелось проехать по необъятным просторам страны, пролететь над заснеженными полями, над городами и селами, над родной Украиной. И только мысль о войне, все еще грохочущей, наполняла тревогой. Да, война по-прежнему повелевала миллионами людей, скоро и его опять толкнет в сумасшедшую карусель воздушных схваток с вражескими самолетами.

Пока же у него есть несколько дней отдыха. Его доклад в Управлении военно-воздушного флота вызвал одобрение высокого начальства. Представленные рукописи будущих брошюр о тактике истребительной авиации прочитаны с интересом. "Напечатаем немедля, очень полезные работы и крайне нужные, — сказал полковник Яковлев. — Да вы, капитан, не только боевой летчик, но и теоретик. Скоро получите новое назначение, которое, надеюсь, удовлетворит вас". На родине Евграф Николаевич прежде всего решил посетить ставшую ему родной Гатчинскую школу военных летчиков, на что ему было дано согласие в УВВФ. Он приехал на Корпусной аэродром, и ему, по распоряжению Увофлота, предоставили самолет "Буазен IX".

Капитан Крутень выполнил пробный полет и убедился в устойчивости "буазена". Правда, длинная ручка управления все еще тяжеловата, надо прилагать силу, чтобы отклонять руль высоты. Но это не беда, сила есть. Конечно, хорошо бы полететь на "нюпор", да где его взять? Евграф Николаевич сидит в кабине "буазена". Одежда на нем необычная для пилота: черная дубленая шуба без погон. Стоит март, месяц еще весьма холодный, и тулуп надежно защитит от ветра, хотя пилотировать в нем будет труднее. На голове — обычный круглый шлем с очками. В кабину наблюдателя забирается механик самолета, и "буазен" поднимается с Корпусного аэродрома и берет курс на Гатчину. Расстояние небольшое — всего шестьдесят километров, около получаса полета. Чем ближе к Гатчине, тем большее волнение охватывает капитана. Здесь он впервые самостоятельно поднялся в небо, выполнил "мертвую петлю". Сколько радостей и тревог пришлось пережить! Именно здесь его судьба сделала крутой разворот, артиллерист Крутень превратился в летчика, накрепко прирос к авиации. Здравствуй, дорогая, забываемая Гатчина!

Хочется не просто приземлиться на родном аэродроме, а приветствовать авиационную школу необычным полетом, насколько позволит аппарат "буазен". Внизу уже летное поле. Крутень, действуя ручкой управления, энергично кладет самолет на крыло и начинает выполнять вертикальные виражи с креном аппарата 90 градусов. Заметил ли кто-нибудь там, внизу, гостя? Заметили. Выбегают люди из офицерского собрания, из штаба школы, смотрят вверх. Пусть смотрят пилотаж бывшего гатчинца. А он постарается затянуть как можно туже радиус виража. "Буазен" как бы вращается вокруг невидимой оси, быстро описывая хвостом ровные круги. Сделав четыре полных, замкнутых на 360 градусов виража влево, капитан легко и уверенно перекладывает аэроплан в правый крен. Один за другим следуют четыре виража вправо.

Некоторые внизу думают, что на этой "четырёхколесной телеге" такие фигуры выполнять невозможно. Возможно, вот вам доказательство!

Евграф Николаевич, заставляя самолет делать змейки, ведет его на посадку. Впереди угрожающе увеличивается в размерах здание офицерского собрания. Кажется, аэродрома уже не хватит для пробега после приземления, и "вуазен" врежется в стены дома. Но нет — самолет, как хорошо обьеженный конь, останавливается у самого офицерского собрания.

Евграф Николаевич неторопливо снимает с головы шлем и вылезает из кабины. Его окружают офицеры Гатчинской школы, летчики, механики, мотористы. Восторженно оценивают пируэты на "вуазене". Все знают капитана Крутеня, с симпатией смотрят на него, жмут руки. Он улыбается чуть смущенной улыбкой. Сыплются вопросы:

— Как там в заграницах? Здорово воюют наши союзники-французы?

— А англичане? У них тоже небось сильная авиация?

— Обо всем, господа, расскажу в докладе, — отвечает Евграф Николаевич. — Для этого и прилетел сюда.

Вечером весь постоянный и переменный состав школы собрался на доклад гостя. Небольшой зал офицерского собрания едва вместил людей. Из-за стола встал Евграф Николаевич, обвел взглядом светло-серых глаз собравшихся.

— Друзья, — начал он свое выступление. — Заранее прошу извинения за мою не слишком логичную и нецветистую речь. Я не оратор, не профессор, да и конспекта со мной нет. Буду, как умею, рассказывать о том, что видел за границей, что почувствовал, о чем думал там.

Впечатлений много, есть о чем поговорить.

Капитан Крутень подробно рассказывал о военной авиации Франции, о действиях крупных соединений — истребительных групп и эскадрилий, что позволило лишить противника преимущества в воздухе, одерживать победы на фронте у реки Соммы и в других местах. Крутень отметил, что у союзников много самолетов, причем современных, хорошо вооруженных и маневренных, таких, как "ньюпор" последнего выпуска и "спад". Там обстоятельно готовят летчиков, пропуская их через школы высшего пилотажа, воздушного боя и стрельбы. Однако много пилотов гибнет от огня немецких самолетов и наземных огневых средств. В использовании истребительной авиации во Франции имеются грубые ошибки. Французы, за редким исключением, признают только подавляющее численное превосходство, лишь при этом условии решительно вступают в бой. У них принято постоянное барражирование, иначе говоря, патрулирование над своими войсками. В глубь территории противника французские летчики не особенно стремятся проникнуть.

— И вот, когда сравниваешь действия наших летчиков с французами, — говорил Евграф Николаевич, — то приходишь к выводу: русским летчикам мало чему можно научиться у иностранцев. Никто не смеет нас упрекнуть в плохой работе, у нас только не хватает хороших, надежных самолетов.

Офицеры внимательно слушали капитана, смотрели на него с любопытством, удивляясь его простоте, раскованности, но вместе с тем отмечая, что он держится с большим достоинством. В нем чувствовалась спокойная уверенность в себе, какая-то внутренняя сила, одаренность истинного авиатора.

— У нас в России уже давно началось создание истребительных отрядов, — продолжал Крутень. — Теперь пора перейти к созданию на всех фронтах авиационных групп. Словом, лед тронулся. Нам позарез нужны хорошие одноместные истребители — монопланы. Только одноместные. Если вы посадите в самолет-истребитель наблюдателя, то это будет уже не истребитель — он потеряет скорость, высоту, скороподъемность и, самое главное, маневренность. Я на таком двухместном истребителе летать не стал бы и уж во всяком случае побоялся бы подставить врагу свой хвост даже с наблюдателем. Незащищенный хвост самолета может быть успешно прикрыт другим истребителем. Короче говоря, я за действие пары истребителей как тактической единицы. Один — ведущий, другой — ведомый. Эта же пара должна сохраниться и в групповых боях. Тогда можно рассчитывать на успех.

Капитан на минуту умолк, обдумывая дальнейшие мысли. Он заметил напряженное внимание летчиков, их одобрительные взгляды, заинтересованность. И еще спокойнее и увереннее продолжил:

— Девизом истребителя должна быть только атака. Атаковать неприятельские самолеты всегда и везде! Я уверен, друзья, что опасность воздушного боя вам кажется в сто раз больше

действительной. Да, да, в сто раз! Если летчик обладает умением хорошо пилотировать аппарат, метко стрелять, если он атакует противника дерзко, смело, изобретательно, то победа за ним. Это бесспорно. Если же ты трус, сидишь в кабине" вцепившись в ручку управления, и боишься наступать — ты обречен и станешь легкой добычей противника...

На следующий день Евграф Николаевич возвратился в Петроград.

Кажется, Крутень должен был быть доволен, миссия его за рубеж прошла удачно, получил одобрение в верхах. Но полного удовлетворения не было. Он ясно осознавал, что после исчезновения великого князя ничего не изменилось в стиле руководства русской авиацией. Остались та же рутинная, преклонение перед всем иностранным, прежде всего французским. Конечно, пребывание летчиков во Франции, отчасти в Англии, принесло пользу. Узнали достоинства и недостатки союзников, в особенности преимущества использования в боях быстроходных, маневренных истребителей. Но на этом можно было и остановиться. Однако в верхах продолжали расшаркиваться перед границей.

Капитана Крутень ошеломило решение военного министерства пригласить на русский фронт группу французских летчиков. Это уже ни в какие ворота не лезло! Возмущенный летчик гневно и прямо написал в своей статье "Нашествие иноплеменников":

"У нас всегда зовут... варягов... Что же будет теперь, когда в самом деле появится отряд истребителей из 16 летчиков, среди которых верно есть хоть один да порядочный, да еще на лучших, чем наши, аппаратах — "спад", с которого довольно просто сбивать неподготовленных немцев? Они с места наколотят немцев, тогда французов превознесут, а русские летчики, летая на отрепьях, будут стирать с себя новые плевки начальства.

Ведь перед французами будут расшаркиваться и предоставлять им все, а на русских будут покрикивать и ставить им в пример французов".

Как бы в подтверждение этих горьких слов газета "Русское слово" 12 апреля 1917 года сообщила, что в Киев прибыла группа французских летчиков и для оказания "должной братской встречи" городская дума ассигновала 10000 рублей. Так расшаркивались перед иностранцами... Зато какой гордостью звучали слова капитана Крутень: "Мы в технике уступаем, но в работе боевой никакие французы не смеют сделать нам упрека".

Прямота и резкость суждений не нравилась, конечно, бездарному руководству авиацией. Но Крутень не мог вести себя иначе. Истина, страстное стремление усилить русский военно-воздушный флот были для него всего дороже. Он шел своим тернистым путем... И с ним не могли не считаться в верхах — он был слишком заметной фигурой в боевой авиации.

На звонок открыл сын Каролины Карловны Вадим, мальчик лет двенадцати-тринадцати.

— Мама, кто к нам пришел! — восторженно прокричал Вадим и бросился обнимать Евграфа Николаевича.

— Кто же это пришел к нам? — раздался из комнаты голос Каролины Карловны. Она вышла в прихожую, увидела старшего сына, удивленно всплеснула руками, заспешила к нему, протягивая руки. Он сделал шаг ей навстречу...

— Сынок мой, Графчик, — взволнованно шептала Каролина Карловна, трижды порывисто целуя его. — Боже, какая радость! Я извелась, гадая, где ты, что с тобой? Ну раздевайся, милый, снимай шинель. Вадим, помоги ему.

Шинель снята с Евграфа Николаевича, и Вадим тут же надевает ее, а на голову нахлобучивает армейскую фуражку.

— Я похож на доблестного капитана русской армии? — смеется мальчишка, лицо его сияет.

Усадив сына на кушетку, Каролина Карловна садится рядом с ним.

— Ну рассказывай, рассказывай. Ты из-за границы? Где побывал?

— Да, только что вернулся. Был во Франции и Англии, — говорит сдержанно Крутень, глядя перед собой. Он взволнован встречей с матерью, хочет скрыть волнение.

— Ну и как там у французов и англичан? Тоже воюют? А у нас что творится. Ты, конечно, знаешь. Как же теперь без государя-императора? Неужели конец Романовым?

— Конеч! В других странах обходятся без царя, обойдемся и мы.

— Ты против государя?

— Что говорить, мама. Так народ распорядился. Вы живете в Петрограде, все видели сами.

— Видела толпы со знаменами, слышала их крики: "Долой самодержавие, да здравствует свобода!" Все рушится, Графчик, будто при землетрясении. Как теперь жить? Надежно ли Временное правительство?

— Кроме Временного правительства есть еще и другая сила — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Слышала о таком? Между ними идет борьба за власть, за влияние на армию, и неизвестно, кто возьмет верх. О царе теперь и не вспоминают.

— Ах, как же это так? — Каролина Карловна смотрит на сына расширенными глазами. — Ведь мы верили в него, пели "Боже, царя храни". Казалось, все так прочно.

— Верили, — жестко сказал Евграф Николаевич. — Были как слепые, теперь открылись глаза — правду увидели.

— Скажи, Графчик, скоро ли конец войне? Может, помиримся с Германией?

— Конца войны не видно. Нам говорят: сражаться до победы. Что-то должно произойти.

— Но что?

— Не знаю, мама, но чувствую, что-то важное. Все полетит к чертям в тар-тарары.

— Страшно становится, сынок. — Каролина Карловна сжала руку Крутеня. — Давай о тебе поговорим. Как ты жил эти годы? Редко пишешь, о себе ни слова.

— Что писать? Воюю. А жил, как все живут на фронте. Конечно, трудно, иногда нестерпимо, но я офицер, командир части, должен являть пример.

— Наверно, ранен был?

— Нет, Бог миловал.

— Это так опасно — летать под пулями врага. Опаснее, чем на земле? Правда?

— Что поделаешь, мама, сам выбрал себе такую стезю. Завтра опять на фронт.

— Полковник Клименко тоже на фронте. По за тебя я больше боюсь. Береги себя, милый.

— Прошу вас, Каролина Карловна, больше не запрашивать обо мне. Это неудобно.

— Ну вот, опять Каролина Карловна! Мама я тебе, мама!

В разговор вмешался Вадим:

— Расскажи, братец-капитан, о своих воздушных боях. Как немцев колошматил?

— Малыш, — Крутень рукой притянул его к себе. — Не так это просто. — Иногда и меня колошматили.

— Красивый какой! — Вадим осторожно тронул Георгиевский крест на кителе Евграфа Николаевича. — С белой эмалью и золотом.

— Ну хватит, Вадик, — остановила его мать. — Дай нам поговорить о серьезных делах. Сынок, когда видел Наталью в последний раз?

— Давно, когда был в Киеве по служебным делам.

— Пишет она?

— Редко, по нескольку слов.

— Видно, хорошая девушка. Жениться бы тебе на ней.

— Когда? — горько улыбнулся Крутень. — Война не дает передышки. Да и время ненадежное. Стукнет пуля — и останется молодая вдова. Лучше уж одному.

— Не говори так, милый, — истово перекрестилась Каролина Карловна, — не накликай беду.

— Я не суеверен.

— Давай обедать. Водочки выпьешь чарку?

— Я не пью, мама.

— Так и ни капли?

— Ни капли, дал зарок.

— Ну и молодец.

15 марта 1917 года в Управлении военно-воздушного флота капитану Крутеню было вручено распоряжение:

"Ввиду предстоящего назначения вас командиром боевой авиагруппы Юго-Западного фронта, предлагаю вам отправиться в распоряжение инспектора авиации Ю.-З. фр."

Итак, снова Юго-Западный фронт, знакомый по прежним боям.

Каким он представляет себе авиационную группу?

На этот счет у него сложилось давнее и твердое убеждение, высказанное им в брошюре, только что изданной в Петрограде.

Сильная авиационная группа должна быть создана для безусловного и решительного подавления воздушного противника на самом важном участке фронта, где намечается наступление русских войск. Крутень воочию убедился во Франции, на Сомме и под Верденом, насколько эффективна концентрация сильной авиации, которой даны все средства. Хорошая истребительная группа должна иметь в своем составе восемь истребительных отрядов, по двенадцать летчиков в каждом. Именно так сделано у французов. Но у них самолетов — хоть отбавляй. А в России, где аэропланов сравнительно мало и которая живет в основном щедротами союзников, можно остановиться на шести отрядах, даже хотя бы на четырех. Главное — дать на формирование истребительных групп все самое лучшее. Евграф Николаевич мысленно слышит возражение: "Где мы возьмем столько лучших самолетов и лучших летчиков? В каком положении окажутся остальные авиаотряды?" И тут же отвечает: "Ничего не поделаешь — надо раскошелиться, если мы намерены создать сильную истребительную группу. Она во главе с командиром будет подчинена непосредственно только заведующему авиацией армии, которая бросает ее порознь или в одно общее место всего русского фронта для абсолютного подавления воздушного противника. Так было в прошлом году под Луцком, когда наши истребители подавили немцев".

Задачи истребительной группы весьма сложные, из них постоянные таковы:

Завеса из патрулей для охраны боевой линии от пролета неприятельских летчиков.

Охрана корректировщиков по специальному вызову в тех местах, где несется патрульная охрана.

Привходящие задачи можно изложить так:

Снижение неприятельских воздушных шаров.

Разведка истребительными патрулями в три-четыре аппарата отдаленного пункта.

Сопровождение своего разведчика-тихохода тремя-четырьмя истребительными аппаратами.

Есть еще задачи исключительные. Это — связь со своими оторвавшимися частями войск, бросание запи-сак и припасов, расстрел заведомо скопившихся резервов противника, ночная охрана районов, но только, от цеппелинов.

У капитана Крутенья все продумано до мельчайших деталей. Отряды группы базируются в одном месте, за серединой обслуживаемого фронта в 25–40 верстах от боевой линии, обязательно у железнодорожной станции, чтобы они быстро снабжались бы всем необходимым и перебрасывались в случае надобности в другие места. Все это и многое другое четко изложено в работе "Создание истребительных групп в России", но Евграф Николаевич знает, что ему предстоит отстаивать свои планы в вышестоящих военных инстанциях... Косность и недопонимание все еще бытуют, несмотря на ощутимые удары, нанесенные войной.

Капитан Крутень прибыл в канцелярию инспектора авиации. Совсем недавно здесь восседал и правил делами военно-воздушного флота великий князь Александр Михайлович. Ныне за столом августейшего сидит бывший есаул 5-й Кубанской казачьей батареи Ткачев. Блестящую карьеру сделал этот военный летчик, бывший командир 20-го авиаотряда. Он сбил всего лишь один неприятельский самолет, совершил несколько разведок, но всегда мог подать свои боевые дела как наиважнейшие, нахрабрейшие. Умел должным образом польстить великому князю, получить в период боев отпуск в Сочи ввиду "переутомления и нервности, не позволившей мне совершать полеты". Неудивительно, что в 1916 году он был назначен инспектором авиационных частей Юго-Западного фронта. Казачьи войсковые звания отброшены, ныне он подполковник, а позднее приказом по армии и флоту будет назначен авиадармом и произведен в полковники.

Крутень по-строевому докладывает о прибытии. Ткачев невольно встает с кресла и протягивает пришедшему большую тяжелую руку. И весь он, широкоплечий, тяжелый на вид, довольно высокий, со светлыми усами на лице очень смахивает на казачьего старшину. В осанке его, в движениях чувствуется властность, соответствующая высокому чину, перенятая у великого князя.

— Садитесь, капитан, — говорит Ткачев, изучающе.

глядя на Евграфа Николаевича. — Вовремя приехали. У нас тут горячие дела. Первая истребительная группа уже задействована, там верховодит штабс-ротмистр Александр Козаков, гарный рубака, вы его знаете. Ухлопал больше десяти немецких аппаратов. Ну и подчиненные у

него стараются. Надеюсь, и вы, капитан, покажете свою лихость. Как мыслите организацию своей второй истребительной авиагруппы?

Крутень излагает свои планы, наметки.

— Прежде всего договоримся, — перебивает его Ткачев, — четырехотрядную группу мы создать не сможем — не хватит ни летчиков, ни аэропланов. Сами знаете, какое трудное положение с этим делом. Остановимся на боевой группе из трех отрядов. Что еще вас особенно волнует?

— Летный состав группы, — говорит Крутень. — Истребительные отряды формировались у нас в прошлом году скоропалительно. Часть летчиков в них совершенно не удовлетворяют своему назначению: ни по характеру, ни по летной подготовке, ни по способу работы.

— Что же вы предлагаете, капитан? — шевелит бровями Ткачев.

— А вот что: всех неподходящих летунов немедленно перевести в другие отряды, не требующие от летчиков большого сердца и способности и любви к акробатическому летанию.

— Большого сердца? — иронически улыбается подполковник. — Это вас занесло, капитан. Как тут выяснить, какое у пилота сердце и насколько сильна любовь к воздушной акробатике? Эти качества — дело наживное.

— Тут я могу поспорить. Но пойдем дальше. Всех отобранных летчиков для быстрого прохождения краткого курса акробатического летания необходимо отправить в Москву или в ту школу, где обучают на "ньюпорах". Там же должны побывать и командиры отрядов, поочередно. Полезно будет почитать переводы французских инструкций для истребителей, устроить беседы с нашими авиаторами, что побывали за границей, А по окончании краткого курса обучения — обязательно экзамены.

— Да, размах у вас грандиозный. Аппараты тоже потребуются наилучшие?

Крутень хмурит брови, в его голосе решительность, настойчивость:

— Надо будет собрать все аппараты истребительного типа — "спады" и "ньюноры" одноместные, а также "мораны" с пулеметами.

— Вернее — не собрать, а отобрать, а еще вернее — обобрать другие отряды, — смеется Ткачев.

— Понимаю, это у нас самое больное место. Тут есть резерв. Следует ускорить доставку новых аппаратов, прибывающих из-за границы в наши северные морские порты. Там, на складах, самолеты простаивают по два-три месяца, тогда как морем идут всего двадцать дней.

— Над этим стоит подумать, — соглашается Ткачев. — Но многие ваши требования придется урезать. Такова обстановка на фронтах, тем более на главном — Юго-Западном. Я уповаю на лихость и отвагу наших пилотов. Недавно один французский военный высказался: "Русские летчики — это рыцари воздуха без страха и упрека". Это, брат, ценное признание.

Внимательно выслушав подполковника, Евграф Николаевич возразил:

— Одного мужества и отваги недостаточно для летчика-истребителя. Нужны еще мастерство, умение грамотно пилотировать самолет и метко стрелять, знание тактики. Вам это понятно, вы же летчик.

— Это мне ведомо, господин капитан, — сухо откликнулся Ткачев. — Я сам еще в прошлом году сочинил книгу "Материалы по тактике воздушного боя"... Итак, за дело. Истребительная группа должна быть сколочена в самый кратчайший срок. О размещении группы, работе штаба поговорим потом...

Аудиенция окончена. Евграф Николаевич встал со стула.

Вдруг Ткачев, как бы спохватившись, задал вопрос:

— Да, забыл спросить, капитан, как там, во Франции, прошло ваше учение? Поднабрались ума-разума?

— Есть кое-что поучительное, но не все. Не все. Перенимать целиком опыт французской авиации не следует. В Петрограде напечатаны мои опусы на сей счет.

Ткачев усиленно двигает бровями, морщит лоб:

— Вот даже как? Почитаем, почитаем, что вышло из-под пера Крутенья-теоретика. Нам присылают полные отчеты о действиях французских летунов — это не ново.

В глазах инспектора авиации Юго-Западного фронта вспыхивают какие-то острые, волчьи огоньки, но лишь на мгновение, и снова на лице любезность. "Почему он так недоброжелательно смотрит на меня? — подумал Евграф Николаевич. — Загадка".

— Итак, за дело, капитан. Желаю успехов.

Пряча глаза, Ткачев встает, его массивная фигура нависает над Евграфом Николаевичем и тяжелая, широкая ладонь крепко жмет его руку.

Отпустив летчика, подполковник достает из ящика стола давно прочитанные им работы Крутеня.

— Ишь, теоретик нашелся, — бормочет он. — Воевать треба, а не сочинять.

Тем не менее следует распоряжение о формировании второй боевой авиагруппы. Для 3, 7 и 8-го корпусных отрядов, которые должны составить ядро авиасоединения, вызываются лучшие летчики.

Юго-западный фронт

Аэродром у деревни Плотычи под Тарнополем (ныне Тернополь. — Е. С.) Здесь отныне базируется 2-я боевая истребительная группа. С летного поля доносится рокот моторов — самолеты выстраиваются по линейке. Летчики ждут командира группы капитана Крутеня. Некоторые знают его лично, иные слышали о нем как о смелом и искусном истребителе, имеющем на своем счету несколько сбитых немецких самолетов. Имя аса стало почти легендарным.

Евграф Николаевич входит в помещение штаба, строгий, озабоченный, подтянутый. На нем черная кожаная куртка с бархатным воротником, на голове фуражка, как всегда слегка набекрень и чуть примятая с боков. Мягкий овал лица, припухлые губы выдают его молодой возраст. Сегодня у него ответственный день — вступление в командование авиагруппой, знакомство с летчиками и наблюдателями. Воплощается в жизнь задуманное. Правда, не так как хотелось бы, как должно было быть. Но ничего не поделаешь — обстоятельства... Робости и сомнения у Евграфа Николаевича нет — надо последовательно, строго направлять боевую работу авиационной группы, добиваться предельной слаженности, четкости в действиях ее отрядов. Задачи ему ясны.

Капитан садится за стол, обращается к адъютанту группы летчику-наблюдателю Федорову:

— Итак, поручик, машина начинает вертеться. Вы у меня — правая рука. В штабе необходим образцовый порядок, дела должны вестись аккуратно, приказы отдаваться своевременно. Мы, штабисты, обязаны быть примером для всех. Это очень важно. Сегодня какое число?

— Девятнадцатое апреля, господин капитан, — уважительно отвечает адъютант.

— Пишите: приказ номер один по второй боевой авиационной группе от 19 апреля 1917 года. Сего числа я прибыл и вступил в командование группой. Основание: телеграмма инспектора авиации Юго-Западного фронта номер двести двадцать тысяч сто восемнадцать. Подпись: командир группы военный летчик капитан Крутеня. Записали?

— Да, сейчас быстро отстукаю на "Ремингтоне".

— Это очень хорошо, что владеете пишущей машинкой, — заметил Крутеня. — За нее мне тоже пришлось "воевать". Так просто ничего не дается.

Через несколько минут приказ отпечатан, и Евграф Николаевич подписывает его.

— А теперь пойдем знакомиться с летчиками, — встает капитан Крутеня. — Запирайте дела на замок.

Они приходят на аэродром. Апрельский день пронизан солнечными лучами, слепяще вспыхивают металлические части на аэропланах, ровно выстроенных на красной линии. Евграф Николаевич, жмурясь от солнца, шагает твердым, пружинистым шагом. Немного отстав от него, идет поручик Федоров. Они подходят к строю летчиков и наблюдателей.

— Здравствуйте, боевые друзья! — бодрым голосом весело произносит командир, оглядывая строй.

— Здравия желаем, господин капитан! — слитно звучит в ответ.

— Сегодня я вступаю в должность вашего командира. Думаю, нет необходимости подробно растолковывать наши задачи, для чего мы все собрались здесь, под боком у фронта. Идея создания мощной истребительной группы давно зрела в умах и сердцах многих русских авиаторов, кому приходилось встречаться там (капитан поднимает руку вверх) с противником.

Мы должны усвоить главную задачу авиагруппы — везде находить и уничтожить воздушного врага. От нашей активности зависит успех широко задуманной операции фронта. Каждый обязан проявлять отвагу, активность, сноровку, выкладываться до последней возможности, не забывать и о товарищеской вырубке. Так за дело, боевые друзья!

Летчики расходятся по своим отрядам.

На завтра назначается построение авиаспециалистов в полном составе для опроса претензий. "Кому положено, — говорится в приказе № 2, — должны быть при оружии и все солдаты — с записными книжками. Порядок построения: 3, 7 и 8-й отряды".

...Капитан Крутень выходит к строю авиаспециалистов, приветствует солдат и, выслушав многоголосое "Здравия желаем", тепло, задушевно начинает:

— Я собрал вас здесь, чтобы поговорить о нашей совместной работе. Летчики не могут побеждать противника без вас, надежных помощников. В ваших руках техника. От вашей добросовестной работы зависит безотказность аппаратов в воздухе. Как подготовлен самолет к бою — так он и будет действовать. Откажи, к примеру, мотор — летчик не выполнит задания, а может, и погибнет. Откажи пулемет — немец удерет безнаказанно. Помните всегда об этом, выполняйте свой долг истово, с полным знанием дела и ответственности. Требую от вас крепкой дисциплины...

Солдаты внимательно слушают капитана, на их лицах — одобрение.

Сразу же развернулась боевая работа. Крутень требует от подчиненных бдительности, решительных действий. Он следит за подготовкой к боевым вылетам в отрядах, дает указания летчикам о способах атаки. На деле оживают его тактические приемы, со всей тщательностью и полнотой описанные им.

Капитан сам часто вылетает на выполнение боевых заданий. На фюзеляже его "нюпоры" теперь нарисована голова русского витязя в боевом шишаке. Эта эмблема напоминает о богатырской удали наших предков, защищавших Русь от иноземных захватчиков. Когда летчики видят в воздухе самолет Крутенья, вместе с ними выполняющего боевое задание, их сердца наполняются дерзостью, решимостью побеждать врага во что бы то ни стало.

О своих боевых вылетах командир группы пишет в приказах скупое, немногословное. В приказе № 10 от 28 апреля 1917 года записано: "Произвел сего числа полет между 18 и 20 часами с целью воздушной охраны по маршруту Тарнополь — Куровка — Езерна — Зборов — Плотычи. Самолет № 1033 "бэбэ", тип XII, мотор Клерже 110. Высота 2000 м, прод. полета 1 ч. 30 м".

Больше никаких подробностей — летчик не встретил противника.

Когда же группа откроет боевой счет? Евграф Николаевич вовсе не стремится обязательно сам сбить первый немецкий самолет. Пальма первенства может принадлежать любому. Важнее всего положить начало. Однако, к великому огорчению капитана Крутенья, пилоты, вылетающие для воздушной охраны разведчика, патрулирования над полем боя и встречавшиеся с противником, пока что не сумели уничтожить ни одного вражеского аппарата, давали противнику скрыться. А ведь среди этих авиаторов были опытные бойцы, настоящие истребители. В чем дело? Причина командирова ясна.

...Евграф Николаевич быстро входит в комнату штаба группы. Там находится только один ефрейтор-связист.

— Где поручик Федоров? — спрашивает Крутень.

— Они просили передать вам, что заболели и не могут сегодня прибыть на службу, — бойко отвечает ефрейтор.

— Что случилось?

— Простудились, господин капитан.

"Делать нечего, — думает капитан, — напишу приказ от руки, да простит мне вышестоящее начальство". Лист бумаги быстро покрывается строчками — почерк простой, крупный, стиль строгим, деловой:

"За последние дни летчики группы имели много столкновений в воздухе с противником, но результатов никаких нет, хотя, пока немцы летают в одиночку и на большой высоте, условия самые благоприятные.

Если аппараты и летчики не готовы к бою, то незачем и вылетать для встречи с немцами, которых такие результаты лишь ободряют. А если истребитель готов, то надо вести бой решительно и упорно.

Кроме того, необходимо подходить к противнику на близкую дистанцию и бить в упор. Выбор маневра для подхода меняется, но в итоге надо стрелять вплотную, будь то сверху или снизу. Стрельба дает результаты лишь с 50 метров и ближе. Над своей-то территорией всякий аппарат должен вступать в бой с противником. А истребитель предназначен истреблять воздушного противника где он есть, а уж над своим расположением обязан лихим, спокойным маневром сблизиться на верный выстрел в упор. Безрезультативность боев десяти летчиков приписываю главным образом большой дистанции боя.

Необходимо также тщательно отрегулировать пулеметы. В управлении группы есть пулеметчик старший унтер-офицер Степанов, хорошо знакомый с типом "люиса"..."

Подписав приказ, Крутень отдает его связисту:

— Немедленно передай в отряды телефонограммой.

Через несколько дней в новом приказе командир группы лаконично повторяет свое требование: "Еще раз подтверждаю, что истребители должны уничтожать в воздухе противника не только над своей территорией, но там, где он находится".

На фронте быстро узнается о том, что происходит в соседних частях и подразделениях. О победах первой боевой авиагруппы и прежде всего ее командира штабс-ротмистра Александра Козакова ходят легенды. 4 мая он сбил лихой атакой немецкий самолет, немного погодя вместе с Аргеевым сбил "бранденбург", взяв в плен летчика и наблюдателя. Эти вести будоражат Евграфа Николаевича. Командование обязательно будет ставить в пример штабс-ротмистра. А у его летчиков что, кишка тонка? Капитан не верит в это. Секрет в боевом напряжении, целеустремленности, непреклонной настойчивости в схватках с врагом и, конечно, в умении...

Раннее майское утро. "Ньюпор" Крутень барражирует над расположением наших войск. Высота — 3000 метров. Внизу видны извилистые линии окопов, огневые позиции батарей. По проселочным дорогам к фронту движутся колонны пехоты, на рысях спешат кавалерийские эскадроны. Вдали четко обозначаются кварталы Тарнополя. Капитан зорко осматривает воздушное пространство. Неужели и сегодня ему не встретится противник? Пли немцы каким-то образом чувствуют, что их в таком-то районе подстерегает русский истребитель? Ерунда, фантазия! Смотри, смотри зорче, прощупывай небосвод с его разорванными облаками. Возвращаться на аэродром еще рано, в баке есть горючее, мотор работает исправно. И не ослабляй внимание, враг может появиться неожиданно. Он должен появиться! Германское командование настойчиво требует от своих пилотов разведывательные данные о передвижении русских войск. "Альбатросы", "фоккеры" и "бранденбурги" стремятся проникнуть на нашу территорию то в одном, то в другом месте.

"Терпение, терпение", — убеждает себя Крутень. Его самолет описывает широкие круги, заходит за облака, снова появляется внизу. Как охотник выслеживает добычу, так и летчик выискивает цель. Но где же ты, осторожный немец?

Очевидно, терпение всегда вознаграждается, а страстное желание сразиться так или иначе осуществляется. Вдалеке показалась черная точка, которая стала быстро увеличиваться в размерах. Сомнения нет — это был самолет противника, кажется, разведчик "бранденбург". Он летел под нижним ярусом облаков — осторожный, осмотрительный. Наверное, и фотоаппарат уже включен.

Как свалить иноземного разведчика? В памяти Крутень начали вспыхивать способы атаки такого самолета, их было много. Но прежде всего надо набрать высоту, чтобы оттуда соколиным броском ринуться на противника, зайти ему в хвост, подобраться к его брюху на короткую дистанцию и ударить по самому уязвимому месту.

План атаки созрел мгновенно. Прикрываясь облачностью и восходящим с востока солнцем, капитан набрал высоту и оказался над немецким аппаратом. Весь этот маневр был выполнен так быстро, что враг ничего не заметил. Или самолет ведет неопытный пилот, или наблюдатель потерял бдительность, целиком поглощенный фотографированием? А что если попробовать на этот раз ударить сверху? Ведь важен результат. Спокойно, сосредоточенно капитан сблизается с противником. Когда до него остается не более пятидесяти метров, замечает, как быстро поворачивается в его сторону вражеский пулемет "бранденбурга" — немцы наконец-то

заметили атакующий "нюпор". Прицеливается по головной части самолета и дает длинную, точную очередь. Немецкий разведчик начинает падать...

"Нюпор" с нарисованным на фюзеляже русским витязем опускается на аэродроме авиагруппы. Его окружают летчики, авиаспециалисты. В их глазах безмолвный вопрос: "Ну как? Сбил?" Евграф Николаевич снимает с головы шлем.

— Сбил, сбил. Но победа досталась легко, без борьбы. Подкараулил и расстрелял. Попался, видно, совсем зеленый юнец.

— Все равно, счет открыт, — радостно жмет руку командиру поручик Федоров. — Поздравляем.

В этот же день Евграф Николаевич отправил в канцелярию заведующего авиацией и воздухоплаванием телеграмму:

"Сегодня в 7 ч. 50 м. мною на высоте 4000 м настигнут немецкий самолет, разведывавший в районе Тарнополя. После первой атаки он стал падать. Отвалилось крыло, и самолет воспламенился, ударившись о землю в районе нашей деревни Выбудов. Крутень..."

С этого дня все поворачивается по-иному. Летчики авиаотрядов, входящих в истребительную группу, как бы воодушевленные примером своего командира, не только обращают в бегство немецкие самолеты, но и начинают уничтожать их. Пилоты, почувствовав в себе силы, сражаются умело, яростно, бесстрашно. Счет уничтоженных вражеских аппаратов растет. В перерывах между боевой работой летчики учатся. Капитан Крутень приезжает в авиаотряды, контролирует учебу пилотов. Он замечает нарушения правил стрельбы из пулеметов, что небезопасно для окружающих, и ставит на вид командирам отрядов, требуя строгой дисциплины и в этом виде подготовки к боевым действиям.

В группу приходят молодые летчики, только что окончившие авиационные школы, не имеющие офицерского звания. Командир тепло встречает их, беседует с ними о тактике истребительной авиации, показывает, как надо вести воздушный бой, применять приемы высшего пилотажа. Прибывших недавно пилотов 7-го корпусного авиаотряда младших унтер-офицеров Сергея Котова, Алексея Севастьянова и Яна Садовского Крутень своим приказом, данным командиру правом, производит в старшие унтер-офицеры на имеющиеся в отряде вакансии. Повышены в званиях авиаспециалисты Хитров и Степанов.

Не остаются без внимания командира авиагруппы и политические события, происходящие в стране и армии после февральской революции. Он понимает, что народ, пострадавший под самодержавным гнетом, хочет обрести подлинную свободу и равноправие. Эта жажда устройства новой жизни вылилась в создание полковых комитетов.

Евграф Николаевич сочувственно относится к требованиям и запросам летчиков, механиков, мотористов, простых людей из народа, приходит на собрание личного состава, созданного для выборов в групповой комитет. Собрание протекает бурно, в спорах, разногласиях. Есть среди спорящих и социалисты, и анархисты, и кадеты, и представители других партий. Многие до конца не осознали смысл революции, не раскусили политику Временного правительства, ратующего за войну до победного конца.

В групповой комитет избираются от офицеров подпоручик Линчевский из 8-го отряда, штабс-капитан Гринцевич из 3-го отряда. От солдатской группы — Иван Спатарель, Федор Корзов, Антон Лацис, Николай Кржевецкий, Макар Игнатов, Филипп Лучко и Авраам Дягель. Капитан Крутень приветствует избранных и желает им успешной работы.

Кадровое офицерство из дворян недоброжелательно относится к выборам комитета.

— Дорвались до власти, лапотники, — злобно произносит один из них. — Честь офицера не позволит мне подчиняться им.

— Вы ничего не поняли в том, что происходит сейчас, — отвечает ему Евграф Николаевич. — Лозунг "Свобода, равенство, братство" для них не пустой звук. Народ хочет осуществить его...

Между тем боевые действия на фронте продолжают. Надо сдерживать натиск кайзеровских полчищ.

В один из нелетных майских дней капитан Крутень собирает командиров отрядов, чтобы поговорить о боевой работе. Его требования всегда ясны, четки.

— Необходимо строго придерживаться установленной очередности в выполнении боевых вылетов, — говорит он спокойно, рассудительно. — Дежурство по охране аэродрома должно начинаться в четыре часа утра, а сопровождение разведчиков — с пяти тридцати. И еще хоч

вам напомнить: если один аппарат выбывает из строя, надо немедленно принимать меры, чтобы задача была выполнена другим самолетом отряда или даже другим отрядом, докладывая, в случае необходимости, мне для распоряжения. У нас единая боевая семья, одна цель. Надо выручать друг друга. И еще хочу обратить ваше внимание на телефонную связь. Она должна действовать непрерывно. Между тем в третьем и восьмом отрядах это правило плохо соблюдается. Дежурство у телефонов установить непрерывным, от четко действующей связи тоже зависит наш успех.

Пора начинать воевать по-новому, отделаться от старых, порядком устаревших приемов, — продолжает Крутень. — Догадываетесь, что я имею в виду? Да, действия наших истребителей парами. Я давно высказывал эту мысль, но она не встретила поддержки. Вам, опытным боевым командирам, должно быть ясно преимущество пары перед разрозненными единицами. Первый атакует, второй прикрывает его с хвоста от неожиданных нападений. Ну, естественно, и сам не упускает случая нанести удар. Парой легче свалить "фоккера" или "альбатроса": один атакует слева, другой — справа. В таком случае внимание неприятеля рассеивается, и ему не сдержать нашего натиска. Хотелось бы услышать ваше мнение.

Командиры отрядов задумываются.

— Слов нет, — говорит подпоручик Свешников, — действия парами создадут определенное преимущество. Надо приучать к этому наших летчиков. Первым идет опытный летун, вторым — молодой. Постепенно они привыкнут друг к другу, появится слетанность.

— Правильно, — поддерживает Свешникова поручик Кежун. — Но на отработку слетанности потребуется немало времени. Новое быстро не приживается.

— Давайте начнем сразу же, — решает Крутень. — Результаты сами собой скажутся.

Одержана очередная победа. Командир авиадивизиона отправляет Ткачеву телеграмму: "24 мая в 8 ч. 30 м. командир авиагруппы Крутень атаковал корректирующий неприятельский самолет, летевший на высоте 2000 м в р-не Маркопол — Боткув. Противник отстреливался, стал уходить в свое расположение. Крутень отскочил, стал заменять расстрелянную обойму и в то же время был атакован сзади этим же самолетом. Когда смена обоймы была закончена, противник был далеко над своим расположением. Капитан Крутень при спуске на свой аэродром заметил сигналы, указывающие появление трех неприятельских самолетов. Несмотря на то что бензина оставалось очень мало, начал преследовать и нагнал один из самолетов в районе Марианка. Так как бензин кончился, наш отважный летчик на планировании произвел атаку неприятеля, который все время отстреливался. В результате летчик неприятельского самолета был тяжело ранен. Наблюдателю удалось довести самолет до земли, который перевернулся в нашем расположении у деревни Марианка..."

На Юго-Западном фронте меняется обстановка. Видимо, немцы, догадываясь о готовящемся наступлении русских войск, замышляют контрудар. В воздухе появляется все больше вражеских самолетов, и не только одиночных, но и группами. Они ведут разведку, действуют настойчиво, несмотря на большие потери. Командир истребительной группы Крутень, бывая в отрядах, не устает говорить своим летчикам об изменении обстановки в воздухе, призывает подчиненных сражаться бесстрашно и умело, пресекать попытки "фоккеров", "альбатросов", "бранденбургов" прорываться в наш тыл, фотографировать военные объекты, бомбить войска и города. Порой речь капитана становится горячей, страстной, он изменяет своей привычке быть всегда спокойным, уравновешенным.

— Противник пускается на ранние подлости. Раньше он травил нашу пехоту хлорпикрином, ныне участились случаи бросания им с аэропланов бомб с удушающими газами. Это мерзко, бесчеловечно, весь мир осуждает действия варваров. Я отдал приказание командирам отрядов озаботиться немедленно получением противогазов. Все должны их иметь с собой на всякий случай.

Летчики внимательно слушают командира, им передается и его возмущение, и его боевой порыв. На картах противника район действия 2-й авиагруппы начинают очерчивать красным карандашом, что означает зону особой опасности.

Крутень доволен действиями командира 7-го корпусного авиаотряда подпоручика Александра Свешникова, с которым стажировался во Франции, подружился. В одном из недавних полетов подпоручик точным маневром, внезапной атакой со стороны солнца сбил немецкий самолет.

Тот упал между окопами пруссаков и русских. Наши пехотинцы сумели вывести с нейтральной полосы вражеский аппарат.

Хорошо, активно действуют и подчиненные Свешникова. Отменную боевую выучку показывает прапорщик инженерных войск Иван Спатарель. 25 апреля, во время патрулирования, он выследил самолет противника в районе Тарнополя. Набрав высоту 3000 метров, Спатарель сначала атаковал сверху, потом зашел немецкому аэроплану в хвост. Все время меняя направления атаки и уходя от ответного огня неприятеля, он сильно повредил "альбатрос". Немецкому летчику пришлось посадить его. Этот воздушный бой был отмечен приказом.

Особенно радует командира боевой авиагруппы то, что его идея полета и атаки истребителей парой становится реальностью. Преуспевают в этом деле летчики 30-го отряда, которым командует поручик Хорунжий. Крутень и Хорунжий — давние товарищи по фронту, служили вместе во 2-м истребительном авиаотряде. Поручик прекрасно освоил тактику воздушного боя, умело учит летному мастерству своих подчиненных, в большинстве новичков, недавно окончивших военную авиационную школу.

Среди них выделяется смелостью и искусством пилотажа прапорщик Борисов. Как-то вечером над аэродромом он выполнил подряд две классических мертвых петли на "Ньюпоре XI". Атакуя противника, он старается зайти со стороны солнца, действует напористо, дерзко и добивается успеха. В одном из боев Борисов сумел незаметно подойти к немецкому "альбатросу" и с первого же захода нанес по нему меткий удар. Сильно поврежденный самолет противника опустился на нашей территории.

Однажды прапорщик Борисов вылетел на боевое задание в паре с Мульковым. Летчики заметили появившийся из-за линии фронта немецкий разведывательный самолет, который направлялся в район села Маневичи. Надо было немедленно преградить путь противнику, сорвать его планы разведки. Борисов и Мульков одновременно атаковали "альбатрос". Один зашел противнику в хвост, в мертвый конус, другой — сверху слева. Немецкие летчики отчаянно защищались из имевшихся на борту двух пулеметов. В основном огонь вели по самолету Мулькова. Но в это время Борисов несколькими прицельными очередями зажег "альбатрос". Немцы посадили свой аэроплан сразу же за колючей проволокой на своем переднем крае, и тут его накрыла наша артиллерия.

В другой раз Борисов пришел на помощь прапорщику Кострицкому в затяжном поединке с "фоккером". Оба буквально расстреляли вражеский самолет.

Боевую зрелость показывал унтер-офицер 3-го отряда Андреев. Однажды он догнал немецкий самолет, пролетевший над аэродромом авиагруппы, и завязал с ним бой. Немецкий самолет опустился у Волчеца. Летчик и наблюдатель успели сжечь свой аппарат, но были взяты в плен. Большинство новичков в авиагруппе — выходцы из народа. Они ни в чем не уступают дворянской знати, а во многом, особенно в моральном отношении, превосходят ее. Капитан Крутень возлагает на них большие надежды, именно в них видит будущее отечественной авиации. Вот они-то хорошо усвоили мысль командира о том, что в истребительной авиации пара, как тактическая единица, приносит большой эффект. Вылетая вдвоем, действуют слаженно, решительно, прикрывая друг друга.

Последние вылеты

Последние дни мая 1917 года. На фронте пока что затишье, если не считать стычек местного значения, артиллерийских налетов. Борьба в основном идет ввоз-духе. Самолеты обеих сторон стараются проникнуть в расположение противника, разведать его силы. Часто в небе завязываются схватки, тишину разрывают пулеметные очереди. Снизу кажется, что аэропланы пляшут друг возле друга в какой-то дикой пляске. С высоты вываливаются штопорящие или охваченные пламенем аппараты, падают на землю, взрываются.

Близится день решительных действий Юго-Западного фронта, так долго готовившегося наступления русских войск.

Евграф Николаевич весь в заботах о своей авиационной группе, в собственных вылетах. Напряжение — огромное, но молодой организм крепок, привык к невзгодам. За командиром тянутся подчиненные. Крутень не говорит им красивых, пышных фраз о долге, о необходимости мстить "кровожадному и ненавистному врагу". Суровое противостояние противнику стало смыслом их трудной, полной лишений фронтовой жизни. Истребительные отряды несут потери. Гибнут летчики, выходят из строя самолеты. На смену им присылают новых бойцов, новые аэропланы. В авиагруппе появляются, кроме французских аппаратов, отечественные: "Сикорский-16", "Моска-Быстрицкий". Крутень с горечью думает о том, что если бы раньше, в начале войны, нет, даже до войны, военное руководство сделало бы ставку на отечественные самолеты и моторы, насколько успешнее можно было бы воевать. Дорого обошлась военной авиации России ориентировка верхов на иностранную технику. Но так или иначе, надо переучивать пилота на новые машины. Почти каждый прибывающий самолет Евграф Николаевич сам опробывает и дает ему оценку.

В один из последних майских дней командир авиагруппы вызвал к себе в штаб командиров отрядов. Обсуждался вопрос о том, как быстрее вводить в строй молодых, вновь прибывших летчиков взамен погибших и раненых. Крутень внимательно выслушал помощников, сам изложил свои мысли. У него нет командирской спесивости, как бывает у некоторых воинских начальников, предпочитающих лишь строгие приказы. Командир авиагруппы любит советоваться с соратниками, не считая, что от этого пошатнется его авторитет. Такая особенность капитана Крутенья по душе командирам отрядов, они чувствуют себя легко и свободно в его присутствии.

— Евграф Николаевич, — обратился к нему Свешников, — расскажите, пожалуйста, о вашем последнем бое, когда вы ссадили два немецких самолета кряду.

— Со всеми подробностями, пожалуйста, — добавил поручик Кежун. — Случай-то это небывалый, всему фронту на диво.

Капитан Крутень хотел было отвергнуть просьбу сослуживцев, он не любил рассказывать о своих победах, но, увидев крайнюю заинтересованность на лицах летчиков, решил удовлетворить их любопытство.

— Вы заставляете меня хвастать, друзья, — начал он. — Не хочу походить на барона Мюнхгаузена. Поэтому давайте лучше вместе разберем такую ситуацию. Вы вылетели в восемь ноль-ноль в район патрулирования. Высота — три тысячи метров. Солнце уже высоко, оно сзади и сбоку. Небо чистое, только по краям, над горизонтом, груды облаков. Ваши действия? Раздаются голоса:

— Осматриваться вокруг, нет ли поблизости немца;

— Искать противника, искать!

— Подойти поближе к линии фронта.

— Ждать, менять высоту!

Капитан Крутень подытоживает:

— Все правильно, так я и сделал. Но вот с территории противника летит "фоккер". Вы узнаете его по очертаниям, хорошо знакомым каждому. Летит на той высоте, что и вы, разве что немного ниже. Что будете делать?

Опять наперебой звучат голоса летчиков:

— Атаковать, немедленно атаковать, не дать германцу опомниться.

— Быстро набрать высоту и оттуда хлобыстнуть из пулемета.

— Спикеровать и пощупать у "фоккера" брюхо парой метких очередей, оно у него уязвимое.

Евграф Николаевич обводит глазами соратников:

— Конечно, каждый по-своему поступает, но от тактических приемов нельзя отмахиваться. Я прежде всего пытался разгадать, какие у противника намерения. Разведка? Желание сбить для счета русский аппарат? Осмотреть воздушное пространство, чтобы потом привести корректировщика артиллерии? Летел он уверенно, по всему было видно, что это не простой пилот, может быть, ас, с ним надо быть поосторожней. Решил: пусть поглубже втянется на нашу территорию, там посмотрим. Набираю высоту, чтобы оттуда начать атаку, вонзиться в противника. Видит ли он меня? Как дальше стали бы вы действовать?

— Начинать атаку, чтобы солнце было за твоей спиной, а немцу слепило очи.

— Вцепиться в "фоккера" зубами и не отпускать его.

— Оперезать противника, он же будет сопротивляться.

Крутень останавливает пилотов жестом руки:

— Начну с последней реплики. Пилот "фоккера" не только сопротивлялся, он сам напал, и приходилось маневрировать, чтобы не попасть ему на мушку.

— А что вы предприняли, господин капитан? — задал вопрос один из командиров отряда.

— После моей первой атаки сверху немец ушел переворотом через крыло и, выполнив крутой вираж, открыл по мне огонь. Противник оказался достойный, довольно хладнокровный и не трусливый. Кстати, я так увлекся атакой сверху, что чуть не налетел на "фоккер". Было бы два гроба.

— А дальше, что же дальше?

— Первая атака сверху не удалась, немца не сбил, а он стал тянуть на свою территорию. Как бы вы поступили дальше?

— Снова атаковать.

— Не дать уйти крестonosцу, бить его.

— Все так. Злость меня взяла. Неужели враг уйдет безнаказанно?! Выбрал момент для атаки, теперь уже снизу. Подвел "нюпор" на короткую дистанцию, прицелился, застрочил из пулемета, стараясь попасть в мотор. Кажется, атака удалась. "Фоккер" начал шататься, значит, пули попали в уязвимое место. Добивать его или заставить приземлиться у нас в тылу?

— Доконать, доконать, чтобы горел на земле!

— Лучше посадить — как-никак трофей.

— Да, так я и поступил. Прижал немца сверху, заставил повернуть на восток. Видимо, он боялся тарана и поспешно приземлился. А я сел рядом с ним. Ну вот, друзья, мы с вами и одержали победу. По вашим репликам видно, что и вы сделали бы то же, что сделал я.

— Ну а летчик? Кто он таков? — полюбопытствовал кто-то.

— Летчик оказался лейтенантом. Показал мне пробитый бензобак, поврежденный мотор, он боялся пожара или взрыва.

— Ну а второй "фоккер"?

— Со вторым почти такая же история. Стоит ли рассказывать? А то получится, как в русской былине: одним махом семерых побивахом.

— Нам интересно знать.

— Продолжайте.

— Ну ладно, — согласился Крутень. — Удивительные вещи случаются на фронте, никогда не знаешь, что произойдет через несколько минут, через час. Пока допрашивал пленного, в небе появился еще один "фоккер". Кружит над местом, где я приземлился, то снижается, то уходит в высоту, делает перевороты, петли, будто вызывает на бой. Какое решение приняли бы вы в такой ситуации?

— Тут надо подумать, — высказался один из командиров отряда. — Бензина в баке уже мало, патронов тоже. Стоит ли рисковать, снова ввязываться в драку?

— Риск, говорят, благородное дело, — заметил другой. — Ну мы то знаем, что Евграф Николаевич принял вызов немца.

— Да, я поднялся на своем "нюпоре" навстречу гостю. Очень уж хотелось наказать чужеземца. О том, что бензина и патронов у меня поубавилось, не думал. Решил: буду драться до последнего. Набрал высоту. Немец сделал вид, что уходит, но тут же развернулся и направил "фоккер" на меня, стреляя грассирующими пулями. Однако дистанция велика, попадание почти невозможно. Я атаковал сверху, дал две короткие, очереди — берег патроны. Немец сразу потерял высоту, ушел в сторону и — стреляет, стреляет. Маневренность у противника хорошая, ничего не скажешь. Крепкий орешек попался. Стал пытаться зайти мне в хвост...

Капитан Крутень замолк, но, собравшись с мыслями, продолжил:

— Помните, мы с вами разучивали такой тактический прием. Разогнать свой аппарат навстречу противнику, не доходя вертикали над ним, пикировать с поворотом на его направление и как бы оседлать его. Такой маневр я и проделал. Открыл огонь с близкой дистанции. "Фоккер" был поврежден. Однако его пилот пытался вырваться за линию фронта. Я не отставал от него, делал вид, что хочу таранить, и таранил бы, вынуди обстоятельства. Противник, видимо, это понял и приземлился вблизи первого самолета, а я за ним. Оказалось, это был командир эскадрильи, майор, а лейтенант — его подчиненный. Ну и хватит, друзья, об этом.

Командир авиационного соединения постоянно держит в поле зрения подготовку аэропланов к вылетам. Он регулярно обходит стоянки самолетов, спрашивает у механиков и мотористов, какие дефекты появляются, какие запасные части нужны. Нередко Крутень, заметив затруднение у какого-либо моториста, засучивает рукава и вместе с ним исправляет дефект. "Любит наш командир технику, знает ее на ять", — с гордостью говорят люди, готовящие машины к боевым вылетам.

Немалое внимание Евграф Николаевич уделяет своему "Ньюпору XXIII", с нарисованным на фюзеляже витязем. Машина командира должна быть образцом для остальных! Механик у него надежный — ефрейтор Матвеев, прекрасно знающий устройство мотора и самолета. Он неразговорчив, даже диковат на вид, но дело спорится у него в руках. И не было случая, чтобы в полете отказал хотя бы один агрегат или прибор.

Сегодня капитан застал Матвеева в состоянии крайней озабоченности. Фуражка сдвинута на затылок, пот льется по загорелой шее, по лицу. Заслышав шаги, он обернулся, чтобы приветствовать командира и снова принялся колдовать над расчехленным двигателем.

— Что, не лады в моторе? — спрашивает Крутень.

— Магнето не подчиняется, окаянное, — отвечает Матвеев, окая по вятски.

— Давай заменим на новое, — предлагает командир.

— Дело немудреное, да новое побережь надо. Ничего, я добыю и это.

— Ну смотри, тебе видней, — соглашается Крутень.

Через полчаса Евграф Николаевич возвратился на стоянку своего "ньюпора". Матвеев сидит в кабине самолета, мотор работает, и по звуку можно определить, что механик "добил магнето", дефекта как не бывало.

Ефрейтор вылез из кабины, доложил:

— Можно лететь, господин капитан.

— Спасибо, Матвеев, благодарю. — Крутень улыбнулся, а вот лицо Матвеева так и осталось хмурым — такой уж характер.

Нескончаемы заботы командира 2-й авиагруппы. Надо добиться того, чтобы всюду люди трудились на своем посту не за страх, а за совесть, чтобы не было ни одного изъяна в боевой работе. Происшедший недавно случай заставляет командира задуматься о караульной службе.

...Рядовой Еремей Огудин — своеобразная достопримечательность в строевой команде, охраняющей самолеты. Низкого роста, но широкий в кости, толстый, несмотря на тугое военное время, он неизменно обращает на себя внимание. Товарищи любят пошутить над ним:

— Слышь, Ерема, если немец пойдет на тебя в атаку и захочет, скажем, пырнуть штыком в живот? Что будешь делать?

— Обнаковенно, — отвечает Огудин.

— Как так обнаковенно? Немец длинный, ты до него не дотянешься своим трехгранным?

— А я прыгну на того супостата и откушу ему нос, — невозмутимо отвечает Огудин под общий хохот солдат.

— Дак как же так? Такого не может быть.

— А вот и бывает. У нас в селе лез на меня один здоровенный мужик. Я ему и откусил нос.

— А он что? Без носа так и остался?

— Сопилка у того мужика была большая. Половинка осталась при нем. Ничего, с ней и ходил.

— Как же тот мужик тебя не убил?

— Боялся, обходил стороной.

— Во какой Аника-воин у нас. Берегите, братцы, свои носы.

В светлых глазах Огудина пляшут хитрые огоньки. Он молодецки расправляет свои усы.

У Еремея две неистовые страсти: любит поесть и поспать. Есть он может сколько угодно, а спать — хоть сидя, хоть стоя, где попало.

— Главное твое оружие, Ерема? — спрашивают для смеха товарищи.

— Обнаковенно, — тянет солдат, хитро щуря глаза, зная, что ребята хотят позабавиться.

— Что обнаковенно?

— Главное оружие мое — ложка и котелок, — и он проворно вытаскивает из-за обмотки на ноге ложку и выстукивает по котелку, как по барабану, дробь.

Ночью Еремей Огудин был в карауле у самолета. Отстоял два часа, а на рассвете сморило, и он заснул, сидя на фанерном ящике в обнимку с винтовкой. Стоянка огласилась громким храпом.

Тут как раз дежурный по аэродрому прапорщик с двумя солдатами.

— Это что такое? — возмутился прапорщик. — Сон на посту?
— Погодите, господин прапорщик, — тихо попросил солдат. — Устроим Ереме спектакль... Втроем они оттащили легкий "ньюпор" подальше, за другие самолеты.
— Подъем! — закричал над самым ухом Огудина прапорщик.
Еремей вскочил, очумело глядя на проверяющих.
— Где самолет, рядовой Огудин? Немец угнал? Я видел: какой-то аппарат взлетел. Под суд пойдешь.
Огудин, напуганный до смерти, бросился на колени.
— Братцы, не губите христианскую душу. Помилуйте раба божьего Еремея.
— Обязанности часового знаешь? — строго спросил прапорщик.
— Знаю, ваше скородие, истинный Бог, знаю.
— А почему спишь на посту?
— Бес попутал, ваше скородие.
— Отсидишь на гауптвахте. А сейчас тащи самолет на стоянку.
Кряхтя и причитая, откуда только сила взялась, Огудин прикатил "ньюпор" на место.
Командир авиаотряда поручик Хорунжий вынужден был доложить об этом случае капитану Крутеню.
Евграф Николаевич тогда посмеялся. Он знал этого солдата. Но караульная служба его озаботила. Немцы могли забросить на аэродром лазутчика. А самолеты надо было беречь, как зеницу ока.

4 июня 1917 года Крутень получил телеграмму: "Начало будущей работы молодой авиагруппы ознаменовано блестящим подвигом славного боевого командира капитана Крутеня, под командой которого она успешно умеет конкурировать с 1-й авиагруппой, насчитывающей уже за собой около двадцати окончательных решительных побед. От души поздравляю капитана Крутеня. Ткачев".

Казалось бы, лестно получить такую похвалу от начальства, но она вызвала у Евграфа Николаевича чувство досады и неловкости, потому что не отражала сути дела. Почему сказано "будущей работы", когда группа действует, воюет уже третий месяц, да и отряды, входящие в нее, до этого имели немалый боевой опыт, победы? И опять же сравнение с 1-й авиагруппой, она подается как образец. Известно, что командир 1-й авиагруппы Козаков — любимец Ткачева, последний называет Козакова "королем воздуха", всячески прославляет. Но это — его дело. Капитан Крутень чувствует себя неловко и потому, что в телеграмме содержится похвала только в его адрес, а ратный труд командиров отрядов, рядовых летчиков никак не оценивается, будто они тут ни при чем. Крутень убежден в том, что какие подвиги ни совершали бы воздушные бойцы 2-й авиагруппы, они всегда останутся в тени. Таков подполковник Ткачев, перенявший склонность к интригам у великого князя Александра.

Вскоре в адрес Крутеня пришла вторая телеграмма: "Главкоюз приказал сердечно благодарить Вас за полное отваги дело и представить к награде. Степанов".

...Подполковник Ткачев нервно ходит по своему кабинету, заложив руки за спину, совсем не по-военному. На его лице горят багровые пятна. Он то и дело косится на стол, где лежит телеграмма из ставки Верховного главнокомандующего, полученная только что, 27 мая 1917 года. Кажется, слова этой депеши хлещут его по глазам, жгут душу. Ткачев бормочет: "Как узнали? Кто донес?" Он еще раз читает телеграфные строки:

"Начальник авиагруппы, приданной вашей армии, военный летчик капитан Крутень дважды, 18 и 24 мая, сбил аппараты противника, причем оба раза они упали на нашей территории. Между тем в ваших оперативных сводках об этих успехах выдающегося летчика не было упомянуто, и факт этот не попал в официальные сообщения Ставки. Прошу исправить это упущение дополнительным донесением в Ставку и в будущем в отделе "Действии летчиков" обязательно упоминать о всех успехах нашей авиации. Духонин".

Ткачев бросает телеграмму на стол, скрипнув крупными зубами. Да, это — шелчок по носу. Глупо, страшно глупо. Ему сделали замечание как неопытному мальчишке. За что? Он безупречно, верно служит отечеству, идеально руководит авиацией фронта. Подчиненные ему авиационные отряды и группы отважно сражаются с врагом, одерживают победы. Чего же еще? Правда, положа руку на сердце, исповедуясь перед самим собой, он может сказать, что недолюбливает Крутеня. Поэтому не включил в последнюю сводку дне его победы. Что такое

Крутень, кто такой Крутень? Появился этот молодой офицер-малышок и затмил своими деяниями многих и многих. Издает книжки! Эка невидаль!

А может быть, инспектор авиации видел в Евграфе Крутене соперника себе? А что? Узнало бы командование все отменные качества капитана — храбрость, ум, великолепное летное искусство, умение руководить, воодушевлять летчиков — и сказало бы бывшему казацкому старшине: освобождай-ка место, нас больше устраивает Крутень. Если это не так, то почему же тогда даже десятки лет спустя Ткачев в своих воспоминаниях (правда, не опубликованных) пытался умалить заслуги Крутenea, принизить значение его теоретических трудов, как устаревших, и в то же время превозносил собственную персону.

Время рассудило иначе. Евграф Николаевич Крутень остается крупной величиной в авиации, его заслуги перед отечеством, народом неоспоримы. Его соратники, его друзья написали о нем воспоминания, в которых воздали должное своему славному командиру, истинному рыцарю без страха и упрека, подлинному патриоту России. Среди этих людей А. В. Шиуков, И. А. Спатарель, Н. М. Брагин, Б. Н. Кудрин.

В своих неопубликованных заметках военный летчик Николай Михайлович Брагин рассказывает о том, что ему посчастливилось дважды летать с Крутением, который охранял его разведывательный самолет.

"В одном из полетов капитан Крутень сбил на моих глазах самолет противника. Заметив немца, Крутень атаковал его сверху, со стороны солнца. Две-три коротких очереди из пулемета, и мы увидели, как немецкий самолет стал падать..."

Через несколько дней, находясь на своем аэродроме (у деревни Денисувка) вблизи Тарнополи, и услышал короткие пулеметные очереди. Бой шел в стороне от аэродрома на высоте 2000–2500 метров. В синеве безоблачного неба, освещенного лучами солнца, трудно было различить самолеты, ведущие воздушный бой.

Через час на аэродром пришла радиограмма от капитана Крутenea с просьбой выслать в указанный им район самолет "вуазен" с баллоном горючего и "манголиной" (так назывался костыль самолета "Ньюпор XXIII" за его сходство с музыкальным инструментом). Кроме того, Крутень просил выслать санитаря с перевязочными материалами. По приказанию командира авиаотряда я, несмотря на сильную болтанку, вылетел с санитаром в указанный район, где легко нашел два рядом стоящих на земле самолета. Один из них — сбитый немецкий аэроплан, рядом — самолет Крутenea со сломанным костылем и без капли горючего.

Пока санитар оказывал помощь раненым в воздушном бою немецким летчикам, мы с Крутением произвели ремонт его самолета. Сдав раненых в ближайшую воинскую часть, я вылетел на свой аэродром, а капитан Крутень, наполнив баки самолета бензином, вылетел в расположение своей истребительной группы".

Из воспоминаний военного летчика Алексея Владимировича Шиукова:

"Отправляясь на охоту, Крутень брал с собой одного-двух летчиков своей истребительной группы. И мне довелось несколько раз летать с ним в одном звене. Однажды, отбаражировав, Крутень должен был возвратиться на аэродром (кончилось горючее). В этот момент он увидел под облаками самолет с черными крестами на крыльях. Почти полностью был израсходован боекомплект. Но, превосходя противника по высоте, решил атаковать его на планировании, хотя бы с остановившимся мотором. Расчет оказался верным. Бесшум-во, камнем свалившись на врага, он метким выстрелом ранил пилота, заставив немцев приземлиться..."

Генерал советской авиации, в прошлом летчик 8-го авиаотряда Иван Константинович Спатарель в своей книге "Против черного барона" напишет:

"Крутень был душой авиагруппы. В черной кожаной куртке с бархатным воротником, он появлялся всюду — проверял подготовку к полетам, подсказывал, как лучше выполнить боевую задачу. Переучивая летчиков на "Ньюпоре X", он и сам летал на выполнение боевых заданий. На борту его машины была нарисована голова русского витязя в боевом шлеме. Лишь за один день 26 мая он сбил два самолета противника. Он давал указания перед полетом о способах атаки, секретах меткой стрельбы. Он был и теоретиком..."

В это раннее утро 6 июня 1917 года Евграф Николаевич вылетел на своем "Ньюпоре XXIII" сопровождать "вуазен", получивший задание разведать расположение вражеских войск, их передвижение.

Евграф Николаевич летел выше самолета-разведчика и немного справа. Привычная работа. Надо зорко оглядывать воздушное пространство, чтобы вовремя заметить опасность, пресечь попытки "фоккеров" подобраться к "вуазену". Любой ценой, даже собственной жизни, летчик-истребитель обязан защитить, сохранить разведывательный аэроплан, ибо данные разведки, запечатленные на фотопленке, помогут командованию фронта правильно спланировать операцию.

Весь он сосредоточен на выполнении боевого задания, напряжены зрение, нервы. Но все-таки нет-нет да и мелькнет в голове какое-то воспоминание, какая-то посторонняя мысль. Вдруг возникло в воображении пылающее лицо Наташи с повлажневшими блестящими глазами, распущенная черная коса и маленькие полудетские губы, страстно шепчущие: "Мой, мой!" Сколько любви, жажды счастья в этом единственном слове. Так было... Последняя встреча в Киеве перед отъездом на фронт. Два восторженных, неповторимых дня, проведенных в каком-то неистовом забытии, когда объятия почти не размыкаются. Разговоры обо всем, только не о будущем, оно по-прежнему в тумане. Как и всякая женщина, Ната мечтала о простом, человеческом счастье быть рядом со своим избранником, делить с ним радость и горе. Но только однажды вырвалось у нее из глубины души наболевшее: "Что будет с нами? С тобой? Со мной? Ну скажи, милый". Но что он мог сказать, когда впереди — новые испытания, новые бои, игра со смертью? Воспоминание об этом жжет его сердце. Уже на пути на фронт он обнаружил в кармане кителя тайно положенную туда Наташей записку и золотой крестик. В записке слова: "Ты должен выжить, родной мой, я верю в наше счастье. Я буду ждать тебя всегда, вечно".

Усилим воли Евграф Николаевич отогнал эти воспоминания. Но тут же вспомнил о предстоящем наступлении. Союзники — Англия, Франция, Италия, США — настаивали на скорейшем возобновлении военных действий на Восточном фронте. Однако для мощного наступления русской армии не хватало орудий, пулеметов, снарядов, самолетов и моторов к ним. Все это сказывалось на подготовке русских войск к наступлению. Вот и откладывалось оно из месяца в месяц...

А в это время на аэродроме вокруг солдата Емельянова, вернувшегося со станции, где отгружал запасные части для самолетов, собралась кучка солдат. Рядовой Емельянов заговорщицки, приглушенным голосом говорит:

— Ну, братцы, что делается у нас на фронте — батюшки!

— Да не тяни, солдат, рассказывай, — восклицает один из самых нетерпеливых.

— Все обскажу по порядку. Встретил на станции своего земляка, ранетого, службу нес в тринадцатом Финдляндском стрелковом полку, Георгиев на груди пара. Так вот, там пехтура отказалась выполнять приказы командования и лезть в пекло — то есть наступать.

— Не может быть, врешь ты, Емеля, — перебивает рассказчика кто-то. — Чтобы супротив начальства? Да за это ж под военно-полевой суд и — конец.

— Не знаешь — замолкни, — возмущается рядовой недоверием к нему. — Не хотят воевать солдаты. А про братание слышал? Кое-где батальонами, ротами переходят нейтралку, братаются — обнимаются с германцем, кричат: "Долой войну, давайте мириться, хватит, пролили, мол, кровушки народной". Да что там баить, землячок рассказывал, что отказались выдвинуться на передовую, считай, все части седьмого Сибирского корпуса.

— Врешь!

— Вот те хрест истинный.

— Дак что ж, стало быть, оголить фронт, а кайзеровские войска попрут на нашу землю?

— Ну стойкую, надежную оборону будут держать Как говаривают в пехоте: "Штык против немцев, приклад против внутреннего врага". Временное правительство клянут на чем свет стоит.

— Стало быть, братцы, мы тоже будем бастовать, не подчиняться приказу командира? — говорит кто-то вкрадчиво, с явным желанием посеять смуту.

— Ты командира не трожь, — отвечают ему. — Наш капитан знает, что делает. Он всюду будет с нами, несмотря что в офицерских погонах.

К группе солдат подходит унтер-офицер, летчик Иван Спатарель, чернявый, с зоркими, внимательными глазами. Он вслушивается в разговор и громко произносит:

— Вы меня знаете, я большевик. Наша партия говорит: мы не призываем к сепаратному миру с Германией, это клеветают на нас меньшевики да эсеры. Россия сможет добиться справедливого мира, если вся государственная власть перейдет в руки революционных Советов рабочих и солдатских депутатов. Это Ленин сказал, а Ленину надо верить. Недалек, братцы, тот день. Солдаты замолкают, один в раздумье говорит!

— Ленин... Оно, конечно. Ему верим.

"Ньюпор" Крутения ходит змейкой над "вуазеном". Евграф Николаевич видит, как наблюдатель пускает в ход фотоаппарат, зорко озирает землю слева и справа, высовываясь из кабины.

"Как долго длится это противостояние армий, — размышляет Крутень. — И как все устали, как всем хочется мира, покоя. Однако руки нельзя опускать. Кайзеровские войска, кажется, могут воевать десятки лет — так воспитаны, так настроены. Надо сдерживать их натиск, давать отпор. Нули врага, слава Богу, минуют до сих пор. Но кто знает, может быть, сегодня придет роковой час..." Что это, предчувствие? К черту его, он не верит в предчувствия, предсказания, приметы. И все же — вдруг... Ну что ж, значит, так тому и быть, война есть война.

В поле зрения Евграфа Николаевича попадает летящий ниже самолет, он плохо заметен на фоне земли. Это "фоккер". Немец быстро набирает высоту, направляясь к разведчику. Намерения его ясны — сбить "вуазен".

Крутень пикирует наперерез противнику. Пулеметная очередь отрезвляет пилота "фоккера", и он резко меняет курс. Капитан, не упуская из виду свой самолет-разведчик, набирает высоту и, сделав крутой вираж, атакует вражеский истребитель.

Завязывается бой. Кто кого? Враг знает, что уйти так просто ему не удастся. Подставить хвост этому "ньюпору" с нарисованным на нем русским витязем — значит быть сбитым. Имя некоего капитана Крутения наводит страх на немецких летчиков. Встретиться с ним в бою никто не желает.

Самолеты маневрируют, стараясь выбрать момент для решительной атаки. Но действия русского истребителя более энергичные, тактически верные, и он, зайдя в хвост "фоккеру", сражает его меткой пулеметной очередью. Аэроплан с тевтонскими крестами на крыльях рушится вниз...

Для охраны "вуазена" прилетает другой истребитель из 7-го авиаотряда. Капитан Крутень возвращается на аэродром в Плотычах.

К "ньюпору" подбегает командир авиаотряда подпоручик Свешников.

— Разрешите узнать, Евграф Николаевич, как прошел полет? — спрашивает он, видя, что капитан чем-то разгорячен.

Крутень не спеша вылезает из кабины "ньюпора", снимает шлем, отвечает:

— Сбил!

— Поздравляю с новой победой!

— Спасибо. Где летчики вашего отряда?

— Все выполняют задания. Один я недавно вернулся из полета — что-то случилось с мотором.

В это время к стоянке самолетов подбегает адъютант авиагруппы поручик Федоров.

— Только что сообщили: со стороны Зборова в наш тыл летит вражеский разведчик.

— Так, — произносит Крутень, положив руку на крыло аппарата. — Сейчас же вылетаю, надо перехватить немца. — И одним рывком забирается в самолет.

— Поворачивай винт, — приказывает он механику Матвееву.

— Не дело, Евграф Николаевич! — пытается остановить его Свешников, — надобно дозаправить самолет. Отдохнуть надо.

— Некогда, — отрицательно качает головой Крутень. — Каждая минута дорога. В баке есть еще горючее, и патроны еще остались.

И "ньюпор" уходит во второй полет.

Реквием героям

На аэродроме в Плотычах — тревожное ожидание. У всех одна и та же мысль: как там командир, что с ним, сумеет ли дотянуть до летного поля? Все уже знают, что капитан Крутень вылетел второй раз на перехват противника на своем "ньюпоре", не успев пополнить бак бензином, а пулемет патронами. Не оставалось для этого времени, надо было не упустить разведчика, вторгшегося в наш тыл. Обстоятельства сложились так, что только он мог в это утро преградить путь врагу. Только он.

— Рискует наш командир, ох как рискует!

— Да, все-таки нужно было дозаправить бак бензином.

— А немец в это время сделал бы свое дело и улепетнул.

— Возможно... но жизнь капитана дороже, чем сбитый германец.

— Больше всего я боюсь, что там не один "фоккер", а два или три. В каком положении окажется командир?

— Будет атаковать, все равно будет атаковать.

— Ведь случилось, что Крутень атаковал противника на планировании, когда было израсходовано горючее. И ничего...

— До поры до времени. Не всегда бывает везение.

Люди смотрят в высоту, напрягают слух. Не терпится увидеть "ньюпор" с нарисованным на борту русским воином в шишаке и кольчуге. Гнетет тяжелое предчувствие.

Вдруг чей-то резкий крик врывается в тишину, подобно взрыву гранаты:

— Крутень летит! Витязь возвращается!

— Летит! Летит! Ура! — уже не отдельный голос, а единый крик многих раскатывается над аэродромом.

Темная точка на горизонте увеличивается в размерах, обретает четкие очертания знакомого самолета. Мотор не работает. Всем ясно, что "ньюпор" планирует — кончилось горючее. Все ниже и ниже опускается самолет. Теперь видно, как он переваливается с боку на бок. Значит, нетвердая рука управляет им. "Командир ранен", — эта мысль пронзает всех. Все знают, как легко и красиво Крутень сажал планирующий аэроплан. Но до земли остается совсем немного. Кто-то выкрикивает: "Ну давай, дорогой наш витязь!"

...Евграф Николаевич возвращается в Плотычи. Скоротечный воздушный бой закончился в его пользу. "Альбатрос" рухнул вниз, объятый дымом и пламенем. Крутень истратил последние патроны в последней обойме. Теперь надо добраться до аэродрома, хотя он не очень-то близко и не так просто это сделать. Вражеская пуля засела в теле. В неистовом поединке он даже не почувствовал, что ранен. Теперь, когда напряжение боя слало, Евграф Николаевич ощущает сильную боль, липкую, пульсирующую кровь под рубашкой. Перед глазами стоит серый туман, предметы расплываются. Он стискивает зубы. До аэродрома совсем близко.

В баке давно не осталось ни капли горючего. Скорость планирующего самолета все больше падает, а без скорости трудно лететь. Наконец внизу аэродром. Капитан, как во сне, видит столпившихся у взлетной дорожки людей. Но ветер гонит вперед обессилевший аэроплан, и он оказывается за линией аэродрома. Сажать аппарат в поле — значит неизбежно сломать его. Дорога каждая машина. К тому же на глазах у товарищей допустить такую ошибку он не может. Ведь его считают асом, виртуозом пилотажа. Только бы не потерять сознание! Из последних сил Крутень выполняет крутой вираж. Нос "ньюпора" направлен на середину аэродрома. Еще немного, совсем немного!

Однако самолет уже не слушается ослабевшего летчика, а земля властно притягивает его тяжелую массу. Ручка управления выскользывает из рук. "Ньюпор" резко опускает нос и отвесно срывается вниз. Аэроплан, сделав один виток штопора, врезается в землю...

Люди, на глазах которых произошла эта нелепая катастрофа, оцепенели. Потом бросились к месту падения "ньюпора", извлекли из-под обломков безжизненное тело командира. Глаза его закрыты, на помертвевшем лице ясное выражение досады и удивления.

В книге приказов по 2-й боевой авиационной группе появляется приказ № 48 от 6 июня 1917 года. В нем говорится:

"Сегодня около 9

1

/

2

часов, возвращаясь с боевого полета, на крутом вираже с высоты 20–30 метров, потеряв скорость и перейдя в штопор, разбился насмерть командир авиагруппы капитан Крутень..."

В штаб авиагруппы приходят телеграммы и письма с выражением соболезнования по поводу гибели Евграфа Николаевича Крутень.

Телеграмма из Минска:

"От лица всех авиачастей фронта прошу принять наше искреннее и глубокое сочувствие в постигшей Юго-Западный фронт и родную боевую авиацию незаменимой потере в лице погибшего доблестного героя капитана Крутень. Прошу распорядиться о возложении на его гроб венков от всех авиачастей Западного фронта. Сабельников, Богдашевский".

Начальник полевого управления авиацией и воздухоплаванием при штабе верховного главнокомандования:

"6 июня с. г. на фронте погиб доблестный командир 2-й боевой группы капитан Евграф Николаевич Крутень, который своей неутомимой боевой работой стяжал себе неувядаемую славу и бесспорно может считаться гордостью нашей родной авиации..."

Телеграмма от инспектора авиации Юго-Западного фронта Ткачева:

"С чувством глубокой скорби узнал о гибели всеми глубоко, искренне уважаемого и любимого дорогого Евграфа Николаевича Крутень. В лице его русская авиация потеряла еще одну драгоценную жемчужину. Ушел в вечность искренний и честный товарищ, идеал боевого начальника и скромный герой. Он нес с собой неиссякаемую энергию, сплошной порыв и беспредельную любовь к делу. Мир праху твоему, дорогой товарищ".

Многие русские газеты поместили некрологи о гибели капитана Крутень, высоко оценивая его боевые подвиги, его заслуги перед русской авиацией.

...В газете "Киевлянин" за 11 июня 1917 года на первой странице крупным шрифтом набрано объявление:

"Отец, мать, сестры и братья с беспредельной скорбью извещают товарищей, родных и знакомых, что вынос тела волею Божьей погибшего военного летчика Евграфа Николаевича Крутень состоится 11 июня "3 часа дня, с вокзала, станция Киев-1, во Владимирский собор и дальше на кладбище Выдубецкого монастыря для предания земле".

Печальная весть быстро облетает город, передается из уст в уста.

...Поезд медленно подходит к перрону вокзала. Из вагона выносят гроб с останками доблестного летчика, устанавливают на гондоле аэроплана, заменившей катафалк. Гроб и гондолу покрывают авиационным флагом. Многолюдная траурная процессия движется по улицам города. Кажется, все население Киева провожает в последний путь своего земляка. Во Владимирском соборе происходит отпевание. Затем под звуки военного оркестра процессия направляется к Выдубецкому монастырю. В небе появляются три самолета. Они летят на низкой высоте, долго кружат над толпой. Это товарищи по оружию отдают последний долг безвременному погибшему воздушному витязю.

Когда кладбище пустеет, к могиле

[5]

, осыпанной цветами, подходит молодая женщина. Лицо ее бледно, веки опухли от слез. Она становится на колени. Губы ее что-то шепчут...

В эти печальные дни мать героя Каролина Карловна обращается в штаб Верховного главнокомандования с просьбой увековечить память безвременного погибшего сына утверждением фонда его имени и стипендией для выпускников военных училищ. Сама она бедна и не в состоянии выполнить задуманное. Начальник штаба отвечает матери летчика, что для этого нет средств, но что он "предложил командирам частей организовать добровольную подписку на стипендии и фонд имени Евграфа Николаевича Крутень".

Военные летчики горячо откликнулись на этот призыв, стали отчислять часть своего денежного содержания в фонд его имени. Текущий счет фонда имени Крутеня был открыт в Могилевском банке.

Летчики многих отрядов обратились к командованию с просьбой не исключать имя капитана Крутеня из списков авиачасти.

Много противоречивых суждений изложено о причинах гибели Е. Н. Крутеня. Но самое верное из них, пожалуй, объяснение Ивана Константиновича Спатареля. Катастрофа произошла на его глазах, и он считал, что командир погиб потому, что из-за ранения потерял в воздухе сознание.

...На Юго-Западном фронте наступила горячая пора — 16 июня началось широкое наступление русских войск
[6]

Активность авиации с той и другой стороны усилилась. В воздухе появилось много немецких самолетов, они стали часто летать группами, демонстрируя численное превосходство. Трудно приходилось истребителям 2-й авиагруппы, трудно без капитана Крутеня. Но они сражались отважно.

17 июня 1917 года, через десять дней после гибели Крутеня, командир 7-го истребительного авиаотряда Иван Александрович Орлов вступил в бой с четырьмя немецкими самолетами. Высота — 3000 метров. Орлов спикировал сверху на крайнего из "фоккеров", потом зашел снизу под брюхо самолета. Враг избежал смертельной очереди переворотом через крыло. Остальные "фоккеры" яростно нападали на "нюпор". Со всех сторон к нему тянулись нити пулеметных очередей. Силы были явно неравные. Можно было пикированием уйти от преследования немцев, попытаться сесть на своей территории. Но Орлов — воспитанник Крутеня, который так не поступил бы. Он продолжает бой. Уходит из-под ударов, сам ведет огонь.

Атаки противника — все злее, защищаться все труднее. Грудь пронзает несколько пуль, ручка управления вываливается из рук, и самолет беспорядочно падает на землю к западу от села Козово.

Ему было всего двадцать два года. Уроженец Петроградской губернии, Орлов получил среднее образование в императорском Александровском лицее, поступил в Петербургский университет. Война изменила сто планы. Он стал военным летчиком. Фронтовая жизнь закалила его. В марте 1916 года Орлов назначен начальником 7-го истребительного авиаотряда. 28 мая 1916 года поручик сбил свой первый немецкий самолет, ранив летчика, несколько позже — второй аэроплан противника. Четверка "нюпоров" во главе с Орловым сопровождала шестнадцать русских самолетов на бомбометание по станции Подвысокое, занятой противником. Русские летчики сбросили 43 пуда бомб, которые попали в немецкие эшелоны и вызвали пожар. Орлов в паре с Янченко завязал бой с "фоккерами". Они не дали противнику атаковать строй своих самолетов.

Во время стажировки во Франции Орлов и Крутеня крепко сдружились. Капитан передал молодому летчику многие секреты боевого мастерства. И Орлов сам написал работу "Приемы ведения воздушного боя".

За смелость, стойкость и самоотверженность в боях И. А. Орлов награжден Георгиевским крестом IV и II степеней, орденами св. Анны IV степени, Станислава III степени, Георгиевским оружием.

И снова звучит реквием погибшему герою русской боевой авиации. Его тело увозят в Царское Село для предания земле.

Начальником 7-го авиаотряда истребителей назначен корнет Георгий Владимирович Гильшер. Жизнь его — суровый подвиг.

В отряд Гильшер прибыл в марте 1916 года, после окончания военной авиационной школы. До этого он учился в Московском Алексеевском коммерческом училище, окончил Николаевское кавалерийское училище.

Есть люди, которым будто на роду написано принимать удары судьбы. Таков Гильшер.

Первое несчастье с ним случилось в Одесской авиационной школе еще в 1916 году, где он переучивался на самолете "моран". По оплошности товарища, работавшего с ним, при запуске

мотора он получил закрытый перелом костей правого предплечья. Но уже через два месяца летчик снова в строю. В судьбу Георгия Гильшера вмешивается великий князь Александр Михайлович, распорядившись перевести его в 7-й авиационный отряд истребителей.

"Отличный боевой летчик, решительный, хладнокровный, смелый. Высоких нравственных качеств. Seriously относится к порученному делу", — так записано в его служебной аттестации. В отряде Г. В. Гильшер изобрел для тренировки летчиков в меткой стрельбе качающуюся установку. Его систему одобрило вышестоящее начальство. Георгий Владимирович успешно проводит воздушные бои в паре с летчиком Шкариным, передает свой опыт товарищам. И вот второе несчастье. 27 апреля 1916 года он вместе с наблюдателем Квасниковым выполнял на "вуазене" разведывательное задание. Их атаковал немецкий самолет. На высоте 1000 метров отказал мотор, аэроплан свалился в штопор. Летчик приложил все усилия, чтобы выровнять тяжелую машину. Отчасти ему это удалось, но все же "вуазен" упал на землю. Кроме прочих ран, Гильшер получил тяжкое увечье — у него оторвало стопу левой, ноги. В тяжелом состоянии оказался и Квасников.

Георгия Владимировича отправили в 526-й полевой госпиталь. Казалось бы, с авиацией покончено. Но не таков был характер мужественного летчика. Выздоровев и получив протез для ноги, он решил снова вернуться в боевой строй. Он много упражнялся в ходьбе, тренировался. Со стороны, только тщательно присмотревшись, можно было заметить небольшую хромоту. В октябре его освидетельствовала медицинская комиссия. Летчик убедил ученых мужей оставить его на военной службе.

В письме начальника Управления военно-воздушного флота от 29 октября 1916 года говорится: "Ко мне явился... корнет Гильшер, которому я выразил полнейшую готовность оказать всяческое содействие в осуществлении его доблестного желания возвратиться на фронт..." Корнета направили в 7-й авиационный отряд истребителей. Командир с уважением относился к нему и при случае говорил летчикам: "Вот где настоящий героизм и патриотизм. Таких людей не сломят никакие невзгоды". И Гильшер оправдал надежды командира. Вскоре он сбил немецкий самолет.

Вершина доблести и самопожертвования летчика — его последний воздушный бой 7 июля 1917 года с превосходящими силами противника. В этот день он вылетел в паре с Янченко на патрулирование. В воздухе появилось восемь немецких самолетов, летящих строем. Что могут сделать два истребителя против восьми? Казалось бы, самое благоразумное — ретироваться, уйти с резким снижением на свой аэродром и вызвать подкрепление. Но такая мысль даже не приходит в голову Гильшера. Вражеские аэропланы летят на Тарнополь с намерением бомбить город. Значит, будут рушиться дома, гибнуть люди. Надо что-то сделать, помешать наглomu врагу. И русский летчик первым врывается в строй немецких аппаратов. Пулеметные очереди метят противника.

Несколько "фоккеров" атакуют Гильшера сзади. Со всех сторон — снизу, сверху, сбоку — к его самолету летят трассирующие пули. Мотор "нюпоры" вырывается из рамы, складываются крылья. Горящим факелом аэроплан Гильшера падает вниз. Прапорщику Янченко удастся выйти из боя и посадить изрешеченный самолет на свой аэродром.

В приказе № 195 от 7 июля 1917 года по 7-му отряду истребителей говорилось:

"Сего числа командир отряда военный летчик корнет Гильшер вылетел для преследования эскадрильи противника из восьми самолетов, направлявшихся на Тарнополь. Вступив в бой, несмотря на значительный перевес противника, доблестный командир отряда был сбит, будучи атакован несколькими неприятельскими самолетами сразу. В лице корнета Гильшера отряд теряет второго командира, свято, идейно и геройски исполнившего свой долг перед отечеством. Вступивший в должность командира отряда поручик Макаенок..."

Многие победы знаменуют собой боевую работу авиагруппы Крутеня. Кажется, он незримо присутствует на аэродроме, и жизнь идет по заведенному им распорядку. В приказе № 63 от 21 июня 1917 года появляется телеграмма: "Главком приказал сердечно благодарить летчиков и наблюдателей за их энергичную и полезную самоотверженную работу в период артиллерийской подготовки и первые дни боев".

Евграф Николаевич Крутень. Его имя стоит рядом с именем Нестерова. Крутень сбил в воздушных боях около двадцати немецких самолетов, причем большинство — над территорией противника. За боевые отличия он награжден орденами св. Анны IV степени, св. Владимира IV степени, св. Георгия IV степени, Георгиевским оружием. Но дело не только в ратной

активности летчика и его наградах. Он был одним из организаторов истребительной авиации в России, разработал основы тактики воздушного боя, сам применял ее в схватках с врагом и учил этому искусству летчиков. Бесспорна связь его дел с современной советской школой истребительной авиации, что подтверждают многие наши асы Великой Отечественной войны. А в жизни это был несколько замкнутый, сосредоточенный на своих мыслях человек.

Смотришь на портрет и видишь задумчивое, немного грустное, с правильными чертами лица, с юношески припухшими губами. В глазах вопрос, ожидание чего-то.

Еще одна из немногих сохранившихся фотографий Крутеня. Он сидит на крыле только что сбитого им вражеского самолета. На лице летчика нет выражения торжества победителя. Он не позирует. Взгляд отведен в сторону. Во всем облике капитана ощущается только усталость, какая бывает у человека после тяжелой, изнурительной работы.

Поневоле вспоминается, что однажды, сбив немецкий самолет, Евграф Николаевич обнаружил среди документов летчика фотографию, на которой был снят молодой человек, совсем юноша, с ребенком на руках, и счастливая, улыбающаяся жена. В тот же день Крутень сбросил во вражеском тылу вымпел с фотографией и запиской. Он писал, что сожалеет, лишив ребенка отца, а женщину мужа.

С тех пор пролетело немало лет. Много забыто из того далекого времени. Но никогда не будут преданы забвению доблесть и мужество верных сынов России. Не забудутся и славные ратные дела первых военных летчиков отечества, среди которых видное место занимает Евграф Николаевич Крутень, воздушный витязь, человек высокого долга, истинный патриот.

То было последнее лето старого мира, уже потрясенного февральской революцией. Близился Октябрь, ставший рубиконом между кондовым прошлым и новым временем. Многие чувствовали приближение грозной бури. И когда она разразилась, каждый должен был выбирать свой путь, решать, с кем ты: с народом или против него. Немало русских военных летчиков встало под знамена Великой Октябрьской социалистической революции, стало преданными бойцами Советской России. Иные скатились в лагерь контрреволюции, воевали в рядах белогвардейцев и интервентов, как например, В. М. Ткачев. Верится, что прославленный русский ас Евграф Николаевич Крутень, настроенный демократически, резко критиковавший косность и бездарность военного руководства империи, доживи он до Октября, был бы с нами в одном строю.

Наследники

"Был бы с нами в одном строю"... Написал я эту фразу и задумался. А почему, собственно, "был бы"? Ведь Евграф Николаевич Крутень, несмотря на трагический конец, оставался с нами, в наших рядах. Выпестованные Крутением летчики героически сражались с белогвардейцами и интервентами, защищая молодую Советскую республику. Заложенное им в душах воздушных бойцов живет, его традиции не забываются. Одна из них — атаковать врага везде и всюду, презирая смерть.

В конце 1917 года окончательно разваливается старая русская армия. В стан врага бегут реакционные офицеры, в том числе капитан Модрах, принявший командование авиагруппой после гибели Крутеня, монархист Шебалин. Но большевики, возглавляемые Иваном Спатарелем, председателем солдатского комитета, решают спасти свою часть, которая в то время дислоцируется в городе Луцке. Они прекрасно понимают, что новой рабоче-крестьянской армии нужна будет и авиация. Несмотря на многие преграды и трудности, удастся спасти самолеты, другое авиационное имущество. Костяк молодых летчиков, наблюдателей, мотористов остается в строю. 2-я авиагруппа переименовывается во 2-й авиационный дивизион истребителей.

Начинается гражданская война. Отряды, входящие в авиационный дивизион, сражаются на Восточном, Южном и Юго-Западном фронтах, под Тулой, Орлом, Брянском, над Перекопом.

Воздушные бойцы не забывают своего первого командира, славного русского аса Крутеня. И часто в часы передышки слышится:

— Эх, был бы жив Евграф Николаевич...

— Уверен, не бросил бы нас. Крепко он любил родину, народ.

— К нижним чинам всегда с душой.

— И его любили, верили ему.

— А какой летчик был!

Красноенлеты помнят и применяют в схватках, с врагом тактику воздушного боя, предложенную славным Крутенем. Несмотря на то, что у них в основном старые, изношенные самолеты, они громят белогвардейские авиационные части, поддерживают с воздуха наземные войска наступающей Красной Армии.

Можно ли сомневаться в том, что Крутень, его боевая наука оставались с нами в тяжелые годы гражданской войны?

Май 1920 года. Аэродром Аскания-Нова, где базируется 2-й авиадивизион. Ранним утром высоко в небе над летным полем появляется врангелевский истребитель, делает круги, ведет разведку. Надо пресечь полет врага, который может раскрыть планы красного командования. Командир авиадивизиона Иван Константинович Спатарель приказывает молодому летчику Якову Гуляеву:

— Взлететь немедленно, дать бой!

Гуляев поднимает свой залатанный "ньюпор" с аэродрома, по короткой спирали быстро набирает высоту, зорко следя за маневрами противника. Белогвардейский летчик заходит со стороны солнца и устремляется в атаку. Красноенлет на минуту теряет его из виду, но тут же вспоминает наставление капитана Крутеня: "Потеряв на сближении противника, резко измени курс". Круто бросает "ньюпор" вниз и влево. Над головой проносится огненная лента пулеметной очереди. Промазал "беляк"! И тогда Яков вводит машину в боевой разворот и устремляет ее в лоб противнику. Кажется, сейчас самолеты столкнутся. Но в последний момент у врангелевца сдают нервы, он отворачивает в сторону, а красноенлет бьет его из пулемета. Теперь Гуляев в непрерывных атаках, вводит свой самолет в крутые виражи, заходит слева и справа по всем правилам тактики. Подбитый враг, накренившись, ускользает, резко теряет высоту. Догнать его невозможно.

Летчики дивизиона ведут разведку, фотографируют вражескую оборону в районе Перекопа, штурмуют укрепления врангелевцев и завязывают воздушные бои.

В одном из боевых вылетов командир дивизиона Спатарель встречает вражеский "хэвиленд" — черный, с белым хвостом, летящий ниже. "Подойти внезапно и смело атаковать — так учил Крутень!" Спатарель бросает свою машину вниз. Очередь, еще очередь. Вдруг противник закладывает крутой вираж, направляет "хэвиленд" на аэроплан Ивана Константиновича. Самолеты расходятся левыми бортами, и Спатарель видит в вырезе кабины перекошенное злобой лицо старого сослуживца — Шебалина, ярого врага Советской власти, удравшего в октябрьские дни 1917 года из Крутеньевской авиагруппы. Красноенлет рванул свой "ньюпор" вверх-вправо, Шебалин бросил "хэвиленд" вниз, и тоже закладывает крутой вираж. Пулеметные очереди скрещиваются в небе. "Ньюпор" свечой уходит вверх и снова атакует. Истрачены последние патроны. Шебалин спешит уйти на свой аэродром.

Так описал этот воздушный бой генерал-майор авиации И. К. Спатарель в своей книге "Против черного барона".

Незабываемы воздушные схватки над каховским плацдармом. И здесь красные летчики показывают бесстрашие и выдержку, умение разбираться в сложной обстановке, вести воздушные бои с превосходящими силами врага.

Подлинным героем в эти трудные дни становится красноенлет 2-го авиадивизиона Николай Васильченко. Врангелевцы пытаются разбомбить с воздуха с трудом налаженную нашими войсками переправу. Под вечер 12 августа 1920 года в небе появляется семерка "хэвилендов". Сначала они держат курс на наш аэродром, но над Большой Каховкой вдруг разворачиваются влево и начинают заходить на переправу с тыла. Вот-вот на мост полетят бомбы. Этот маневр замечает возвращающийся с разведки Николай Васильченко и сразу же идет в атаку на ведущий "хэвиленд". Атакованный вражеский самолет отворачивает в сторону и пикирует вниз. Строй врангелевцев нарушается, но вскоре они бросаются на выручку командиру. Николая атакуют

сзади-сверху два самолета. Над самой кабиной "нюпор" проносятся огненные трассы пулеметных очередей.

Внезапное нападение противника не ошеломляет Васильченко. Маневрируя по высоте и направлению, он уходит из-под удара, круто разворачивается и сам атакует. Пулеметная очередь сражает одного из нападающих. "Хэвиленд" валится вниз и падает за Большой Каховкой. Второй враг, не приняв боя, уходит на восток. Между тем четверка "хэвилендов" снова пытается бомбить переправу, и Васильченко снова атакует их сверху. Враги поспешно сбросив бомбы, куда попало, спешат домой. Однако один оставшийся врангелевец нападает на красноенлета. Завязывается тугая карусель схватки. Николаю удается зайти самолету противника в хвост и в упор, с короткого расстояния, как это делал Евграф Крутень, расстрелять его. Один против семерых — и победил.

Крутеньской хваткой отличался на Западном фронте красноенлет Алексей Дмитриевич Ширинки", командовавший авиадивизионом. В одном бою он зажигает и уничтожает два самолета противника. Его излюбленный прием — атака сверху, выход под хвост аэроплана противника и нанесение удара с дистанции 30–50 метров. По примеру Крутень командир эскадрильи вводит полеты парой и группой. Красноенлеты применяют в схватках фигуры высшего пилотажа — "мертвую петлю", штопор, перевороты морем крыло, крутые виражи с набором высоты.

Столь же успешно действует комэск Александр Тимофеевич Кожевников. Он обучает подчиненных тактике воздушного боя, одерживает с соратниками победы над вражескими пилотами, летающими на новых заграничных машинах.

Десятки отважных летчиков за успешное выполнение заданий командования награждены орденом Красного Знамени.

Почему же молодые красноенлеты выходили, как правило, победителями из воздушных схваток с белыми? Ведь врагами были опытные летчики царской армии, летавшие на новых иностранных машинах, а наши летчики — на старых потрепанных аэропланах. Ответ прост. Красноенлеты сражались во имя высокой цели — свободы и счастья народа. Они не щадили себя, не боялись смерти, были сильны революционным духом.

Примечания

1

В то время еще не было ни уставов, ни наставлений, определяющих действия авиации в полевых условиях. П. Н. Нестеров, по сути, закладывал этими своими действиями основы тактического использования авиации. — Здесь и далее — прим. авт.

2

Это убеждение П. Н. Нестерова, возможно спорное, было опубликовано в печати.

3

Это донесение ныне хранится в Центральном государственном военно историческом архиве СССР.

4

А. Казаков не долго служил в Киеве. Его направили в Одесскую авиационную школу для обучения полетам. В сентябре 1916 года назначен командиром 4-го армейского авиационного отряда. Впоследствии за боевые заслуги будет награжден несколькими орденами, в том числе офицерским Георгиевским крестом, Георгиевским оружием.

5

Спустя многие годы обветшалую могилу Е. Н. Крутения разыскал заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза А. Н. Грацианский, Останки Евграфа Николаевича перезахоронили на Лукьяновском кладбище рядом с могилой П. Н. Нестерова. Памятник сооружен на средства авиаконструктора О. К. Антонова.

6

Наступление продолжалось в течение месяца и закончилось неудачей. Русская армия отошла к государственной границе.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAlgCWAAD/2wBDABALDA4MChAODQ4SERATGCgaGBYWGDEjJR0oOjM9
PDkzODdASFxOQERXRTc4UG1RV19iZ2hnPk1xeXBkeFxlZ2P/2wBDARESEhgVGC8aGi9jQhC
Y2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2NjY2P/wAAR
CASUAAt0DASIAAhEBAxEB/8QAHwAAAQUBAQEBAQEAAAAAAAAAAAECAwQFBgcICQoL/8QAtR
AA
AgEDAwIEAwUFBAAQAAAF9AQIDAAQRBRIhMUEGE1FhByJxFDKBkaEII0KxwRVS0fAkM2JyggkK
FhcYGRolJicoKSo0NTY3ODk6Q0RFRkdISUpTVFVWV1hZWmNkZWZnaGlqc3R1dnd4eXqDhIWG
h4iJipKTlJWWl5iZmqKjpKWmp6ipqrKztLW2t7i5usLDxMXGx8jJytLT1NXW19jZ2uHi4+Tl
5ufo6erx8vP09fb3+Pn6/8QAHwEAAwEBAQEBAQEBAQAAAAAAAAECAwQFBgcICQoL/8QAtREA
AgECBAQDBAcFBAQAAQJ3AAECAxEEBSExBhJBUQdhcRMiMoEIFEKRobHBCSMzUvAVYnLRChYk
NOEl8RcYGRomJygpKjU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6goOE
hYaHiImKkpOUIZaXmJmaoqOkpaanqKmqsR00tba3uLm6wsPExcHyMnK0tPU1dbX2Nna4uPk
5ebn6Onq8vP09fb3+Pn6/9oADAMBAAIRAxEAPwDV0uxjOGCAD6VsrBEvJArNhmIAC8D2q/D8
yZI5r52pUk3ds6ErEjFBwAMUAr2SmOvzj6VKqistjsRtjnKD8qaEB5CIPoKlcUKOKOdoCBIw
LjAAxj0qztGOIRD/AI+T9Kn7UpSbAj2j0FLjApTSGp5gAcDKXerSUYouAZY8jFlc91FLg9qM
mnzARqqeQBmn7QT8oFOHPUUvToKOYBNoA6CkwPSIJpccUuYBNoPajYPQUtJmi4g2j0FJ5a
+gpQaWi4DfLU9QKPLX+6KU9KB0p3ANo9KNi56UvWl05gGFE/uik8tB/AKcaKOYBNidNo/KkM
aEfdX8qdRT5mMZ5Mf91fyoEMY6Iv5U/tRS52Az7ND3RT+FNNpbn/AJZJ/wB8iphSOCRwcUKb
EV/sNsORDGP+Aj7DATzCn/flqzilqvay7gVTP9sf+WKf98imtp1rt/1Cf8AfNXKMUE1n3EZ
Z0y3HPIL+VLHpd3/LJMf7taWKMY6Vft5dwsjPOIW+f9UmP92l/su0H/ACwT8qv4oIpe3n3C
yKP9mWo6Qp+VH9l2vUxLn6VdxzSml7afcLlo/wB12v8AzyX8qQ6TaH/liv5Vfop+3n3CyM/+
yrXtCv5UHSbVjxLn6VfxRTVefcLionSbX/niv1xS/2Xa4x5S/IV0mkJo9tPuHKiidHs25MC
Z+IVb6z0y1iLywx5xwMcmptU1WPT4iCd0p6KK4y8vpbuZpJHLE/pXZh41aju27Gc5RQ+edDI
THGijMDio/tBxjah9ioqoWOcGgdf8a9dal5mWvNzsfu4z/wAUGQg/cj/wC+RVcZ+tOBI69K
YiwsuRysY/4COaXzfRIz/wABquNp7mpaKSeQRopJbsKLgSxAyMFWGJif9mtyLR7e3szPfpG
gkxAcGpoLa20SDz7ohpv4V96oM8+qObm7fy7ZPyFTE5Wi3K8Fkl7cN5UKRwjzqdh71WvmtEm
2WsKsq8Fj3p+oaoWU21ohjtx+be5rMLZOfWrsZuROZB0MUWfpSbl/ihj/DNQZPHU0m480ybk